

ISBN: 978-5-91865-619-8

ВИКТОР ПЕТРОВ

ОКУЛЯР

ОКУЛЯР

Виктор Петров

Виктор Петров

ОКУЛЯР

Виктор Петров

ОКУЛЯР

Статьи, эссе, заметки о литературе

Вест-Консалтинг
Москва
2020

Эта
книга поистине «со-
бранье пёстрых глав», где ав-
торские размышления о литературе,
чей главный герой – человек Слова, тот,
кто проходит по писательскому ведомству,
перемежаются с радостными и горестными заме-
тами на полях прочитанного как в силу служебной
надобности, поскольку литературный критик и пу-
блицист Виктор Петров – главный редактор журнала
«Дон», так и по велению души. Все до единого тек-
сты первоначально увидели свет в «Литературной
газете», «Литературной России», «Дне литерату-
ры», других СМИ, а также в книгах и журналах.
Собранные вместе они в определённой сте-
пени дают представление о современном
литературном процессе, куда как раз
и направлен «Окуляр»
Виктора Петрова.

Аз воздам

Лукоморье

Миром правит слово.

Божье ли? гумилёвское?..

Судьбе было угодно вывести меня к азовскому лукоморью, где я обосновался в рыбацкой мазанке, обтянутой зернистым рубероидом и несчётное число раз латанной, но крытой железом – правда, наполовину. Оконце распахивалось на уровне неба, которое цепляло край крутого яра, изглоданного злым оползнем. Берег осыпался, уходя из-под ног, и море стелилось далеко внизу. Небо же впрямь казалось очень близким: ещё чуть – и тронешь рукой.

Любил стоять на краю, точно бы отдаляясь от всех и вся, охватываемый лишь ветром. Слева изгибался стёганный ковыльной изморозью склон обрывистой балки с жёлтыми вспышками жердёлин на одиноком деревце, справа проглядывал при ясной погоде Таганий Рог. Моя душа, издёрганная вконец мельтешением городских дней, тянулась к неоглядности заоблачных высот, лишь бесстрастно отмечая пространство, залитое свинцовым мелководьем, иногда отступавшим далеко от берега. Позади зачастую раздавался железный гром вагонных сцепок, но это не мешало растворяться в небе и принимать небо в себя – быть с небом.

Иной раз спуск увлекал своей крутизной, и я оказывался на целинном плато. Здесь ничто не вредило цветам и травам, что вольно произрастали, сплетаясь друг с другом. За купами серебристых маслин между слоистых камней бил студёный

родник. А у берега чалились прогретые солнцем лодки да кричала в голос чеховская чайка...

Ближе к полуночи я приспособливался за шатучим столиком и жёг свечу – другого света и не могло быть здесь. Из красного угла взирал Николай Угодник, чью икону чудом отыскал среди брошенного в сняххлама и храню по сию пору.

Обуреваемый тоской от невысказанности угасшего дня, тянулся к бумаге. Одно лишь слово – пусть ещё слабое, не совсем верное – могло успокоить растревоженную скоротечностью бытия душу. Перед неотвратимостью судьбы защитой становилось только оно – отыскиваемое сейчас, пусть ещё никому не известное, понятное разве что высшей силе. Стихами было всё: небо, степь, море, разнотравье, душевная смута; а более всего – оплакиваемая восковыми слезами горечь исхода...

Мной правило слово.

Здесь – у пушкинского Лукоморья.

Пушкин со станции Успенской

Мне было лет семь, да, точно, восьмой шёл – как раз после первого класса. Лето в Успенке, бабушка Устинья Харитоновна, её хата метрах в пятистах от станционного вокзальчика, а на другую сторону, чуть подальше, уже Украина. Мы с мамой и младшей сестрой блаженствуем в вишнёвом саду, пьём соседкино парное молоко и дожидаемся отца, что пока армейскую службу служит.

В горнице, где в красном углу лампадка высветляет лик Спасителя, прямо на полу составленные фанерные ящики. Они с книгами. Это от ленинградской учительки, что квартирует у бабушки и на лето уехала домой.

Мне дозволено их брать и смотреть. Там вся русская классика, но что я понимаю. А вот про Пушкина знаю – сказки. Но тут с десятков увесистых томов. И я открываю первый...

Сам не знаю, как получилось, но за лето я осилил всего Александра Сергеевича. Просто читал страницу за страницей,

толком не постигая смысла, куда мне было, да вот влекло нечто. Почему-то помню свои слёзы над горемычной судьбой стационарного зрителя. А все стихи были одним целым, одной музыкой. Только сейчас разбираюсь, что произошло в то лето.

Я вдруг по детскому наитию осознал: есть некий другой мир. Мир, заключённый в тех строках, что пишутся с заглавных букв. Это было незнакомое мне, но удивительное. И сотворённое одним человеком, чей непривычный облик стал внезапно казаться близким и существующим всегда вроде иконного лица.

Родственные земли разделила вначале Успенская таможня, а потом...

Когда я думаю об этом райском уголке моего детства, то, кажется, ощущаю в ладонях ту былую тяжесть всех по очереди томов собрания сочинений поэта.

Это мой Пушкин со станции Успенской.

По ту сторону

Русские символисты, как никто, приблизились к библейской знаковости Слова. Нахождение в земной реальности и напряжённое вслушивание в иной мир, в потусторонность, где звуки – и не звуки, а символы, обусловили ознобную новизну их поэтики.

Символизм на Западе существовал только в рамках литературного течения, хотя ему отдали дань Рембо, Верлен, Метерлинк, Рильке... Отечественная же почва взрастила целую плеяду имен, заглавных для «русского Ренессанса». Высказывание Бердяева: «Поэзия символистов выходила за пределы искусства, и это была очень русская черта» объясняет многое, как и данное им определение – «серебряный век». Последнее – переключ с «золотым» пушкинским веком.

Достоевский пророчил революцию, заклинал не впасть в ересь. Гармония и отзывчивость по Пушкину могли бы убе-

речь от распада, но мало кто внял предостережению писателя, как и тому, что трагически не совпадают революционные сдвиги и христианский гуманизм.

И только поэты-символисты, пусть и на свой лад, как бы духовно продлили прозрения Достоевского, чувствуя сырой мрак образующейся бездны, которая скоро поглотит Россию, подтачиваемую изнутри смутой безвременья. Удивительно, что в канун вселенских потрясений они, обозванные декадентами, прибегли к новому романтизму, тоскуя о неведомом доселе мироустройстве при воцарении общности и свободы. Символистам удалось обратить современников, а за ними и последующие поколения собственно к поэтическому слову. Во всех их теоретических изысканиях, заметках, подчас противоречивых до взаимоисключения, объединительным выступает духовность. Ценность эстетических установок подкреплена стихотворным серебром.

Менее десяти лет понадобилось символистскому движению, чтобы утвердиться в России – от трактата Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» и его стихотворного сборника «Символы» (1892) до «Третьей стражи» В. Брюсова и «Горящих зданий» К. Бальмонта, вышедших в 1900 году. В промежутке появились сборники «Русские символисты», ряд иных изданий.

Многое привнёс в символизм учением о божественном и природном мире философ Владимир Соловьев, сам превосходный поэт. Человек – связующая нить двух миров. Поэт в таком случае представляется посвящённым в запредельное, ему дано силой символа провидеть, выразить невыразимое. Анненский, Брюсов, Вяч. Иванов, Бальмонт, Блок, Белый по-разному объясняли свою избирательность. Символ – это не только «знамения иной действительности», «беглый язык намёков, недосказов», или выражения того, «что нельзя просто «изречь», а и сопровождение «от земной реальности к высшей».

Символисты желали иного мира. Человечество должно преобразиться. Но можно ли достичь этого через Слово? Они божественно владели им, верили своему предназначению. Таковы мученики и святые. Андрей Белый настаивал на рели-

гиозном смысле искусства. Отсюда следовало его главенство над всем сущим. Слово, звук уже сами по себе способны изменять земную жизнь. Интуиция вела символистов, но, может быть, так называется некое пророчество? Присягая свободе, они и полагали себя пророками.

«Вторая волна», младосимволисты – Вяч.Иванов, Белый, Блок – пошли дальше предшественников – Мережковского, Брюсова, Бальмонта, Гиппиус, Сологуба. Инакость стала явной после 1905 года и вела к расколу. Решил 1910 год. Тогда весной Вяч. Иванов сделал доклад «Заветы символизма» с призывом жизнестроительства. Брюсов стоял на чистом искусстве. Отсюда споры, упреки, обвинения. Символическое течение распалось, окончательно исчезнув в 1917 году. Голоса поэтов сорвала Революция.

Остается Александр Елок. И пишет «Двенадцать». Негодуют друзья, косятся враги. А поэт в конце поэмы приходит к символу символов. Блоковский Христос толкуется разное. Речь о другом. Спаситель «в белом венчике из роз», а не в терновом венце. Откуда это явилось Блоку? Может быть, из той петербургской ночи, когда он на башне Вяч. Иванова впервые читал «гениальную звукопись» своей «Незнакомки» и ему из Таврического сада откликнулось соловьиное пение? Было знамение свыше. Тот Христос, апостолами которого выступили русские символисты, не исчез да и не мог исчезнуть. Они увенчали его белыми розами несбыточных, но от этого не менее прекрасных Слов.

Серебряный век аукается, ищет повторения. Щемит ответное из сегодня:

*Расчесалась серебряным гребнем –
Сердце бьёт о ребро:
Князь серебряный, век серебряный,
Старое серебро.
Я крещенскую воду из проруби,
Как святую, беру
И кропить не окрестность ли пробую –
Звёзды по серебру;
Стает сила нечистая дымом,*

А за глыбами льда
 Померещится облик родимый:
 «Мамочка, ты куда?»
 Но пройдёт и не скажет словечка,
 Ангелы так идут,
 Догорает во здравие свечка –
 Что поделаешь тут?..
 Я лечу по серебряным рельсам,
 А Отечество спит:
 Спирт спасает, его хоть залейся –
 Стихотворный пью спирт.
 Захлестнёт кольцевая дорога –
 Лунная колея –
 То ли след от чужого ожога,
 То ли гибель моя.

Предыдущий вековой слом известил о погибели Земли Русской. Железное столетие не убило сна о ней. Бьёт церковный колокол, вознося молитву о воскрешении богоданной России... Опять ли поворотная веха? Куда только? Кто знает.

Сценка

И вот – как сочетание мыслей, чувств – стелется дорога сквозь времена, сквозь пространства.

... Загородная трасса внезапно леденеет. Руль отбивается от моих рук, и машина идёт юзом. Колёса чудом цепляют край обочины. Выбираюсь наружу, где истошный ветер рассыпал снежную рукопись. Летит по свету и пропадает из виду сонм страниц. Что там за текст? Как собрать, прочесть?

Непостижимым образом глаз отмечает искомую строчку. Шепчу её, чтобы удержать в себе. Слова снизошли откуда? Вроде бы их транслируют всячье небо, натянутый маревом Дон, скифский предел. А там – кто знает...

Внезапность стихов и есть их подлинность. Сперва – звукопись, интонация; смысл не так важен. После – крещённый

стократ черновик; беловые строфы переберутся на мерцающий экран, но и там не возбраняется править. Для стихотворения наступит стороннее бытование. Я же его воспринимаю через ощущение, самое первое чувствование, как вот сейчас – на аварийной дороге.

Рифмуется поэзия с лезвием. Этот образ не отпускает. Искомая строка живёт сама по себе, живёт раз и навсегда. Изменить череду слов невозможно, равно как и переупрямить стальное лезвие. Его можно только сломать.

Поэзия есть высшим промыслом найденное сочетание слов, чья суть и ладовое звучание вызывают запредельные чувства: обрушение в бездну, горний полёт...

Стихотворение. Стихия и Творец – вот что в основе. Стихийное творение? Или сотворение стихии? Стихийность творения – негаданность, порыв, невесть что и откуда явленное – очевидна... И – сотворение: вполне разумное дело, свершаемое пусть и не по канонам сего мира, но существующее всё-таки во благо ему.

Писание стихов – при тайне самого процесса – предполагает невероятную отдачу всего себя, даром ли «требуется поэта к священной жертве Аполлон». Слово оплачивается судьбой, даже самой жизнью. И сколько тому примеров! А то, что ныне предполагаются «последние времена», так возвышенный слог обретается в иной системе координат, где главенствует пушкинский «Пророк».

Не изменять Слову ни при каких обстоятельствах. Осознавая свою единственность, понимать, что ты, по сути, образован из того классического замеса, который сотворён тремя веками русской поэзии, всей нашей литературой. И ещё песнями, сказками, преданиями. Вообще великим русским языком.

Истинная поэзия – та же исповедь, только перед всем честным миром! И молитва одновременно, когда неизменен порядок слов.

Поэт начинается с интонации – это то, как сцеплены слова. Повторение других и другого невозможно, переимчивость губительна для пишущего. Лишь единственный путь, в некотором роде Крестный путь уготован отмеченному даром свыше.

Жребий избранничества оплачивается сполна и лишениями, и потерями, и сомнениями... На всё воля Божия!

Поэтическая настройка на современность обязательна, но без чувства историзма, конкретно, осознания сложности русского бытия не обойтись. И беда, когда версификатор избирает писание текстов на потребу себе подобных. Их, к сожалению, не так уж и мало, они находятся на разных сайтах, себя воинственно зачисляют в непризнанные гении и тем счастливы. Но здесь вопросы к профессиональному литературному сообществу.

Чувство исторической трагедии не в том, чтобы «работать с темой»; требуется передать самим строем твоей музыки глубинные токи связуемости всех времён, когда беды преодолеваемы единением Русского мира. Взять того же Лермонтова, там всё об этом есть. Поэта ведёт провидение. «И звезда с звездою говорит...»

Только поэтическая речь способна выразить живую душу. Всё-таки вернётся русский человек к тому православному образу, каким его замыслил Спаситель. Хотелось бы надеяться, что слова Достоевского о Пушкине, который был тем, кем мы должны стать, исполнятся. И смысл не в том, чтобы писать как Александр Сергеевич, что и невозможно, а осознавать себя по-пушкински, когда «ни за что на свете» не хотелось бы «переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Энергия рифм закольцовывает годы, страны, делая их близкими, сводит в единый круг самых разных подданных Слова. И тогда – как в моём стихотворении «Альбион»:

*Дорожная карта раскрыта:
Скорей бы доехать, скорей!
Своё отраженье ракета
Несёт до британских морей.
Веселье свободного круга
Хотелось бы выпить до дна...
Утешимся песней, подруга, –
Есть песня такая одна*

*О том, как скакал на чужбину
Служивый казак молодой,
И ветры дербанили спину,
И небо мешалось с водой.
А может, не так оно было,
Но было, случится ещё,
Коль дева его не забыла,
Блестая слезинками щёк.
И, словно казак тот рассыльный,
Храню на груди, как пакет,
Россию – вдали от России,
И этим я русский поэт.
Туманится берег английский,
И ветры толкают вдогон,
И друг ожидает неблизкий,
И чудится в «Лондоне» – Дон*

Крестные раны

Несть числа русским трагедиям века минувшего, чей белый плат надежд был изорван и окровавлен на братоубийственных ветрах. Все ли потери сполна оплаканы, осознаны?.. Неугасаемо горят поминальные свечи в храме отечественной словесности, бередя душу случившимся на многие годы расколом великой литературы. Образы тех, кто не по своей воле оказался в рассеянии, осияны мученическим светом. Быть вне России, но думать, писать о ней – нет горшей доли для русского писателя.

Так и видится бальмонтовское древо, что «в веках называли Россией», захваченное апокалипсическим вихрем. Листья летят по свету – принуждены пасть у Сены, в другом ли месте... Отныне жизнь в чуждом пределе станет называться по-цветаевски – «тоска по Родине».

Вырвутся тягостным выдохом строки – они больше, чем поэзия, они – и словедывание уже перед самим Господом. Такие

стихи исторгает человеческое естество, и они сродни слезам, крови. Такие стихи и есть – как у Бунина – «боль крестных ран».

Тяготясь чужбиной, не смей думать о возвращении домой? Как можно! Русскому поэту нельзя без родины. Исключения бывают, но это уже другая планида, иная литература. Речь не об этом. Русский поэт живёт родиной в стихах.

Пожалуй, точнее остальных в выражении чувства к отдалённой России оказался Игорь Северянин:

*Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!*

Осознание сего упрочает дух, даёт силы... И это, когда «В неволе я, в неволе я, в неволе!», и из тех же набоковских уст – обращением к Отчизне: «...Моё ль безумие бормочет, твоя ли музыка растёт...». Хрестоматийное Арсения Несмелова «Россия отошла, как пароход...» раздирает душу, как и несбыточное у Дона Аминадо: «Эх, если бы узкоколейка /Шла из Парижа в Елец...». А в урочный час беззаветная храбрость по-русски – «Головой за вечную Отчизну лечь» (Кузьмина-Караваева). И объяснением страшных лет России становится признание того же Несмелова:

*В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали!*

Или – или.

Только в поэзии такого нет. Стихи не разделить на белых, красных или ещё каких. Поэзия сама по себе. Содрогаешься над Георгием Ивановым:

*Было всё – и тюрьма, и сума.
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...*

А ведь не услышанная в своё время Муза русской эмиграции и теперь вроде не ко двору. Хотя... Хотя – кто знает! Дойди в глухие времена поэзия изгнания до тех, кто мог читать только известных, определённых стихотворцев, пусть хороших и разных, – быть может, было бы иным устройство нашего Отечества. Как не отозваться всем своим существом на сказанное Иваном Алексеевичем Буниним в конце жизни:

*Золотой недвижно свет
До постели лёг.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мёртвую печаль...*

Сожалеть ли о прошлом? А если и ныне творится подобное уже в самой России? Высокий слог не в чести, поэты отставлены, они странно «эмигрировали в себе»... Их голоса кому слышны? Сокрушаться же придётся потом. Печально и горько сие.

Собранные в свод стихотворные строки теснятся перед воспалёнными глазами, кровавая донельзя душу плачем по русской земле и одновременно врачуя её, пока не наступает забытьё. И тогда увиден «Вещий сон».

*Вознесенье пасхального гуда,
Только взор упадет во тьму...
Этот сон, я не знаю, откуда,
Этот сон, я не знаю, к чему:
Скачет лошадь, убитая лошадь,
Мимо русских кладбищенских плит;
След копытный – свечение плошек,
Дым встает и к востоку летит
Против сильного ветра – в пределы,
Где невмочь и терпеть и любить...
Белый флаг – мое белое дело,
Золотая рассыпалась нить;*

*Ну а дым всё чернее, чернее,
Развеивает, как искры, шитво:
Я на родине, только не с нею,
Как мне жить, если всюду мертво!..*

Амазонки

Мужская и женская рифмы дразнят намёком на различность стиховых стихий, если в авторах – он и она.

Велик соблазн оспорить женскую строку, ограничив заурядным бытованием. Выказывает себя русская почва, у нас поэзия – дело мужское, как война, либо ещё какое занятие. Стихотворство сродни служению в храме. И хотя среди апостолов не оказалось ни одной женщины, всех ранее ведь была Богоматерь.

Слабому полу уготовано множественное творение мира, мужская же суть – первопричина, пульсирующий толчок. Писать стихи, жить стихами уже означает жертву. Отказ от реального во имя необъяснимого – черта мужская. Что же женщина? Разделяясь на другие жизни, единая во плоти с дитятей, она обречена на жертвенность по своей природе. И вот берётся за перо... Двойная жертва.

Трогает цветаевская обмолвка: «Я думаю о тех... Об одногрудых тех, – подругах тех!..» Выжигание части себя самой для уподобления сильному брату, чтобы сравниться с ним, обороть его. Не таков ли и приход в русскую поэзию этих жертвенниц, амазонок – вначале утончённых барышень и дам, чьи альбомы благоговейно расписал пушкинский век? Их воспели, как никого и никогда.

Отвечать пристало в стихах. Ангельские голоса витают на балах, в дворянских усадьбах, в купеческих и мещанских домах, потом появятся курсистки... Женский почерк всё более узнаваем. Амазонки, лишаясь одной груди, лучше стреляли из лука, а взять лиру – пренебречь житейскими радостями небесных звуков ради. Доходило до жестокой платы за то, что-

бы стать вровень с признанными поэтами, и судьбы изобилуют примерами такого рода.

Первой должно числить Каролину Павлову, которая в антологиях следует обычно за Тютчевым. Совпадение не только из-за близости дат, существеннее – своеобразие «лирики женского сердца». Павлова была признана в литературных салонах, удостоилась стихов-посвящений Баратынского, Вяземского, Языкова... Мицкевич добивался её руки, но помолвка расстроилась. Общалась с Хомяковым, Герценом, Огарёвым, Аксаковым, Фетом, а «неистовый» критик посчитал одно её стихотворение в «Отечественных записках» за 1830 год прекрасным.

Лицо Каролины Павловой обрамляют завитые локоны, черты мягкие и контрастом – пристальный взгляд. Такие глаза не забываются. Вот он, взгляд первой половины XIX века.

Родственники были против литературных опытов Евдокии Ростопчиной, хотя её «Талисман» заметил Пушкин, и Лермонтов обратился к ней с пророческими строками:

*Я верю: под одной звездю
Мы были с вами рождены;
Мы или дорогою одною,
Нас обманули те же сны.*

Она пишет, печатается. Тот же критик досадует, что муза Ростопчиной «прикована к балу» и страдает «светскостью», хотя и не «чужда поэтических вдохновений». Разве это не похвала? Баллада свободолюбия «Насильный брак», как и лермонтовское стихотворение «Смерть поэта», вызывает монарший гнев.

Звучат новые женские имена – чаще, значительнее: Мирра Лохвицкая, Тэффи, Любовь Столица, Наталья Крандиевская, Татьяна Ефименко, Вера Меркурьева... Любопытно, что в стремлении достичь большей выразительности иной раз примеряется мужское обличие. И если у Поликсены Соловьёвой это только прорывается: «Светлой радостью я окрылён...», то Зинаида Гиппиус намеренно обретает иной род – «Я волей

круг свой сузил», хотя и на гибельном выдохе соединяет оба начала в одно:

*Мы умные – безумны,
Мы гордые – больны...*

Поражает земной путь к Богу Елизаветы Кузьминой-Караевой. Милое детство, трогательная любовь близких, родина... Отсюда цельность природы, готовность нести свой крест. Вал революции и чёрствый хлеб эмиграции. Предсказание в стихах:

*...Вдруг Господни длани
Меня швырнут в круги иных скитаний.
За что? Зачем?*

Ответа на первый вопрос нет. Жизнь после пострига в монахини поясняет – «зачем?» Русская поэтесса под духовным именем Мать Мария страдает несчастным людям, жалеет, облегчает их участь. «Иную жизнь почувствовать свою», – определено свыше. Во время оккупации Елизавета-Мария борется с врагом Франции за свою Россию. Газовая камера становится Голгофой, но и в смертный час она поддерживает ближних. Моление Господу – «Засвети меня, Твою свечу...» – исполнилось.

Череда амазонок растягивается на целое столетие – с перелётом серебряного века до опасной черты. Там Марина Цветаева, чья неприкаянность и сиротство души принимаются как укор. Её последнее слово – уход в загаданный мир.

Отдельно стоит Анна Ахматова. Сама по себе. Родом из серебряного века, она одолела неодолимое, подтвердила правило. Слова Блока о том, что Ахматова пишет стихи так, будто на неё смотрит мужчина, а надобно – Бог, не задевают, если подумать о первоначальности. Поэт Анна Ахматова соединила времена, перейдя в иной поэтический ряд, открыв его собой... Но это разговор для будущего.

Чистый круг жизни

Город заваливает снегом.

Пролетарский вожь, похоже, намерен ступить в ближний переулок, забывчиво именуемый Подбельским на табличке от Садовой, далее к храму окрещённый Соборным. Оплошка чисто ростовская, городу без разницы – белые? красные? – он был и есть сам по себе, как там ни называй.

Слева остаётся солженицынская школа. Аварийное здание на Социалистической чернеет провалами окон, заковано в железо – ржавая проволока, решётки, висячие замки. Не подступиться. И лишь кое-где цепляется за арматурные прутья сумеречное небо. Дальше – ещё кирпичные останки. Дряхлеющий центр города. Ростов уходящий.

Фадеевский дом заметен издали, величав и поныне, даже соседство с каменными громадами центральной улицы не умаляет его. Фасадная кладка рельефна и трогает сердце утерянной ныне гармонией. Верхний ряд окон. Какое из них?.. На фронтоне проставлен 1911 год. Притемнённый вход. Колодец двора. Была здесь жизнь, сменяемая сколько раз. И не у кого о той жизни спросить. Всё и вся по-другому. Не скажут, а скажут, так переврут. Нет, не со зла, просто иного не разумея.

И спасается душа троеперстным перелистыванием архивного шшива. Титульная страница первого номера литературно-критического журнала «Лава» за апрель 1925 года увенчана непреклонным «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..» Орган Северо-Кавказского Объединения Ассоциации Пролетарских Писателей: именно так – с больших букв. «От редакции» написал Фадеев. Слог веры и правоты.

«Журнал... спаяет, объединит... даст возможность из узких рамок своего кружка, ассоциации вынести произведения в широкую читательскую массу... поможет рассеять ложные обвинения, созданные врагами пролетарской литературы... должен стать массовым... должен стать неразрывным мостом между пролетарскими писателями и пролетарскими читателями.

Первый номер – основание моста.

Будем крепить дальше».

Всё на алтарь пролетарской литературы. Была ли такая? Я не знаю, как не знаю, была ли дворянская, советская, эмигрантская, или даже какая сейчас у нас... Но знаю: была и есть русская литература. А то, что «Лава» представляла пролетарские стихи и прозу вкупе с произведениями попутчиков, разве грех? Даже шибко идейные вещи свидетельствуют о времени полнее исторических фактов.

Александр Фадеев только перебрался в Ростов и занят множеством дел. «Я был тогда ещё очень молод...» Микоян запомнил: «Фадеев убеждал членов бюро крайкома в необходимости... литературного журнала. И ведь убедил, добился своего!» До осени 1926 года выходила «Лава» с Фадеевым, затем издание преобразовалось в журнал «На подъёме», «Литературный Ростов», а с 1946 года это журнал «Дон», наречённый так Шолоховым.

Взгляд комнатки на пятом этаже устремлён вдаль, поверх крыш, туда, за Дон. Жилец подолгу простаивал, прижимаясь к стеклу. Батайские огни тонули в реке. Бруклинским казался чёрный мост. Пароходы влекли в неизвестные аеста. Чертовски уставший за день, он грезил о своём. Такое с каждым, кто, сворачивая на писательство, переживает смену вех. Ему «адски хочется писать». Реальность переходит в вымысел, а тот обозначен словом, что на поверку реальнее реальности, поскольку «тленья избежит».

Он истекал кровью на кронштадском льду, но выжил. Всерьёз взялся за литературу. Интуитивно начал с дальневосточной юности, пестуя то удивительное состояние, когда ты «абсолютно один в своих ощущениях и воспоминаниях». И вот тот самый хрестоматийный зачин: «Бренча по ступенькам избитой японской шашкой...» Однажды я слышал его из уст Анатолия Вениаминовича Калинины, угадывающего в нём ключ ко всему роману. Это как шолоховское: «Мелеховский двор на самом краю хутора». Отрывок «Двое» из «Разгрома» печатается в «Лаве» в августе 1925 года. Следует и продолжение.

Журнальные книжки невелики – нету и ста страниц табачная желтизна окурной временем бумаги. Есенин, Маяков-

ский, Артём Весёлый, Казин, Жаров – имена значительные, а всё больше тех, забытых, но занесённых в содержание журнала, как в поминальник, и при случае явленных на белый свет. Бог с ним, с пролетарским уклоном!. Есть хорошая проза. Хотя бы рассказ Александра Бусыгина «На рельсах». Содрогаешься от ужаса братоубийства. Концовка прямо к сегодня, когда мало убить, надо себя испоганить надругательством. А на соседней странице глаз выхватывает стихотворную строфу Л. Орловой:

*Переборами звенит гармошка,
– Ты ли, ты ли – давит снег нога...
Не сдержать никак Ермошке
Ноги в оголтелых сапогах.*

«Лава», кроме литературно-художественного отдела, публиковала изрядное количество других материалов, в основном разъяснительного и просветительского характера, время-то какое было. Пройдёмся по содержанию: Л. Авербах «О пролетарской литературе и пролеткритике», проф. Н. Н. Сретенский «Революционные мотивы в творчестве Байрона», Вл. Киришон «После резолюции ЦК», а вот разделы – «Литературный кружок», «Крестьянский театр», «Жизнь пролетарских писателей», «Рабочий клуб», «Библиография»... И всё это при фактическом редакторстве А. Фадеева. Собственно он и сделал журнал. Придал ему тот вид, который на удивление жизнестоек и сохраняется в теперешнем «Доне».

И когда только удавалось писать своё. Долгожданный экземпляр «Лавы» приносил домой и оставлял раскрытым на столе. В маленькой комнате напечатанный текст был виден отовсюду. Он радовался, как потом вряд ли когда. Жизнь и работа вынесут его на самый верх, на крутую гору. Слава, успех, житейская устроенность... Только вот сердце не раз будет «грустно стеснённым». Фадеев уже никогда не почувствует себя так хорошо, как здесь, на Юге, в Ростове-на-Дону, в этом доме, постаревшем без него.

Пел песни Саша Фадеев с ростовскими друзьями. Часто ту, где щемящее угадывание: «Ты не стой, не стой на горе

крутой...» Роковой 1956-й... И поныне судят, рядят. Впрочем, кто только? Вначале напишите в молодости свой «Разгром».

... Снег не перестаёт. Толчая, иная жизнь. Двери в подъездах фадеевского дома на кодовых замках. Шальная мысль, в если ОН наберёт свой ростовский год и попробует войти. Вдруг двери откроются ЕМУ.

Река судьбы

Тихая вода прихвачена лунным серебром и льнёт к сонному хутору. Изредка залётный ветерок нагоняет морщинистую рябь у дощатых мостков, и пристальному взору река начинает казаться живой.

Вниз по течению за редкие вербы зацепился звёздный ковш да так и повис, черпая русалочью тайну дальнего омута. Плесканула хвостом литая рыбина. Низкий берег будто припал к реке и не может оторваться от ломотной влаги.

Наверху темны и только представляемы полынные бугры, охлёснутые крутым дорожным спуском. Но вот на сходе с Млечного Пути замелькал невнятный поначалу, а потом всё более явственный огонёк. И хотя это выворачивает встречную непроглядность лишь дальний свет запоздалых фар, разве не хочется до сердечного сбоя вообразить огненную пляску степного костра?

Потому как нельзя человеку без путеводного и влекущего света и тепла. Равно и других обозначений заведённого иско-ни мироустройства на твоей единственной земле. Сиюминутные посулы способны заарканить, увести за собой, но не более того.

И лишь одно признание огня, воды, небесной и земной тверди высшими знаками даёт смысл нашему существованию. Отсюда суть их повтора в нас самих уже на душевном уровне. Как бы жить в согласии со своей совестью и при этом не затеряться в отнюдь несовершенном мире? Вот о чём вопрошается такими лунными ночами.

Точно эхом этих мыслей со стороны острова раздаётся трубный и печальный голос одинокой птицы – то ли сочувствует, то ли взыскует... Люди и *потом* не уходят оттуда, где им выпало отметить праведной жизнью: они, незримые, остаются и деяниями, и продолжением в нас.

А как вот с *теми*, кто задуман и возник волей и талантом? Они также определённо пребывают здесь – живы навсегда, и потому жив их создатель.

Много чего довелось повидать и испытать Анатолию Калинину к своим тридцати годам. Смолоду его обуревала жажда жизни, и он дерзко замысливал высокие цели, рвался к их достижению. Калинин едва ли не с детства поверил в силу Слова, и эта вера вела его по кругу совести и долга.

Тогда, в первый послевоенный год, был сделан главный выбор. Несчётное число корреспондентских и житейских путей-дорог привели к давно желаемому берегу.

Хутор Пухляковский – обетованная земля. Отныне Анатолий Калинин и Дон всегда нераздельны. Река стала рекой его судьбы.

Что биографические данные для писателя?! Это внешнее, куда важнее работа души. Калинин удивительным образом сочетал в себе слиянность с окружающим миром, когда тот постигаем во всех своих светлых и тёмных проявлениях, и бессонное затворничество над рукописью, чьи страницы сочтуют мысль и образ.

Прологом почти всех его произведений было нечто реальное, порой даже малозаметное. Произошедший случай, обреченное слово, запоминающаяся деталь... Это хранилось в памяти, и в урочный час возникало необъяснимое состояние, начинало работать творческое воображение.

Такое с ним случалось всегда: реальность вела к вымыслу. Сотворяемый мир населялся людьми и похожими, и не похожими на тех, кого довелось встретить, узнать, кто также знал и его. Порой хватало лишь внешнего толчка, чтобы возникло под пером то, чего не было, но что могло быть. И что уже потом отпечатывалось в читательском сознании как существовавшее или существующее на свете.

На фронте Калинин знал одного разведчика-цыгана, причём отдалённо, никак не пересекаясь с ним. Потом, уже в Пухляковке, осела на недолго и колобродила шebutная цыганская семья. Вроде бы даже кого-то звали Будулаем... Всё! Больше никакого фактического материала не потребовалось писателю для создания знаменитого романа.

Дорожная карта Будулая стала символом чести и совести. Эти, увы, забываемые ныне понятия, роднимые с заповедями, ведут героя романа кругами прошлого, настоящего да и будущего. Правда Будулая – правда Калинина, поверяемая фронтовым братством. Лгать нельзя ни ближним, ни самому себе.

Если относить сказанное к Анатолию Калинину, то, пожалуй, во всей русской литературе последнего времени другого такого писателя, совместившего удивительным образом свою жизнь и творчество, вряд ли найти. Речь о том, что он жил, как писал, и писал, как жил.

Принято суетно полагать: творческий процесс – неуправляемый процесс. А ведь ещё Александр Сергеевич разве не указывал на гармонию? Так вот, Калинин гармоничен во всех своих деяниях, что достаточно проявлено в самих произведениях – от романов до стихотворения на восемь строк.

Да и житейский уклад был сообразен главному занятию хозяина хуторской усадьбы на донском берегу. Калинин своими руками делал по её устройству всё то, что даже присниться не могло иному заезжему столичному коллеге по перу. И если спасал умирающие корни винограда, то сам же умел сформировать для его выращивания знаменитую «донскую чашу». Тогда солнцем напитывается каждая ягода, и урожайные корзины неподъёмны.

Когда Калинин описывает жизнь-бытьё писателя Михайлова, то не лукавит. В ту пору, действительно, и самому Анатолию Вениаминовичу приходилось быть защитником «униженных и оскорблённых». Его авторитет помогал хуторянам в трудных обстоятельствах. Да и потом, депутатствуя долгие годы, писатель был главной властью в округе.

Всякое случалось. Когда страна накренилась и пошла под откос, Анатолий Калинин тяжело переживал трагичность

происходившего. Но был неуступчив в своей вере. Его травили вслед за Шолоховым. Помню, при попиравшей святости гласности пытались «захлопать» на трибуне в Кремле во время писательского съезда, но, как потом сам же он и шутил, «усидел казак в седле».

А забыть ли, когда по команде сверху ополчились на писателя завистники, пеняя ему на партийность и попрекая за отзывчивость на беды хуторян? До суда дело дошло. Ездил в районный Усть-Донецк и отстоял свою честь на склоне лет. Только горько об этом говорить...

Тайна писательского ремесла? Она имеет место быть – никем не разгаданная. Можно только попытаться приблизиться к ней. Сотворённые в мезонине калининского дома книги являют собой всего лишь завершение той невидимой работы, что шла денно и ночью в душе писателя. И когда на любом снимке Калинина отмечаешь его глаза, то понятно: он и прилюдно думает о своём, хотя вроде бы здесь, с нами. Таков дар свыше, Божья отметина.

Однажды я осмелился представить, как может происходить явление художественного порядка в его сердце. И рискнул отметить предисловием к книге «Дом, где живёт любовь», уникальность которой в том, что под одной обложкой сошлась вся писательская семья Калининых. Я пытался написать не в рамках привычного в таких случаях, а вольно, повинувшись своей любви к писателю. Он принял мой текст и расписался на вёрстке в знак одобрения для издательства. Что может быть дороже! Далее прибегну здесь к тому читанному Калининым эссе «Пухляковский Спас», не исправив ни единого слова.

«Гроза шла на хутор. Темнело.

Писатель уже какой день мучительно искал Слово. Вот и сейчас, когда сильный ветер прорывался сквозь деревья к дому, он шагнул от плахи стола к распятию окна. Напряжение грозы передалось и ему. Заболело сердце. Только где искомое?.. Впору сомневаться, а ну как ищет впустую – слишком уж привередлив, ищет невесть чего.

Взметнулась молния и, как цыганский кнут, стеганула с громовым потягом упряжку вороных туч. Грузная повозка низкого неба, кренясь между суглинистыми ярами, тянулась к верховью. Оброненные вожжи косога дождя сбивали белопенные цветы зеленоватых волн.

Всё это писатель привычно отмечал зрением и слухом, сам же был захвачен другим – искал Слово.

Никто не поможет, даже Господь Бог, только наедине с собой, только в одиночку... Писатель слыл признанным мастером и хорошо знал, каким должно быть Слово. Искал единственное, отсюда и мучения.

Вскормила писателя газета. Тогда слова находили его сами. Упоительно исписывалась страница за страницей. Редакционная машинка – ах, Саша, Сашенька, Александра Юлиановна! – приучала к разборчивому почерку. Он и по сию пору пишет от руки, благо те же пальцы затем выстукивают по старинке каждую его букву.

Гроза стихла, дождь перестал.

Захотелось в сад. Ветер, старый знакомец, ждал его здесь, влажный, умиротворённый – не порыв, а дуновение. Заплаканная ветка коснулась лица. Писатель вздохнул и пошёл по тёмным от воды плитам садовой дорожки. Туда, где росли скорбные розы.

Сырая земля пригласила на солнце. Лёгкая дымка сопровождала его. Дымка была как живая, разговаривала с ним, хотя и без слов. Он отвечал ей на этом странном языке. И даже когда воцарялось молчание душ, неслышимая связь не прерывалась. Дымка то отдалялась, то была у плеча. Ветер оберегал её, не давая исчезнуть. Не так ли парят ангелы?

Писателю стало легче. Боль отпустила, пришло успокоение. Земля и небо, дом и родной ему ангел во плоти, которого в младенчестве он заворачивал в казачью бурку фронтовой поры, – всё теперь сошлось на речном берегу, соединилось в одно, неподвластное жестокому и милосердному времени, и что – нельзя? или можно? – выразить Словом.

Писатель не знал молитвы. Но он умел находить слова. И они становились его молитвой, имели власть над людьми.

Не дают такой власти ни сила, ни деньги. Другие, собравшись по цеху, рядились в избранных. Кучковались в центре, служили чёрту. Их сжигала зависть, особенно к таким, кого «призвали всеблагие как собеседника на пир».

Суетное было ему чуждо. Он всегда и всюду искал слова. Роковых минут на долгом веку ему выпало предостаточно. Поистине счастлив без меры – слёз не осталось. Если бы не писательство, как и жить.

Сколько было дорог, а все они связались в один узел, легли у деревянных ворот. Казалось бы, иди вспять по любой. Но есть ли горше путь, чем возвращение к потухшему костру? Горек он невозвратностью бывшего огня. Об этом его книги. Да, возврата нет. Главное в жизни – сама жизнь. Удержать движение под силу только белому листу бумаги да перу.

Явь и вымысел так переплелись, что и не различить их. Иной раз оговаривался, дескать, как поживает тот или другой из его книжных героев. Спыхватывался, видя недоумение собеседника. Теперь Будулай и остальные жили своей жизнью, порой не оставляя ему места в ней. Выход нашёлся. Он стал чаще писать стихи, где как раз и мог выговориться от первого лица. Даже свой знаменитый роман заключил стихотворным послесловием.

Боготворил же писатель вёшенского творца, который возвеличил Тихий Дон, как никто, нигде и никогда другую реку в мире. Кружит злоба над святым прахом, алкая поживы. Писатель по мере сил оберегал покой того, кто назвал его сердце «совестливым».

Вдруг Слово торкнулось в груди. Он вымолвил: «Прости, Наташенька...». И повернул к дому. Лёгкая дымка, словно осенняя его, скользнула вверх.

На крыльце посторонила Наталья, угадав состояние отца. Он торопился к себе. Работать».

А заключительный абзац этого эссе стал повтором нескольких строк, напечатанных тогда же в журнале «Дон» из желания выразить своё трепетное отношение к творчеству Калинина. Анатолий Вениаминович их заметил и, не скрою, обрадован

был восприятию его творений как в некотором роде продолжения шолоховской линии в литературе. Не раз в беседах возвращался к мысли о родственности Будулая с Мелеховым. И моё желание напомнить эти строки было объяснимо.

«...Сгустится дочерна августовская ночь, и цокот яблочного Спаса в патриаршенском саду по-над Доном, кажется, слышен за пухляковскую околицу. Неоглядно распахнут Млечный шлях – продление на небе земной дороги бородатого странника, чьё очарование запало в душу, равно как и мятущийся казачий дух его старшего брата, проскакавшего дотоле в этих же степных пределах. Теряется в звёздной пыли кочевая кибитка месяц... Цокот лет – биение сердца».

Хотите постичь писательскую сущность Анатолия Калинина? Читайте написанное, благо его книги издаются и по сию пору. Вышедшее на Дону к 100-летию писателя собрание сочинений в 11-ти томах со вступительной статьёй автора этих строк прекрасный тому пример.

Калинин принадлежит к типу творцов высшего порядка, когда произведения создаются на основе образного мышления. Такой писатель не рассказывает, а показывает явленное ему, возможно, и свыше. Создаётся иной мир, но этот мир не параллельный существующему, а совмещаемый с ним. И бывает он порой даже убедительней реальности – такова сила творческого устремления художника.

Не примером ли образцы русской классики? А ведь именно здесь истоки таланта Анатолия Калинина, ведь литературно он образовывался не в учебных заведениях. Писателем сделал себя сам, причём это «деланье» продолжалось всегда, продолжалось до последней точки.

Калинин жил и творил в стороне от литературного шума столиц. Но его голос с хутора у Дона был ещё как слышен! Миллионные тиражи центральных газет, софроновского «Огонька», «Роман-газеты» разносили слово писателя по всей стране. А любимые народные экранизации! Затихали улицы, когда показывали Будулая. И мальчишки играли в него, стегая асфальт самодельным кнутом...

Поражал не просто интерес Калинина, а понимание предмета, что бы там ни обсуждалось с глазу на глаз или прилюдно. Эта черта семейная, от родителей-учителей, от кровно близкого окружения. Газетные же университеты и развили её, и поделили на будущее как крайне важную для писателя.

Да, он повествовал о земном, его герои – вот они: были рядом – живые во плоти, искали лучшей доли, любя и страдая... Но почему же так хочется соперничать им, представлять себя на их месте и с высоты угадываемых судеб подсказать, помочь хотя бы в малости? Ответ в том, что герои одухотворяемы особенностью писательского таланта.

Речь о некоей надмирности, может быть, даже праведности Анатолия Калинина. Это отмечается в той или иной степени всеми. Откуда такое? Да не потому ли, что свою душу он питал и музыкой сфер? В этом смысле прекрасно знал русскую литературу – и классику, и современность, не просто интересовался, но и вникал в суть.

Его прочтение «Тихого Дона» под стать творчеству самого Шолохова. Преклонялся перед Чеховым, что так заметно в статье, где Антон Павлович предстаёт не хрестоматийным, а живым. Это не рискнули печатать в своё время, и лишь журнал «Дон» недавно опубликовал. Между прочим, на донских страницах ещё при жизни писателя увидела свет запрещаемая прежде вторая часть романа «Запретная зона».

Чувства добрые – их пробуждал Анатолий Калинин. И вела его не только русская классическая литература. А музыка, живопись?.. Они были постигаемы им до такой степени, что, не умещаясь в душе, выплёскивались образным строем на страницы книг. А «Гремите, колокола!» так и вовсе поэма о музыке, о любви... И теперь уже реквием прославленному пианисту Вану Клиберну, этому «русскому американцу».

Хотел же Анатолий Вениаминович, чтобы хуторской берег под буграми всё больше приспособивался к обновляемой жизни. И если бы не Калинин, кто знает, сколько бы здесь осталось в живых казачьих куреней с той поры, когда после круговерти фронтов он по-мелеховски потянулся к земле, к дому... Так же, как и создавал свои книги, он радел за преображение

Пухляковки. Дорога, музыкальная школа, картинная галерея... Обозначена лишь толика сотворённого Калининым для земляков.

Вполне возможно, что люди стали тянуться к донскому хутору, имея в виду знаменитого писателя, хотя и своему возвеличиванию тот всегда противился. Для него было смертной мукой терпеть официоз и величания. А как же хотелось заезжим отметить, причаститься!.. Да и по сию пору хочется. Дом-то калининский – завсегда хлебосолен и открыт для всех.

Калинин выше суетного.

Он сроднился навек с землёй, и здесь, на краю сада, замер ветер его путей-дорог, приметный, может быть, одним посвящённым.

Отсюда ветру, казалось бы, уже некуда идти. Но вдруг качнулась сосновая ветка, другая... И вроде бы чуть приоткрылась задняя калитка в углу сада. Внезапно пошли волнами рослые травы вдоль тропинки вниз, к Дону... Через минуту-другую закачались тальники на острове.

... Розовым утром невесть откуда взявшийся тонконогий жеребёнок заходит в просветлённую воду у дощатых мостков. Пьёт своё отражение. Потом вскидывает голову, и лишние капли срываются блёстками с его губ.

Долго он не устоит на месте, и вот, забрасывая чуть ли не к голове лёгкую четвёрку ног, скачет радостным вихрем вдоль реки. Так и чудится, что за выгнутой шеей распускается на лету будущая солнечная грива.

Это же давнишняя мечта Анатолия Вениаминовича и его дочери Натальи, чтобы при семействе, вместе с иными «братьями меньшими», был свой конь – живая и понятливая душа!

И разве мечта не исполнилась! Ведь уже разлетелись с пухляковского берега на все стороны света те образы, что созданы вот здесь, в доме, где жила, живёт и будет жить любовь. Потому и притягивает людские души писательское суровое поле этого места над рекой судьбы.

Кочетовские воды

Не голосистое ли название станицы Кочетовской примашило Виталия Закруткина, пришлого на Дону, но ставшего со временем первостатейным казаком, когда он, недавний военный корреспондент с орденом за героизм от самого Жукова, надумал уйти из педагогической науки и отдаться полностью писательству, сменив весь свой образ жизни? Излучина судьбы дала стремнинный ход творчеству – очерки, рассказы, повести, романы...

«Плавучая станица» вышла в свет в 1950 году и явилась тематическим зачином для последующих произведений. Живое восприятие земного мира, острота чувств, поэтичность слога... Эти литературные определения вполне уместны при разборе закруткинского текста. Куда важнее другое! Правда романа в том, что и через полвека Кочетовская – прообраз плавучей станицы, – памятуя о своем писателе, верна ему. До сердечного биения ощутимо это на ежегодных праздниках «Загруткинской весны».

Паромная переправа через Дон в такой день работает с нагрузкой. Сколько желающих попасть в станицу Кочетовскую – казаки и казачки из разных мест Семикаракорского района, сами семикаракорцы, гости товсюду! Оживлённые, радостные лица... Праздник-то большой. У Виталия Александровича день рождения: как не почтить земляка!

Новая дорога на Кочетовскую удивляет машину. Долетаешь до станицы в мгновение ока – не то что прежде. Перемены заметны, радуют. Это в духе Закруткина – сам депутатствовал, добрых дел сотворил неисчислимо...

Как прекрасна земля, писал Виталий Закруткин, думая, конечно же, прежде всего о благословенном крае, куда определила его судьба в послевоенную пору и где он состоялся как известный всей стране писатель. Виталия Александровича помнят и любят земляки, издаваемые их стараниями закруткинские книги о людях, не менее прекрасных, чем донская земля, читают и стар и млад.

Делают жизнь с Закруткина сотни и сотни юных семикаракорцев. Для казачат такие слова как Отечество, малая родина, честь, труд, совесть – не пустой звук. Успех движения юных закруткинцев налицо: в районе растёт в своём большинстве молодёжь, знающая цену добру, не падкая на искусства, сознающая, какого она роду-племени.

Праздничное действо сродни сюжету литературного произведения и разворачивается с утра до вечера на знаменитой Закруткинской поляне напротив Дома-музея писателя. Однажды высокую ноту задал военный духовой оркестр. Какой восторг вызвал щемящий марш «Прощание славянки» здесь, на донском берегу! А вертолёт, что рассеял приветственные листовки!..

Одухотворённый концерт всегда дают своими силами, ведь талантами семикаракорская земля никогда не была обделена. Вот и писатель Борис Куликов, младший брат Виталия Александровича Закруткина, родом «казак станицы Семикаракорской»... Добрые, весёлые люди, разноцветный круг красок, музыка, песни... Одни только затейливые курени чего стоят: старинный уклад, утварь, стол-хлебосол – угощайтесь, гостюшки дорогие, чем Бог послал!.. Все сделали сами, никаких тебе финансовых вливаний со стороны. Зато от сердца. Эх, широка ты, казачья душа, вольна в своих чувствах, как и сама река Тихий Дон, воспетая вслед за великим Шолоховым писателем Закруткиным!

К памятнику в голубых елях на усадьбе ложатся цветы. А сам дом, хотя и стал музеем, сохраняет присутствие Виталия Александровича. Его вещи, рукописи... Кажется, он здесь, рядом.

Писатель Закруткин жив своими книгами. Роман «Плавучая станица» – своеобразный гимн не только Кочетовской, а и всем станицам, хуторам казачьего Дона.

... Паромный трос, как стальная пуповина, соединяет донские берега. Станица, приютившая когда-то Виталия Александровича и стольким ему обязанная, отражается в речной воде и уплывает по течению всё дальше, дальше... У каждого свой Закруткин. И в горле стоит ком оттого, что когда-то именно

на кочетовском берегу написал Виталий Александрович предисловие к моей московской стихотворной книжке, а спустя годы мне довелось готовить к публикации в журнале «Дон» его последнюю недописанную повесть «На золотых песках»...

Небо тоже плывет по реке. Промелькнёт облако – лёгкое, неуловимо схожее с обликом самого Закруткина. Или это чудится? Дай Бог видеть, слышать Виталию Александровичу родную Кочетовку, знать о нашей любви к нему!

Возвратная сторона

Незабываем глазуновский портрет молодого Анатолия Софронова ростовской поры. Портрет как портрет, выполнен в лёгкой манере, но вот глаза – распахнутые на пол-лица и притягивающие своей бездонностью. Вроде бы вбирают они всё и вся, пронизательно угадывая только ещё предстоящее.

Казалось, была некая схожесть этих глаз с иными – на иллюстрациях к Достоевскому того же Ильи Глазунова. Возможно, совпадение: помнится, художник как раз в те годы «создавал» Карамазовых, «Преступление и наказание» и другие вещи для огоньковского собрания сочинений великого писателя. Нельзя исключить также авторскую манеру рисования.

Однако для меня софроновский взгляд с того портрета так и остался в одном ряду с пронзительными взорами героев Фёдора Михайловича. Легко домысливается, что Софронов провидит на портрете не только свою судьбу, а и судьбу целой страны, которую любил и которой больше нет.

Рождённый в ином месте, он словно заново родился на Дону – казачий край поставил его на крыло. Строил Сельмаш и работал там, писал стихи. Девятнадцати лет от роду рабочий паренёк Анатолий Софронов опубликовался в ростовском журнале «На подъёме» (нынешний «Дон»).

С началом войны сразу же ушёл на фронт. 7 ноября 1942 года Анатолий Софронов впервые исполнил свою знаменитую песню на музыку Сигизмунда Каца «Шумел сурово Брянский

лес» в партизанской землянке на Брянщине, в глубоком тылу врага, куда летал как военный корреспондент.

А ещё в 1941-м был сочинён, по сути, легендарный гимн «Ростов-город, Ростов-Дон...» Там – «Улица Садовая, скамеечка кленовая...» И когда потом улица носила иное название, то один Софронов продолжал утверждать, что она – «Садовая»! Поэт оказался прав. Теперь главная улица в Ростове-на-Дону по-прежнему называется улицей Садовой.

После войны литература захватила без остатка. Рука об руку работал в Союзе писателей СССР с Фадеевым, тоже ростовским человеком, создавшим, кстати, в 1925 году журнал «Дон» (тогда – «Лава»). Долгие годы легендарного редакторства в «Огоньке». Стихи, песни, статьи, пьесы... Подхваченный ветром времени, он перемещался в пространстве. Изъездил всю страну, часто бывал за рубежом.

Но вот жить без Дона не мог. Наезжал сюда при первой же возможности. Трепетно относился к Шолохову. Смолоду был дружен с Калининым, Закруткиным... Причастен к литературной судьбе Бориса Примерова и Бориса Куликова. Да и моя молодогвардейская книжка стихов выходила с предисловием Анатолия Владимировича, которое он с ходу надиктовал стенографистке. Разве такое забыть!

Не удержусь и приведу эпизод личного характера. В Ростове издавалась книга Анатолия Софронова «Посвящение Дону», где под одной обложкой сошлись стихи прежние и новые, а мне довелось стать её редактором. Запевом была софронская строчка-выдох «И судьба моя – твоя рабыня, сладкая задонская полынь». Кстати, и при уже нынешнем издании она вынесена в эпиграф.

Автор – в Москве, интернета нет и в помине, сроки сдачи рукописи поджимают, хотя текст надо бы уточнить... И тогда издательство позволило себе (могло!) командировать редактора в столицу.

Работали над рукописью с Анатолием Владимировичем у него дома. Участие приняла и жена, Эвелина Сергеевна, не чуждая издательским делам. Автор, смею думать, остался доволен редактурой... По крайней мере, в награду дал мне

на вечер прочесть в гостинице недоступного тогда Гумилёва. Такое тоже не забывается.

Ныне Софронова, очень неудобного для недругов при жизни, кое-кому хотелось бы вытравить из людской памяти. Да не выходит! Помнит и поёт народ Анатолия Софронова и, судя по всему, будет петь всегда, пока стоит Ростов-город и шумит сурово Брянский лес, пока цветёт сирень-черёмуха в саду и горит, ах, эта красная рябина!..

Греет душу холодный огонь рябиновых кистей «среди осенней желтизны», потому что смотрят на нас чьи-нибудь глаза «из невозвратной стороны». А ягода горька – нельзя от туда вернуться... И только слово возвращает, слово – возвратная сторона.

P. S.

А вот текст моего официального письма от 25. 07. 2016 Главе Администрации г. Ростова-на-Дону:

«Обращение к Вам вызвано тем, в настоящее время решается вопрос об утверждении гимна Ростова-на-Дону. Являясь главным редактором Российского ордена Дружбы народов литературно-художественного журнала «Дон», а также профессиональным литератором, хотел бы высказать на этот счёт своё мнение.

До сегодняшнего дня неофициальным гимном города является легендарная песня композитора Матвея Блантера на стихи Анатолия Софронова «Ростов-город, Ростов-Дон». Само её название стало визитной карточкой нашего города. Народ принял это произведение, знает и поёт. Песня живёт уже 75 лет и будет жить вечно, потому что создана поистине талантливыми людьми.

Как первое лицо города Вы можете совершить благородный поступок, за который Вам воздастся. Закройте более чем странный конкурс на поиски гимна Ростова-на-Дону. Тем более, как сообщалось, его оргкомитет столкнулся с низким художественным уровнем представленных произведений.

Могут возразить: песня написана давно и устарела. Во-первых, раз поют, то уже не устарела. Что касается реалий военно-

во времени в тексте, это только подчёркивает преемственность поколений. Важнее всего духоподъёмность произведения, степень его воздействия. А «Ростов-город, Ростов-Дон» именно этим и отличается.

Заявляю со всей ответственностью, что у нашего города есть главная песня-гимн и не стоит ломать традицию. Жизнь доказала правильность такого подхода, когда утверждался Гимн России.

Хотел бы заметить, что гимном Брянской области является знаменитая песня «Шумел сурово брянский лес», на стихи опять же нашего земляка Анатолия Владимировича Софронова. Брянщина оценила и приняла это произведение, а чем мы, ростовчане, хуже. Нет, негоже отказываться от богатого музыкального наследия!»

Вскоре прошло общественное обсуждение конкурсных произведений. Мне довелось представлять песню композитора Матвея Блантера на стихи Анатолия Софронова «Ростов-город, Ростов-Дон». Тогда только что в Ростове увидела свет книга стихотворений А. В. Софронова «Донской крутояр» с моей вступительной статьёй, где среди других произведений о родном городе была и песня «Ростов-город, Ростов-Дон». В журнале «Дон» также вышла статья «Живое время Анатолия Софронова» к 105-летию нашего земляка.

Именно таким образом у любимого города появился официальный гимн – песня Софронова и Блантера «Ростов-город, Ростов-Дон».

Серебро Льва Аннинского

Москва Москвой, но Дон ему помнился всегда. Наш последний разговор по телефону был ровно за месяц до его кончины. В тот день почта принесла журнал «Юность» (№7, 2019) с его неожиданной рецензией-размышлением «Петров: Так или не так – это мы» на мою книгу «Твердь», о стихах которой он прежде обмолвился в одном из писем: «Читаю...

«Глянется!» А тут дал себе волю высказаться по поводу прочитанной книги – «...с потрясающей готовностью выдержать всё, что назначит судьба. Потому что судьба – это мы. Что именно ожидает нас – не угадаешь. Но причина всегда – мы. Со всей решимостью разделяю это сознание. И эту готовность вынести всё...»

Как в ответ промолчать?! И я рискнул позвонить ему, посоветовавшись прежде со своим другом, который по долгу службы был лучше осведомлён и о жите-бытье Льва Александровича, и о его неотступной болезни... Сотовый не отвечал, а домашний телефон взял сам. Как он обрадовался звонку! Сразу узнал, поговорили по делу. У меня есть его объёмные воспоминания, уже давали в журнале, хочу ещё отобрать для публикации, ответил – вёрстку тогда присылайте. Слышу, подошла женщина и спросила: кто это? Донеслось, как он ей сказал, это с Дона, казак Петров. Я попросил разрешения поставить его рецензию в свою новую книжку. Ответил (проще думать, в шутку): почту за честь! Представляете?! Меня тогда – как обожгло! Где я со своими виршами, и где он... После разговора на душе полегчало, и промелькнула мысль, может, всё ещё обойдётся?.. Но – нет.

Удивительно, что давным-давно, как выяснилось теперь случайно, в нашу редакцию поступала машинописная рукопись Льва Аннинского. Это была не литературная критика, не литературоведение, собственно, те жанры, где он всегда блистал. Оказалось нечто иное: дневник-хроника жизни самого Льва Александровича на фоне времени. Ныне подобные жизнеописания востребованы, а тогда... Словом, не рискнули опубликовать пусть и уже маститого на ту пору автора. Но неисповедимы пути Господни. Посему излишне посвящать в рабочий процесс, когда важен результат, а он таков: Лев Аннинский последние годы стал печататься в Ростове-на-Дону, вошёл в состав редколлегии журнала, что было с учётом его нахождения в редколлегии «Юности» весьма значимо. Да и для самого Льва Александровича это оказалось крайне важно, и в одном из писем у него вырвалось: «Пусть хоть так верну душу в край моих казачьих предков! Салют! Л. А.»

Появляется обзор, и там такие строки: «Под рубрикой «Минувшее объемлет» публикуются записки Льва Аннинского «Репортаж со скаткой на шее». Однако это не литературная критика, а дневниковый жанр. Читатель переносится в пору студенчества автора (лето 1955 года), когда того призывают на военные сборы. Почти все наши значительные писатели не обошли в творчестве свою молодость, и Лев Александрович здесь не исключение. Интерес представляет и появление в тексте знакомых имён тех, с кем знался уже в ту пору Лёська Иванов – Палиевский, Байгушев...» Узнав об этом, равно как и о других упоминаниях его имени в печати или на сайтах, Лев Александрович непременно отзывался: «Тронут, обрадован, благодарен! Л. А.» «Растроган, рад, а когда выйдет номер, буду просто счастлив! Привет родному журналу! Ваш искренне Лев Аннинский».

Когда я сейчас просматриваю нашу переписку по интернету, то сердце щемит. Только начинаю постигать, что судьба подарила мне нечто большее, чем общение со знаменитым Львом. Да, это явление русской литературы, столп современной словесности. Можно и далее использовать высокий штиль, но я о другом... Лев Аннинский и есть в чистом виде классический русский писатель, каковым его можно только представить. «С казачьим приветом! Поздравляю себя с публикацией в родном «Дону»... (по-казачьи – авт.). Такой новогодний подарок! В году наступающем – новых удач. Верю в это! Обнимаю! Лев Аннинский». «Буду рад сотрудничать. Ваш преданно Лев Аннинский». На это, увы, последнее письмо я ответил: «Рад и Вашему настрою: конечно, ещё посотрудничаем!..»

Упомянутая машинописная рукопись стала только началом великого труда, изданного в книжном виде ограниченным тиражом для родных и близких, для тех, кто ему был дорог. 13 толстенных томов с иллюстрациями! Открываю первый том с его автографом: «...от восьмилетнего автора, которому сейчас за 80 – казачий привет! Лев Аннинский». Будет вёрстка, будет (не хочу говорить – посмертная!) публикация в его родном Ростове, должны быть переиздания его книг, воспоминания о нём... Аннинский, повторю в сотый раз, это явление со-

временной русской литературы, только таким образом к нему и следует относиться.

Увы, заметки Льва Александровича о моих стихах стали его последней прижизненной публикацией в журнале «Юность».

«От той взрывной волны, летящей круто...»

В январском номере ростовского литературно-художественного журнала «Дон» за 1961 год появилось стихотворение Юрия Кузнецова, написанное и того ранее – в 1959 году:

*Надо мною дымится пробитое пулями солнце.
Смотрит с фото отца, измотанный долгой бессонницей,
Поседевший без старости, в обожжённой измятой каске.
Он оставил мне Родину и зачитанных писем связку.*

*Я не помню отца, я его вспоминать не умею.
Только снится мне фронт и в горелых ромашках траншеи.
Только небо черно, и луну исцарапали ветки.
И в назначенный час не вернулся отец из разведки...*

*Мне в наследство достался неувиденный взгляд усталый
На почти не хрустящей фотокарточке старой.
За рекою в степи, как отцовские раны,
Молодые закаты горят, освещая курганы.*

Было это без малого 60 лет тому назад и как раз совпало с 20-летием поэта. В стихотворении уже заметен кузнецовский почерк: «дымится пробитое пулями солнце» и «он оставил мне Родину», «я его вспоминать не умею» и «луну исцарапали ветки», «неувиденный взгляд» и «молодые закаты». И пусть рядом с этим обнаруживаются не нагруженные образным смыслом строки (не будем забывать, что поэт счастливо

молод!), редакция сразу же определила, что никому неизвестный автор из Краснодара достоин публикации.

На ту пору юный Юрий Кузнецов, как отмечают библиографы, уже печатался, начиная с местной районной газеты и «Пионерской правды». Одно стихотворение «Последняя ночь» помечено 1955-58 годами, и это в нём, пожалуй, впервые возникает сквозная тема поэта – погибший отец, чьё возвращение с войны определило не только житейскую, но и творческую судьбу его сына.

*Он полз упрямо... Бомбами искомканный,
Передний край вставал, огнём паля.
Завыла мина. Брызнула осколками,
И зашаталось небо и земля.*

Поэт сам потом выскажется: «Воспоминания об отце, о минувшей войне – один из главных моих мотивов».

Рукопись стихов юного Кузнецова в конце 1957 года побывала даже в «Новом мире», хотя навряд ли дошла до главного редактора Константина Симонова, кому адресовалась с просьбой посмотреть. Это Прасолову, правда, позднее, в 1964 году, и уже с благословения вторично ставшего главредом журнала Александра Трифоновича Твардовского, довелось напечататься в знаменитом издании.

Посылал тогда он свои стихи из Тихорецка и в Краснодар в краевую газету «Комсомолец Кубани» с хрестоматийной строкой «Выщипывает лошадь тень свою». Прямых свидетельств того, как стихи Кузнецова попали в «Дон», не имеется. Скорее всего, это произошло по итогам краевого семинара молодых писателей летом 1960 года в столице Кубани. По датам совпадает. Но ведь публикации могло и не быть, кому не знакома на сей счёт редакционная специфика, когда редко кому есть дело до неизвестного автора, тем более начинающего.

После своего первого появления в толстом литературном журнале «Дон» с тиражом под 50 тысяч экземпляров, кажется, других журнальных публикаций до ухода в армию в ноябре этого же года у Юрия Кузнецова не последовало.

Весьма любопытен будет следующий попутный факт. Через год в журнале «Дон» заявит о себе подборкой стихов молодой Борис Примеров. На это же время приходится и публикация в нашем журнале упомянутого выше Алексея Прасолова. Вот так совпало, так сошлись звёзды! Скажу ещё, что и в дальнейшем все упомянутые поэты в той или иной мере объявлялись на донских страницах.

Например, когда в ноябре 1987 года не стало Анатолия Передреева, то зав. отделом поэзии «Дона» Анатолий Гриценко, сам земляк-кубанец, позвонил Юрию Поликарповичу, и тот, отойдя от поминального стола, в трубку продиктовал Ростову только что написанные стихи памяти Передреева: «Он во сне перешёл свой предел...». Шла вёрстка январского номера 1988 года, и текст был заслан в набор...

Бессчётно цитируется стихотворение об отце.

*Не сняв ремней, он спит на нарах твёрдых,
На кулаке, что вмят в далёкий сон.
Играет славу год сорок четвёртый,
Раздавливая клавиши погон.*

Хочу здесь пояснить. Чаше встречается редакция «перебирая клавиши погон», но мне ближе и переворачивает душу «раздавливая», как прочёл в книге избранных стихотворений «Стихи» (изд-во «Советская Россия, 1978»). Есть в этом слове некая трагичность.

Пожалуй, ключом к постижению непохожести Юрия Кузнецова ни на кого может стать внешне неприметная первая строка следующего двустишия:

*От той взрывной волны, летящей круто,
Мать вздрогнет в тишине ещё не раз.*

Мне кажется, помимо всего прочего, образ взрывной волны можно считать определяющим для творчества поэта в целом, даже своеобразным движителем для его стихотворной мысли. Русской мысли, как он справедливо полагал. Удиви-

тельно, что при всей предметности, вещности стихи Юрия Кузнецова густо замешаны на вечных категориях времени и пространства. Приходит на ум теория рождения и эволюции расширяющейся Вселенной после Большого взрыва, т. е. без влияния космоса не обойтись. Да и сам поэт недаром свидетельствовал о «космической туманности» некоторых строк о природе и человеческой душе».

Сын в поэме «Четыреста» следует завету: «– Иди куда глаза глядят, /Куда несёт порыв». А далее: «И подхватил его порыв / До керченских огней». Вначале движется вспять время, как будто взрывная волна включает обратный ход. И вот оживает Сапун-гора – та братская могила, где есть отец.

*И опоясалась гора,
Ногтями – семь цепей.
Дохнуло хриплое «ура»,
Как огонь из-под ногтей.*

Сыновья доля – пройти отцовский путь до конца. Но и вернуться туда, откуда родом, где дом, где мать и где уже не чают встречи.

*Он вёл четыреста солдат
До милого крыльца.
Он вёл четыреста солдат
И среди них отца...*

*– Россия-мать, Россия-мать, –
Доныне сын твердит, –
Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.*

Балладный строй присущ многим произведениям Юрия Кузнецова. Только у него не характерная для этого жанра описательность в рамках сюжета с определённым выводом. Кажется, и здесь действует принцип взрывной волны, когда вполне конкретные образы, вроде бы ничем не связанные,

сцеплены продолжением только поэту понятной мысли, а мы же принуждены возвращаться к сказанному, пытаюсь угадать и так до конца не угадывая, что открылось ему и чему мы верим уже на подсознательном уровне.

*О близкой смерти я гадал по звуку.
Как страшно в этом мраке погибать!
– Взойди, светило! – протянул я руку,
И пули стали руку огибать.*

Среди произведений Юрия Кузнецова о Великой Отечественной выделил бы стихотворение, где, на мой взгляд, сошлось весьма многое, характерное для кузнецовской поэтики, и где обозначены основные моменты его творческой манеры. Речь о написанном ещё в 1979 году: «Солнце с запада всходит крестом...» Пересказывать стихи пустое дело, а здесь тем более, когда такое смещение времён, когда автор волен, представляется, распоряжаться признанными знаками русского бытия, без коих не устояла бы наша земля под ударами пришлых стихий. Самая страшная из них –

*«Дранг нах Остен! – Адольф произнёс. –
Перед нами отступит мороз.
Мы стоим у шарнира эпохи.
Голос крови превыше небес.
Киев пал, русский флот не воскрес,
И дела у Иосифа плохи!».*

Всё так, да не так! Взрывная волна горя и смертей вызывает к жизни и к сопротивлению дух народный, поэт провидит те силы, что скрыты, но они есть, они объявятся, они неодолимы. И в урочный час: «Слава родине, хата не в счёт!..»

И вот пробуждается Егорий:

*Все мы вскормлены грудью... – Но он
Отвечает: – Я духом вспоён,
Русским духом великой печали.*

Далее накладывается совершенно иной рисунок – и его иносказание не поддаётся пояснению. Надо только чувствовать величие завершающих кузнецовских строк о самоотречении ради Победы. Это тот самый один-единственный поэт («Звать меня Кузнецов, я один...»):

*Мне приснилась иная печаль
Про седую дамасскую сталь,
Я увидел, как сталь закалялась,
Как из юных рабов одного
Выбирали, кормили его,
Чтобы плоть его сил набиралась.
Выжидали положенный срок,
А потом раскалённый клинок
В мускулистую плоть погружали,
Вынимали готовый клинок.
Крепче стали не ведал Восток,
Крепче стали и горше печали.
Так ли было, но сон не простой.
Говорю, быть России стальной!..*

Большие формы с военным содержанием, конечно, наиболее полно демонстрируют особенность поэтики Юрия Кузнецова, но мне хотелось показать, что поэт едва ли не с первых своих шагов отправился по пути избранничества. Он видел цель и знал, как к ней идти. Конечно, это рациональное объяснение. На самом деле – всё происходило интуитивно или по воле таланта. Что послужило толчком? Уверен, осознание трагизма собственного одиночества в этом мире. И он, как и его мать, не раз вздрогнет «от той взрывной волны, летящей круто...».

Вздрогнет, износив вконец своё сердце...

Зеркало Лады Одинцовой

Упокоилась Лада Васильевна Одинцова.

Перевёрнута последняя страница в книге той золотой поры русской поэзии, когда взошли имена Юрия Кузнецова и Николая Рубцова, коим она слыла младшей сестрой.

Это её, вчерашнюю киевлянку 17 лет от роду, рекомендовали в Литинститут Николай Ушаков и Андрей Вознесенский. Туда – запредельный конкурс, потому как на дворе 1967-й год и страна живёт стихами. Лада Одинцова при заземлённости студенческого быта сполна испытала упоенье поэтических высот. Авторитеты цитировали её строки:

*У зеркала остановилась Мать:
Лицо без возраста, косящее глазами,
И зеркало в резной старинной раме
Пред ликом Матери почло за честь стоять.
Взяла она с трюмо бутон цветка –
И он раскрылся, вспыхнул синей астрой,
Вполоборота стала – и пространства
Прихлынула бессмертная река.
У зеркала остановилась Мать.
Запахла осень майскою листвою.
... Куда ж берешь её ты, время злое?
Она всегда вот так должна стоять!*

Перстом судьбы стало сочетание имён Лады Одинцовой и Юрия Кузнецова в давней разносной статье «ЛГ». Далее их литературные и человеческие судьбы предельно сблизилась. Лада Васильевна оставила уникальные записки о своём Поэте.

Когда сейчас «придумывают» 60-годы нашей литературы, искажая их до неузнаваемости, то именно Одинцова свидетельствует о них достовернее, чем кто-либо другой. Она ведь не только историк литературы, но и очевидец, знакомый подчас с полярными фигурами. Она повествует о Николае Ушакове и Василии Фёдорове, Юрии Кузнецове и Иосифе Бродском, Николае Рубцове, Анатолии Передреее, Борисе Примерове, Ан-

дрее Вознесенском, Вадиме Кожинове, Петре Вегине... Наблюдения, проникновение в судьбы и характеры, анализ творчества. И всегда это одна позиция – преданность русскому слову.

Последнее время Ладу Васильевну занимали искания духовного и философского порядка. Она автор ряда оригинальных работ в этом направлении. Все они имеют прикладное значение, гармонизируя и возвышая душу. И весьма востребованы, о чём говорят читательские запросы.

Звезда Лады Одинцовой, именовавшей себя старорусским писателем, обозначена на литературном небосклоне. За четверть века служения Поэзии издано шесть стихотворных сборников в Советском Союзе и седьмой итоговый «В звании Поэта» в Европе – это наиболее значительная книга. В жанрах эссеистики, художественной прозы и литературоведения опубликовано более десятка книг.

Дорого то, что Лада Васильевна выделила для себя «Дон» и не только печаталась на донских страницах, но и прочитывала журнальные номера. Она неизменно оставалась в своём времени, отнюдь не жалуя скоростные способы изложения мыслей и чувств. Берегу письма, где удивительно ясный почерк её руки...

Лада Васильевна сторила писательских сборищ. Никаких нынешних союзов и организаций не желала знать. Признавала только саму литературу в наивысшем понимании этого слова.

Так случилось, что её последней публикацией стало эссе о моих стихах в «Литературной России» под названием «Крест судьбы». Да позволительно будет увидеть в таком названии определённый смысл. Это ведь сказано применительно ко всем пишущим. Свой крест судьбы Лада Одинцова пронесла с достоинством и до конца, оставаясь верной чистоте поэтических идеалов.

Мир светлый праху её.

P.S.

Лада Одинцова была автором журнала «Дон». По словам её мужа художника Владимира Васильева, одно из последних

желаний Лады Васильевны – публикация записок о Николае Рубцове на донских страницах. Этот материал увидел свет в очередном номере «Дона».

Лада, или Обаяние женского имени

Кто не замечал удивительную особенность любого женского имени, когда им обладает та, что вдруг становится дороже и близка тебе, более того, любима тобой... Ты выделяешь это имя среди других, оно представляется волшебным, самым прекрасным не только по звучанию и смыслу, но и точнее всего соответствующим даже облику твоей избранницы. Она одна такая, другие, названные так же, не в счёт!

Русская поэзия знает хрестоматийные примеры подобных именных обращений к конкретным адресатам. Для меня первенствует пушкинское признание: «Алина! Сжальтесь надо мною. / Не смею требовать любви!» Ну а блоковское: «Валентина! Звезда! Мечтанье! / Как поют твои соловьи...». И невозможно без Есенина: «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» Никак не удержаться от цитирования Павла Васильев: «Восславляю светлую Наталью, / Славлю жизнь с улыбкой и печалью»...

Мне в таких случаях кажется, что уже само по себе попадание того или иного имени в рифмованные строки свидетельствует о высшем состоянии поэта – для него представление всему свету своей музы крайне важно. И тогда женское имя звучит уже как необходимость, как стихи... в стихах.

Эти мысли навеяла всего лишь переснятая страница из книги Юрия Кузнецова «До последнего края», что переслал мне душевно близкий человек, с которым свела поэт Лада Одинцова. Её не стало, а наша с ним связь не прерывается: то телефон, то старомодное письмо, как на сей раз... Этой молодоговардейской книги Кузнецова у меня нет, страница же была со стихотворением, названным женским именем «Лада». На обороте – приписка: «Привет от наших – Лады и Юрия, вспомните их...»

Судьба Лады Одинцовой удивительна уже тем, что в определённый момент свела с Юрием Кузнецовым. Прибегну к личному свидетельству самой Лады Васильевны.

«... волею судеб мы с ним и пересеклись в 1981-м году.

В период наших творческих встреч на Филях Юрий Кузнецов... высказывал мне свои сокровенные мысли о поэзии, провозглашал: «Поэзия есть красота»... Тогда же я услышала от Юрия Кузнецова о его желании воспеть какой-то абсолютно совершенный женский идеал, которого он никак не мог нигде найти...»

Поразителен сам тон повествования: говорится о глубоко личном, но с каким тактом, достоинством! Лада Одинцова находит единственно верные слова, чтобы никак и ничем не задеть самое, может быть, светлое и важное в жизни, что случилось однажды по высшему велению.

«Августовские встречи 1981-го года с Юрием Кузнецовым, так неожиданно даже для меня самой с фатальной внезапностью оборванные на взлёте чувств, потрясли нас обоих...

О Юрии Кузнецове, однако, я избегала говорить... Ведь это был предмет моих особых переживаний. Это была тайна моей души... В стихотворении «Живой голос» поэт сетует на то, что он так и остался «чужаком» в моей женской судьбе... Я понимала Юрия тогда душой гораздо больше, чем рассудком. В августовский период нашей по-детски целомудренной любовной горячки мой рассудок вообще затуманился на долгие годы. В этом состоянии обоюдного умопомрачения мы и расстались – внезапно, странно и без всяких объяснений.

В августе 1981 года Юрий искал во мне свою новую судьбу, стучал в моё сердце без ключа к нему. Я отнесла эту ситуацию к воле Божественного провидения...»

Более всего рвёт душу следующая максима Кузнецова, высказанная им с присущей ему законченностью.

«Мы уселись в лодку, и Юрий произнёс:

– Вот и в моей судьбе наступил миг, когда моё сердце должно либо окаменеть, либо разбиться...

Тогда я не поняла смысла его слов».

И вот проходит почти 20 лет, когда появляется стихотворение, названное со всей откровенностью «Лада».

*В обаянии женского имени
Что-то есть от звезды за рекой –
Золотое, красивое, синее,
Что душе навевает покой.*

*Но упала звезда во полночи,
И до моря река не дошла.
И забились душа в переулочек
И дороги к тебе не нашла.*

*Закатилась звезда в твоём имени,
И река пересохла совсем.
Но в душе золотое и синее
Всё живёт неизвестно зачем.*

*Было всё-таки что-то красивое,
Но прошло и исчезло, как дым,
И его золотое и синее
Никогда не бывало твоим.*

Точная дата написания 2000-й год. Через три года Юрия Кузнецова не станет. Но это стихотворение появилось ещё при его жизни в уже упомянутой книге «До последнего края...», что вышла в 2001 году. И хотя составителем значится автор предисловия Николай Дмитриев, но, конечно же, Юрий Поликарпович, сам издательский человек, не мог не принимать участия в формировании сборника, определении последовательности произведений. Так вот «Лада» включает первый раздел стихотворений – как подводит черту, а далее идут поэмы. Случайно ли это? Не думаю.

Стихотворение пишется через много лет после августа 1981-го. После так потрясшего его чувства. Выходит, за всё это время ничего не избылось, оставалось тайной и его души. Возможно, таково только предположение, хотя и, согласитесь,

вполне реальное. Впрочем, какая разница, как всё обстояло на самом деле. Есть стихи! Они-то сами говорят за Поэта.

И в конце – незамечаемая прежде удивительность того, что Лада Одинцова была урождённая Кузнецова. Такое вот знаковое совпадение.

Образ поступка

Куда вот без интернета? И как же обильно выплеснул сей фантом порочную сущность определённого человеческого типа, питаемого чёрной завистью к Станиславу Куняеву; кто только из лютых ненавистников, коих тьма тьмы, не вяжется к его имени! Всякое лыко в строку: злоба, наветы и ложь, ложь...

Всем клеветникам им самим беспощадно воздано, иным же он вынужден отвечать и по сию пору; особенно печалят те, кто доселе пел ему хвалу-осанну, а при смене ветра не прочь и обляять, как помстилось, ушедшего в себя льва, полагая – теперь-то не возбраняется. Да только божий суд, грозный суд, по Лермонтову, разве кто отменял?

Истинный поэт как творческая личность уже сам по себе образ. Образ поступка.

Река Дон обросла легендами. Вёшенцы рассказывают, когда в станицу приезжали московские писатели, то один их них на спор переплыл Дон; но это бы ещё куда ни шло, нет, он... перенырнул одним махом всю речную стремнину – с берега на берег! Можете не верить: за что купил... Но с Куняева станется, даром ли был чемпионом по плаванию в родной Калуге.

Да он вообще блистательный мастер поступков! И писательская среда таковые непременно помнит и передаёт из уст в уста. Тут и злосчастный критик, попавший под горячую руку, и трезвый куняевский голос супротив оголтелых поклонников всем известного барда, коего внезапные радители ревностно замалчивали при жизни.

Самое *большее*, о чём может мечтать каждый главный редактор литературного журнала, чтобы к изданию, как штык,

примыкалось его имя, аттестуя тем самым время его же верховодства. Названный с оглядкой на пушкинский «Современник» журнал «Наш современник», при всех подчас полярных мнениях о нём, значим для литературной жизни Отечества. И последние три десятка лет при Станиславе Куняеве, пожалуй, самые существенные в его судьбе. Журнал выстоял на сломе эпох, не потерялся в сонме журнальных новообразований и литературных интернет-сайтов.

Сам же Станислав Юрьевич, отдаваясь всецело журналу, не избыл и по сей день свой стихотворный талант. Это удивительно, и на то Божья воля! А к его уже хрестоматийным строчкам, взятым наугад из памяти:

*Но я гляжу на Запад и Восток
Не очередно, а одновременно.*

Или ещё к таким:

*Недаром легли как основа
В синодик гуманных торжеств
И проповедь графа Толстого,
И Жукова маршальский жезл.*

Да и к тем, чей смысл загадочен, но разделяем тобой:

*И уровень славы упал до нуля,
И уровень жизни взлетел до предела...
Разумные люди. У каждого – дело.
И всё-таки нация чтит короля!*

Как не процитировать вдобавок из не так давно начатого куняевского блокнота?!

*Не по мне этот мир, не по мне –
Так прекрасен, что сил не хватает.*

Судьба благосклонна к Станиславу Куняеву, возведя его по ходу пьесы на современной литературной сцене не только в ранг действующего лица, причём одного из главных героев, но и доверив описать самое действие для вящего утверждения истин и в назидание будущим зрителям и участникам. Его публицистические статьи, а потом и книги до того содержательны, что прочитываются неотрывно. Автору веришь, ведь большая часть фактуры как раз и есть то, чему Станислав Юрьевич был свидетелем.

Но если большинство воспоминателей сосредоточены прежде всего на себе, то Куняев ищет и выявляет сущность. И с какой болью говорит о России, о русском пути, о русских!.. Справедливые рассуждения только бесят опровергателей.

Кажется, на сегодня у Станислава Куняева самый долгий срок пребывания на посту главного редактора в стране. Имя-рек рад соседству с ним на одном из литературных порталов, где завели клуб главредов. Там под фото Станислава Юрьевича приводятся его слова: «Ежели поэты врут, жить не можно». Тут ни убавить, ни прибавить. Понимаешь эти слова как то, что художественная правда и есть истина, определённая свыше. И относишь сказанное ко всем и каждому, но более всего к себе самому.

Небо в рифму

Днепровские воды видспивали ему колыбельную, раины доверительно шептали кружащие голову строки... Черноглазый мальчишка торопливо исписывал стихами тетрадку, а когда чистые страницы кончались, делал бумажные самолётики и отправлял их небу. Оперённые рифмами, они взмывали, планировали за окоём...

Внезапно дохнул огонь, и Запад устремился на Восток. Чёрные кресты чудовищных машин несли по земле иезуитскую веру, где не было места таким, как он. Замутился Днепр, душу жгла горечь.

Отец погиб в ополчении, мать давно схоронили, деда и бабушку расстреляли немцы. Спасся чудом. Провидение занесло далеко-далеко. Казахское солнце, как жёлтая дыня, сочилось теплом и лаской. Чужие люди стали родными. Эвакуация прибавила взрослости, снарядила на фронт.

Стихи не оставляли его на аэродромных стоянках, где капониры тосковали по ушедшим ИЛам и ждали возвращения. Мукой было запрокидывать голову в небо, пытаюсь угадать «своего летуна» на подходе. Командир доверял ему жизнь, а однажды случилось так, что взял на боевое задание. Окружили «мессеры». Пальцы приросли к гашетке. Насилу отбились... Командир полка вручил авиамеханику Долинскому медаль «За боевые заслуги». Такая медаль даётся храбрым солдатам. Чувства захлёстывали, складывались в столбцы. Впервые увидел печатными свои стихи в армейской газете.

Запад не устоял, попятился. Львов, Кишинев, Румыния, Белград... Победная стрельба, после которой грянула оглушительная тишина.

На гражданке поэзия становилась жизнью и – наоборот. Стихи обо всём и вся. Возвышенный настрой Литинститута. Благословение тех, кто слыл цветом отечественной поэзии, близкое знакомство с ними. Складывание слов стало профессией, и его потянуло к переводам, более всего с кавказских языков. Книга за книгой. Газетная работа вывела к журналу «Дон». Там лет двадцать «заведовал поэзией».

Я и теперь оберегаю свою общую тетрадь безоглядной молодости с пометками Даниила Долинского – уж не готовил ли её в небесный полет? Так делал и делает для всех пишущих. С его лёгкой руки стали на крыло самые разные поэты.

... Имя «Даниил» – сразу представляется бажовский Данила-мастер – он выбрал как определил свою судьбу. Собратья по писательскому цеху любовно и нежно зовут – Даня... Слышится и «дан» и «данность». Свыше дан ему дар, сохранённый по сию пору. Как даден божьим промыслом нагрудный православный крест, неуловимо схожий с синей фронтовой наколкой крылышек авиаторской эмблемы на левой руке, чтобы узнавать по ней своих, причастных к небу.

Заселённая книгами квартира на Ворошиловском. Смотрят мне в глаза фотографии. Вот та из 44-го года, где он с гвардейским знаком и при сержантских лычках улыбочиво счастлив. Сидим с Даниилом Марковичем рядом, его рука поглаживает особую трость, ветвящуюся книзу вроде треножника; глаза хуже видят – жена Галя, земной ангел-хранитель, и читает, и записывает за ним строки, целые стихотворения... Ощущение же легкости неизменно. Руки вспархивают, как дирижируют. Он читает на память стихи – и не только свои, острит...

«Мне ли свысока смотреть на Михаила Юрьевича?..» – это по случаю недавней установки памятника Лермонтову в скверике перед домом. Его окно – на восьмом этаже, и ростовское небо ничем не заслоняется. Вот сегодня приснилась строчка про огромный лист ватмана, приклеенный звёздами к высоте.

Это Даниил Долинский дарит всем небо в рифму: творите, поэты и не поэты, вон сколько места! Не обязательно, что получатся стоящие стихи. Даже вовсе не обязательно – тут надо быть, как замечено, Мастером. А вы просто живите на полную, стройте, наконец, смелые замыслы, подчас и не обременяя бумаги. Только сверяйтесь с небом, где виден самолётик с его лёгким именем.

Лебединая песня земли

Обрести свою землю Владимир Фоменко хотел всегда, даже не сознавая того – интуитивно. Собственно, и занятие литературой было тому средством. Кто знает, откуда это – ведь родился он в городе Чернигове, а до станицы Старочеркасской прожил почти все годы, кроме военной поры, в Ростове

Тосковал по чернозёмной пахоте, береговому суглинку, выбеленным полынью донским курганам... На строительстве Сельмаша и то работал землекопом, драгилем... Был ещё грузчиком, молотобойцем, слесарил – тоже, скажем, дела основательные, земные. Думается, своя земля ему требовалась для большей остойчивости и в жизни, и в писательстве.

Порывистый в движениях – видимо, это у него сохранилось от кавалерийской молодости, – он исхаживал степь километрами, не уставая и интересуясь буквально всем. Отсюда та, свойственная ему, удивительная достоверность и точность в передаче предметного мира. Писатель, сам мастеровой по образу жизни, тщательно отделявал, говоря есенинским языком, каждую литературную вещь. Работал подолгу, выверяя каждое слово.

Мы стоим с Владимиром Дмитриевичем на его подворье, и он говорит, кивнув в сторону Старочеркасского собора, что высится напротив, с восточной стороны:

– Когда иной раз спозаранку выйдешь и солнце озаряет кресты, то на просвет, случается, летят птицы. Лебединый лёт. Ничего прекраснее не знаю! Это редко бывает. Надо, чтобы повезло...

Представляю эту картину – и перехватывает дыхание. Глаза Фоменко лучатся – счастлив поделиться вот этим замеченным только им чудом.

А я домысливаю. Не так ли существует и фоменковский слог, долго вынашиваемый, своеобразный? Точно сочетаемые слова – такая редкость! Их, как и распластанный полёт белых птиц, нужно заметить, ухватить глазом и перенести на лист бумаги. Писатель Владимир Фоменко такое может.

Обходим сад-огород. Каких только диковин не встретишь! Деревья, овощи... И почти всё – редкое в наших местах. Удивительно, но приживается, растёт, плодоносит. Это благодаря стараниям хозяина. Показывает тепличку, где, уединяясь, пишет подолгу.

Угощаемся только что сваренной кукурузой, и Владимир Дмитриевич поучает, как её надо «умасливать». Отныне всегда делаю по-фоменковски.

О рукописи говорим мало. Журнальную корректуру своих «Записок о камере» он прочёл, сделал пометки. И никаких досужих разговоров по поводу литературы. Что говорить? Надо уметь писать. Касаемо «Записок...» – вещь выстраданная, там – всё, что было с ним, там – правда.

На прощание одаривает своими знаменитыми помидорами. Они красные и тёплые.

Я выхожу за калитку, уже больше не увидеться с Владимиром Дмитриевичем в его доме.

Тогда и набросались строки:

*Звон малиновый услышу. Свят!
Между золотых крестов – на просвет –
Лебеди последние летят,
Как «прости» последнее тех, что нет.*

Надо же было такому случиться, что наши земельные сотки за станицей оказались рядом! И вот вижу, как появляется Фоменко с двухколёсной садовой тележкой. Сбор урожая. Делает он всё обстоятельно, даже любовно.

В глазах замечаю чёртиков. У него-то – уродило, другим – не чета.

Долго смотрю ему вслед. Он, чуть сгибаясь, везёт кладь. Тяжело не тяжело, а он должен... Должен, потому что задал себе такую задачу. Никому другому не передоверит. Никто вместо него не довезёт. Не сделает должного – не напишет книгу. А там будь что будет, по завету классика.

Конечно, я не был с ним близок. Судьба сводила нас по своему усмотрению. Крылатое судно отталкивается от причальной стенки. За кормой – пенистые буруны. И – вверх по Дону, до Старочеркаска.

Так мы оказываемся рядом. О чём говорим с глазу на глаз? Да обо всём, а вот писательской кухни не касаемся. Заметил, что оную тему Владимир Дмитриевич не жалует. Перебираем житейские темы. Политика? А как же без политики! Фоменко нелестно отзывался о том, что творилось в стране. На слуху был «Огонёк», Коротич...

Поразило, сколь близко к сердцу принимал он несуразницы перемен, весьма, как тогда говаривали, консервативный настрой его. С течением времени стало ясно, что Фоменко был тысячу раз прав, считая бестолковостью, если не хуже, затеянную ломку государства.

... Упокоился прах Владимира Дмитриевича на Ратном кладбище, что неподалёку от станицы. Кладбищенский храм

был разрушен, но вечный покой оведал могильные плиты давних и новых времён. Октябрьский день казался летним. Земля была аспидно чёрной и мягкой, чтобы стать ему пухом. Не знаю, бывает ли лебединый лёт в эту пору, но хотелось, чтобы птичья станица прошла над его последней землёй.

Даром ли мне слышится, когда бываю в конце сентября на Цимле, лебединая песня оплаканной им земли, что сокрыта под толщей воды?

«Никогда я не умру, поющий...»

Нет больше Бориса Примерова.

Поэт Божьей милостью, выходец с Дона, он, пока хватало сил, нёс свой крест избранничества, и вот – та страшная весть из Москвы о трагическом срыве...

Судьбе было угодно свести меня в последний раз с Борисом 27 сентября у стен Белого дома – впереди был расстрельный день октября 1993-го... Память сберегла его облик, до странного схожий с подбитой птицей. Что ему было делать в самом центре Противостояния? И тем не менее он дневал и ночевал там. Это поразительно. Трагедия прошла и через сердце Бориса Терентьевича Примерова.

Поэты на Руси уходят до срока, но в определённый свыше час. Такая смерть полна значения. Стихами да и самой судьбой Примеров, на мой взгляд, продлевает пронзительный ряд русских поэтов: Есенин, Рубцов, Прасолов...

Каждое лето Борис приезжал в родной Ростов-на-Дону. Всегда заходил в редакцию журнала «Дон», печатавшего ещё первые его стихи. Теперь всё оборвалось.

Эх, Борис, Борис!.. Тебя нет. Остаётся русская поэзия, а в ней – твоё светлое имя.

Богатынянская муза

Бульжанный спуск, что пока ещё не закатан асфальтом. Ворота ажурной ковки или же только затемнённая входная арка. По внутреннему периметру двора углами соединены домовые строения, где квартиры продолжают одна другую, лёгкая наружная лестница ведёт на второй этаж, все окна смотрят друг на друга.

Это уцелевшая в первоначальном виде ростовская Богатыняновка – колоритная, легендарная. Здесь бродит память, заглядывая вот в такие удивительные дворы. Мало остаётся бедных жилищ, настырно вытесняемых домами крепкой кладки.

Местная пацанва жила вольготно и в своём удовольствии. Отцы у многих не вернулись с фронта, матерям не хватало рук на работу и на дом. Каждая страшилась, чтобы родное чадо не попало к воровскому авторитету. Богатыняновская тюрьма, вон она – зарешечена, повита колючей проволокой, очередь с передачами не иссякает...

Кто знает, когда точно, но то, что именно здесь, в богатыняновском колоброде, где все и вся на виду, и зародилась лебедевская Муза – вне всякого сомнения. Гарри Лебедев говорил об этом до последнего. И до последнего зарифмовывал свою городскую малую родину, отдавая ей сыновний поклон.

Богатыняновка, Нахаловка, собственно, весь Ростов-город, его неистребимый дух вольности входили в стихи. И даже не «ростовские строки» Лебедева осенены богатыняновской Музой. Особый склад, разговорная интонация, южная распахнутость – это всё отсюда, из детства, из бесшабашной молодости...

Признавал только русскую классику. Вычурность собратьев по перу ему претила. Своему пониманию поэзии не изменял ни при каких обстоятельствах. Ветры перемен не могли сбить его с выбранного пути, равно как и тяжёлые ситуации житейского порядка. У него не было систематического литературного образования, но было внутреннее ощущение точности слова.

Музе служил верой и правдой, и она воздала сторицей. Уже одно то, что до последнего писал стихи с высоким, как всег-

да, напряжением строк, соединяя слова в единственно верном порядке, свидетельствует о высшем смысле его поэтической судьбы.

Мне довелось знать и узнать Гарри Лебедева. При всей открытости он был избирателен в общении с теми, кто ныне значится по писательскому ведомству и хотел бы числить себя в его окружении. Мерилом для поэта Лебедева была строка. И совесть другого человека. Всё от родной Богатыняновки, где знали точную цену каждому.

Буквально до самого ухода Гарри Ильич готовил рукопись для своей «Книги в журнале «Дон». Мы с ним обсуждали, говорили по строчкам, особенно у него болела душа о новой поэме... Для меня не перестаёт звучать его голос в телефонной трубке, когда он читал только что написанное.

«Книга в журнале...» Гарри Лебедева стала вечной памятью поэту на донских страницах. Его богатыняновская Муза не умолкнет.

Духовный кормчий

Меня судьба свела с Владимиром Бондаренко сто лет тому назад.

Писательская поездка во Францию вместе с Михаилом Лобановым, Борисом Екимовым, Николаем Доризо, Натальей Ивановой... Мы бродили по Парижу, пытаюсь постичь этот город.

Вот редкие ещё африканцы и арабы со своими поделками у Эйфелевой башни. Бронированное стекло на улыбке Джоконды в Лувре и она сама, растиражированная везде, где только можно. Ночной колоброд на Елисейских полях и даже любопытствующий прогон славных русских писателей вдоль злачной Сен-Дени. Витражные розы Собора Парижской Богоматери как свидетельство присутствия Бога, кажется, именно здесь, на берегу Сены. Забыть ли мне вальс с Натальей Дуровой на посольском приёме...

Мы колесили по весенней Франции. Дивились жизнью-бытием Бальзака в его доме, особенно тому немереному коли-

честву кофе, на котором держался писательский гений. Общение по случаю с одним из потомком Дантеса, и тот сидел рядом, заметно гордый вниманием к своей персоне с ненавистной фамилией. Такой лощёный господин. Ей-богу, подмывало вызвать его на дуэль!.. Правда, мой вчерашний армейский «калаш» не тот вид оружия, но что-нибудь бы придумали.

Отмечали за Луарой совершенно русские берёзы... Когда это было?

Врезалась в память одна официальная встреча. Разговор о литературе с французскими коллегами. Всё чинно и пристойно – поминаются угодные Западу имена. Но вот представляют молодого русского критика Владимира Бондаренко, уже заявившего о себе определением «проза сорокалетних».

Он сумел углядеть и вычленил из, казалось бы, привычного числа авторов тех, кто мог и уже двигал отечественную литературу не по заезженной колее, а прокладывал путь на большак. Бондаренко стал критиком-объединителем порой разных и по творческим установкам, и по лексическому строю, но схожих по мироощущению уже в силу своей поколенческой совместности писателей. У них появился духовный кормчий.

И ладья сорокалетних стала набирать ход... Не называю никаких имен сознательно, потому что теперь достаточно сказать – Владимир Бондаренко, и они подразумеваются по известной строчке из маяковской поэмы. Хотя, пожалуй, одно стоит упомянуть – Владимир Личутин. Сегодня едва ли не самый выдающийся современный прозаик северной выделки.

А тогда Владимир Григорьевич говорил именно о новой русской литературе, неизвестной на Западе. Говорил убеждённо, со всей страстью, и это воздействовало на внимавших ему.

Владимир Бондаренко на ту пору уже печатался в журнале «Дон». Его донские публикации, как и в других изданиях, отнесли к числу «громких», замечались и обсуждались.

Мы в силу своей молодости сблизились, нас и селили вместе в дорожных гостиницах. О чём можно было говорить? Только о литературе.

Мне дорого то, что пишет Владимир Бондаренко. В его текстах нахожу созвучное своим мыслям. Более всего разде-

ляю понимание единства русской литературы. Размежевание противоестественно. Не могу представить, чтобы Пушкин воспринимал авторов как чистых и нечистых. И когда Владимиру Григорьевичу достаётся от тех и этих, то сие ничто перед сделанным и делаемым им во благо русской литературы. А собратьям хотел бы посоветовать беречь нашего «неистового Виссариона» современности.

Другого Владимира Бондаренко нет и не будет!

Он теперь сам навсегда сорокалетний. Не в этом ли убеждает предлагаемый блок его новых работ, переданных эксклюзивно для публикации в журнале «Дон», при представлении которого на портале «Читальный зал» имя Владимира Бондаренко упоминается в ряду именитых авторов нашего журнала, а именно: Маяковский, Шолохов, Михалков, Кожинов, Кузнецов, Белов, Калинин, Личутин... Сам же он исповедуется в интервью, где не итожит прожитое, а ставит вешки на пути вперёд.

Белые крылья перевозимья

Стылый ветер струит снежную позёмку вдоль дороги. Проскакивают редкие авто. А уже непривычная ныне для русских равнин фигурка одинокого путника, двоясь в зыбком мареве, пересекает белое снежное поле и вот-вот затеряется вдали.

Такой образ являлся моему мысленному взору довольно часто на полях книги Андрея Шацкого «Первозимье», и не столь важно, о чём конкретно было то или иное стихотворение. Ясно виделся *тот*, устремлённый к одному ему известной цели, а что при этом может случиться – разве имеет значение?

Путь ему указан свыше. И здесь должно следовать провидению. Если божий перст отметил, так принимай данность – неси свой крест избранничества. Пусть непомерно тяжёлый святой груз, но тебя никто и никогда не заменит.

Таковыми единственными были апостолы христианской веры. В теперешнее смутное время вообще и для литературы

в частности апостолами Слова, вне всякого сомнения, и могут числиться подобного рода одинокие путники, хранимые фаворским светом русской поэзии.

Андрей Шацков исповедует классику, его стихотворный строй даёт понять читателю, что смысл рифмуемых строк не столько в сказанном, сколько в некой возвышающей его надмирности. При этом созерцательность исключена, и душа по завету поэтического собрата «обязана трудиться».

*Над древним храмом кажется синее
Проём небес в разрывах чёрных туч.
Остановись и сделайся сильнее,
Поймав в окне апсиды солнца луч.*

Сам же поэт, пребывая по воле обстоятельств в неустанных борениях духа, кажется, готов отчаяться и усомниться в респонде, называемой им так по-древнеславянски, – истине. Обращение к отдалённым временам, к событийно значительной истории Руси исцеляет во имя грядущего, служит библейским посохом на пути к самостоянию.

*И только Андрей Первозванный
Тебе подставляет плечо*

Тютчевское «не то, что мните вы, природа...» вписано в координаты поэзии Шацкова естественным образом. Да и как иначе? Искони родное место – древний подмосковный городок Руза – наделило осознанием своей причастности ко всему сущему, связуемостью с ним.

Памятую однажды услышанное: Россия, Русь постигает именно в таких заветных уголках; здесь обереги для твоего духа – и «матёрые снега», и «солнышко волчье», и «шрам звёздной прорехи», и всё другое, близкое и понятное до слёз.

*Камень бел-горюч во мгле лежит,
Без призора брошенный Сварогом.
Это твой последний оберег.
Твой последний луч дневного света...*

Сущностные реалии, малое в связке с большим зорко подмечает поэт. Он легко перемещается во времени и на расстоянии. Находит свой ракурс, чтобы увидеть за первым планом нечто иное. И пишет:

*Ведь Россия теплом – не Сирия,
Да и Руза – не Иордан,
Чьи истоки – в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России – свои окрестности,
У России – свой разговор.*

Заметно сдержанная в выражении чувств, можно сказать, вся в себе поэзия Андрея Шацкова, когда боль не напоказ, а выражается по-мужски, точнее – преодолевается, чтобы уберечь от неё родную душу да и нас с вами, сторонних, но уже сопереживающих. Особенно это присуще стихам о любви, где сердцебиение автора порой учащается до едва ли не трагического предела: «Прощай! Показалось, я жить не могу!». А вот ещё из раздела «Час до вечной любви» исповедальное признание:

*К твоему склонившись изголовью,
Про меня прошепчет вещей сон:
Жил неладно, но ушёл – с любовью...*

Современная русская поэзия не знает «своего Пушкина», и это уже отдельный разговор. Зато любой сведущий может назвать первый ряд бесспорных стихотворцев, чьи имена не только многое значат чисто в литературном плане, но и важны для познания самой себя. И здесь без Андрея Шацкова не обойтись.

Для другой любовно изданной в Санкт-Петербурге книжки так и просится русская пословица про то, что «мал золотник...» А дорог уже одним тем, что на обложку вынесено бесконечно почитаемое имя Фёдора Ивановича Тютчева. Сочетается же имя с названием гордых птиц – «Лебеди Тютчева». Это сти-

хотворный триптих, дополняемый иллюстративным рядом на тему.

Замысел оказался удачным: книжица в 16 страниц прочитывается и перечитывается на одном дыхании. Интересные фотоснимки к стихотворным строкам. И как хочется взгляды ваться в рукописные тексты самого Тютчева, отмечать его автографы!

Андрей Шацков с первых же строк переносит нас в княжескую Русь, когда служивый предок поэта «Тютчев из рода Тютчевых – Захар» отправляется в путь с гайтаном на груди, что надел ему Великий князь Димитрий. Там «письмо безбожному Мамаю в столицу Золотой Орды». Чем не дипломатическая служба!

Исполнил Захарий дело с честью, доставил послание адресату, а по дороге в «Олеговой Рязани о русском братстве речи рёк...» Так что такого рода служение Отечеству у поэта Тютчева в крови, наследственное.

А затем предок «в начале сентября... ехал с князем – стремя в стремя...» на Куликово поле, и следом, сопровождая:

*Летело лебедей обилье –
Небесных витязей отряд.*

Но вот вернулись полки с победой, и, как представляется поэту, Захар подьмлет руку с двуперстьем, чтобы «неведомому внуку / Грядущий путь благословить».

Смещение времён на сотни лет вперёд, и читатель переносится вместе с автором в брянский Овстуг, где чтут великого поэта. Оживают и наполняются смыслом музейные экспонаты родовой усадьбы Тютчевых: «залито чернилом столешниц сукно. / На плеле в шкафу – от подсвечника пятна...» И вот оживает сама эпоха, когда:

*Россия, хоть Третий, но всё-таки Рим.
В ней веет дыхание Божьего духа...
Неужто сдадут Севастополь и Крым?
Неужто настанет разор и поруха?*

Начинаешь осознавать, на каком фоне исторических событий рождалась тютчевская поэзия – глубокие стихи философского плана, неподражаемая лирика. И это ещё при том, что «полнятся мысли тоской и сумбуром». Разделяешь вывод автора: «тяжеле вериги – поэтов судьба». Но даром ли: «гордо в щите родового герба / Распластаны лебеда белые крылья!»

А вьяве плещется в заветном пруду выводок маленьких лебедей. Напоследок хочется только одного: «...пусть нежность останется там – / В чугунном затворе усадьбы...»

И вот прощальный поклон поэту на пьедестале в самом древнем Овстуге: «И Фёдор Иоанныч – Фёдор Тютчев / Гостей встречает вполуоборот». А на ум, естественно, приходит памятник Александру Сергеевичу работы Опекушина. Схожие мысли о величии русской поэзии, значении её для Отечества. И о том, что судьбы поэтов переплетаются с судьбой России. Где, в каком краю так значимо их провидческое Слово? Только у нас! И если разобраться, то живёт страна, все мы живём по начертанному в рифму, будь то Пушкин, Лермонтов, Тютчев...

Нам не прожить без Тютчевской России. И ей, наверно, не прожить без нас.

Звезда его имени

Поезд идёт на Север, выбираясь к поясу белых ночей сквозь задремавшее непроглядье средней полосы. И только на глухом полустанке, холодя лицо стеклом тамбурной двери, смутно угадываю млечную россыпь. И пусть не различима там, на непостижимом отдалении световых лет, но всё же мысленно отмечается звезда его имени – звезда поэта Анатолия Аврутина.

*Что лучше – слава иль безвестность?..
Я к лишним спорам не привык,
Мне мама – русская словесность,
Отец мне – русский мой язык.*

Путь мой уводит от напора степного ветра до дремучих таёжных чащоб, и при свете дня чередуются русские места – холмы за холмами, гремучие мосты переносят состав через реки и речушки, и вот уже пошло редколесье – берёзы да сосны, разные селения, маковки церквей... Всё родное, близкое! Окрестные виды пленяют до слёз восторга. Сердце щемит от невыразимых чувств и желало бы передать испытываемое состояние другим.

Какова же сила притяжения, само воздействие таких исконно русских мест применительно к литературе, если, живя с рождения и по сию пору в Минске, одном из стольных градов славянского братства, Анатолий Аврутин сумел стать выразителем сущности нераздельного мира, считаясь по праву одним из значительных русских поэтов. И не только по способу изложения, а прежде всего – ощущению себя.

*Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.*

Его стихотворная ветвь длится от древа русской поэтической классики. Ясность слога, точный образ и стремление именно к классической простоте, оную же достичь сложнее сложного. Аврутин соединяет, казалось бы, несоединимое, и череду строк озаряет вспышка:

*Так и живу в краю прозрений,
Где воинство – невучесть строк,
Где вся политика – Есенин,
А вся величественность – Блок.*

Болит душа у поэта о двуединой Родине – это Россия, это Беларусь. Одно целое для него. Не разделить, не развести. И пусть тревожен ветер перемен, но мысли о вечном.

*И думалось о Родине, о чести,
О роковой сумятице времён...*

Аврутин пишет о любви. Она у него близка тютчевской. Достоинство и выразительность, трепетность отношений, обожание предмета страсти, светлая печаль... Даже проходящая любовь неистребима, если удержана словом.

*О, Господи, продли мне эту муку! –
Ловить твоё тревожное дыханье
И знать, что своего дыханья нет...*

Высшая степень чувств не поддаётся объяснению и сродни предопределённости небес. Поэт взывает:

*Кто ты?.. Ева... Офелия... Боль... Эвридика?
Или гулкая тишь после долгого крика?..
Божий дар?.. Или все-таки божья немилость?
Или просто слеза, что в слезе отразилась?..*

Поэтический голос Аврутина уподоблен птичьему пересвисту среди белых и чёрных берёз, будь то Рязанщина либо Полесье, так он чист и органичен от природы. Внимателен поэт к окружающему миру, встречный люд принимается чутким сердцем; справедливо представить, что и сам он является частью этого мира и также встречаем кругом читателей с радостью открытия, а потом и узнавания. Да так оно и есть! Стихотворец же этих людей любит, соучаствует в их судьбах, хочет блага им.

Поэт вне возраста! Это про Анатолия Аврутина. Напряжённость строк, когда изыскиваются порознь и затем находят друг друга в единственно верном порядке слова, когда пронзительность чувств выражается так, как никогда и никем.

... Железный путь разматывается обратно. И не покидает, кажется, никогда не покинет неуклонность и строй тех мыслей, то важное для души состояние твоей определённости в изменчивом мире, что навеял томик поэта. Будто не колёсный

перестук поезда, а само движение времени рифмуется в строфы, устремляемые из сегодня, дай бог, к дальним пределам.

Последний звонок

Звонил он последний раз из Воронежа в конце зимы. Как всегда шутливо представился:

– Моя фамилия Дёгтев – с буквой «ё»...

Так у нас повелось ещё с первого телефонного звонка, когда Вячеслав самотёчным путём появился в журнале с рассказом «Высокое небо Аустерлица». Став нашим автором, он часто и широко печатал свою прозу на донских страницах.

Этому ничто не могло помешать. Ни разного рода окололитературные соображения, ни наветы коллег по перу, ни правдивые или ложные истории, которые с завидным постоянством сопровождали воронежского писателя, сперва мало кому известного, а потом и знаменитого. Даже ростовские собратья единодушно, кроме одного голоса, на собрании осудили молодого Дёгтева за литературное письмо-манифест в центральной газете. Тон не понравился и то, что много на себя берёт.

Жил Вячеслав Дёгтев самозабвенно, писал с поразительной энергией много и талантливо, являя собой русского Джека Лондона. Проза его была болевой, сдавливала горло безысходностью жизни, но и удивительным образом давала надежду. Кажется, он писал обо всём, столь велик разброс созданных им реальностей, книги же любил выстраивать по заданному алгоритму. Одна из таких – «Десять заповедей», где осовременивается древнее, вечное.

... А звонил Дёгтев, чтобы справиться о судьбе своей прозы. Перед этим (предчувствие?) он прислал в редакцию объёмный пакет – рассказы, повесть... Я сказал, что его «шолоховский рассказ» поставлен в пятом номере, а остальные станем печатать следом. Так и получилось, правда, уже без Вячеслава Дёгтева.

Но был и ещё повод для звонка. «Знаешь, я хочу написать книжку про любовь... Там не будет грязи, молодые чтобы читали. Давай издадим под маркой журнала «Дон», а потом махнём летом на юг, к морю, будем её распространять. Прославимся. А?!»

Теперь, когда Вячеслава Ивановича, Вячеслава, Славы Дёгтевы не стало, для меня вдруг по-особому прочиталась дарственная надпись на «Десяти заповедях» со словами: «Слава России!» Вкладывал ли Вячеслав здесь особый смысл? Не знаю. Но теперь только так звучит начертанное простой шариковой ручкой.

Ритм сердца, записанный строкой

Письмо в Азов

Юра, здравствуй... Время как распоряжается: надо бы твоё имя продлить Петровичем! А вспоминается, старик, давняя пора. Часто – поездка в Вёшенскую.

Ростовская слякоть декабря отстала уже на сотом километре. Мороз прихватывал трассу. Ближе к Вёшкам автобусик запарусил под ветрюганом; его стало водить по обледенелой дороге из стороны в сторону, а один раз даже крутануло вокруг оси, после чего мы заскользили как ни в чём не бывало.

Паромная переправа через Дон. Тепло гостиницы. Вымотанные до чертиков, всё равно едва утомонились. Погасили свет.

А дальше – сон ли, явь?.. Невесть откуда возникший, весь облепленный снегом, Филя Сухоруков увлекает за собой... Он, дескать, вышел прогуляться да тут поблизости и усмотрел розвальни с застоявшимся жеребчиком в упряжке. Не желаете ли, пока сам хозяин в курене любезничает за бутылкой самогона с зазнобой, катануть по станице? Ещё бы, только об этом и мечтали!

Ах, какая же удивительная сказка – заснеженные Вёшки ночью!

Полозья не остановить. Кураж. Снежная нега. Звёзды. Чистота нашей родины.

Вечером другого дня мы втроём, не дождавшись медлительного парома, идём по неверному льду на другой берег в Базки – выглядывали там уже нас, молодых поэтов, вознесённых лауреатством областного масштаба. Лёд потрескивает. Запросто могли ухнуть к водяному. Дурные были, ветер в голове... Но пронесло! Успели на встречу, читали стихи.

Есть фотография, где все мы стоим перед домом Михаила Александровича. Он как раз прибаливал и был в Москве. Жалко, да? Ведь наградили нас за поэтические свершения именно поездкой по шолоховским местам.

Я смотрю на снимок, и мне кажется, что нас, Юра, может быть, с тех пор иногда осеняет нечто высшее. Не дух ли его?..

Перебираю тетрадные листки с твоим почерком – крупные буквы отстоят одна от другой, каждая выписана, каждая на своём выбранном месте. Слова вместе – стихи? А если – исповедь?

За тобой долгое время числилась единственная книжица стихов «Живая вода», изданная давным-давно. Мог бы выпустить следом и ещё, да не хотел суетиться, потом – для издания стали требоваться деньги.

Счастливый случай свёл тебя с популярным композитором и исполнителем Вячеславом Малезиком, о котором ты отзываешься как о брате. Ваше соавторство принесло сотни две песен. Ты будешь «считать свою миссию выполненной, если хотя бы десяток из них останется на слуху у народа».

А потом журнал «Дон» опубликовал на своих страницах целую книгу Юрия Ремесника «Вдох и выдох». Затем стали выходить другие сборники. И всё-таки твоё творчество приобрело широкую известность благодаря именно песенному воплощению

Для Азова ты местная достопримечательность, опять же – удостоен звания «Почётный гражданин города». Кто из пиитов добился этого? Азовчане любят своего поэта при жизни – и правильно делают!

Ранее литераторов собирала газета «Красное Приазовье». Теперь пишущие посоздавали литобъединения, одно даже в твою честь именуется «Петровичем». Бренд, так сказать.

Россия знает «Мадам», «Провинциалку» и ещё, ещё песни... Это поэзия Юрия Ремесника, подлинная поэзия. Однажды в Вёшенской на «Шолоховской весне» Вячеслав Малезик не единожды пел твои стихи. Успех оглушительный! Но как его встречают в Азове – это надо видеть и слышать!

Ладно, Юрий Петрович... Главное – стихи. Когда составлялась твоя книга «Кардиограмма», твоё избранное, то поразила высокая лирическая нота лучших стихотворений. Воистину – кардиограмма судьбы. Судьбы твоей и близких, родных тебе людей, в основном азовчан, пускай порой и обделённых хлебом счастья, но не отделённых друг от друга, не отделённых от «мамки-России».

Наш друг Филипп Сухоруков – мир праху его – говорил: есть что-то в тебе от Рубцова. Щемящая нота, наверное – точно ритм твоего сердца, записанный строкой. Пусть только не обрывается она до срока!

Пересылаю в Азов строку из твоего стихотворения: «Спаси тебя Бог»!

«Ушёл бы на Дон...»

Небо заволакивают низкие тучи, кажется, ещё чуть-чуть – и они так осядут, что тронут золото монастырского креста, осеняющего остров Столобное на озере Селигер. Дождь кропит обитель. Это святое место, где витает дух преподобного Нила, которому в 1528 году, по свидетельству хроник, глас Божий в тонком сне указал путь спасения именно сюда, в пустынную о ту пору сторону.

Строгое подвижничество Нила, непрестанная молитва, уподобление себя древним столпникам, неистовым ревнителям веры, свершение чудес и дар прозорливости, а он уединённо прожил в устроенной келье при часовенке без малого 30 лет, вели к нему люд отовсюду. И он соблезновал словом, помогал.

На Руси так было всегда: страждущие тянулись к избираемому свыше духовным отцам, чьё участие оказывалось и целительным, и очищающим для души и тела. Истинная русская

литература уже с самого своего появления переняла от православного мира эту благую миссию. Нет нужды перечислять наших классиков, чьи литературные деяния в этом смысле были на пользу Отечеству.

Озаботимся днём нынешним. И здесь отнюдь не всё благостно.

...Мой приезд в Тверь был не случаен: донские и тверские писатели давно и прочно связаны творческими узами – так уж звёзды сошлись. Впрочем, разделение писателей по географическому признаку – вещь условная. Есть одна русская литература на всех, которая объединяет во времени и в пространстве. Писатели же служат ей независимо от того, где они родились и живут.

Как тесен мир творческих людей, для них расстояния ничтожны! Замечательного тверского писателя и издателя Михаила Петрова я знал не просто как автора журнала «Дон», мы с ним были не только дружны, но и сходились в воззрениях на происходящее вокруг.

Иногда мне казалось, что это братское сближение от одинаковости фамилий. А почему бы и нет?..

Конечно же, нас с Михаилом Петровым весьма роднило издание литературных журналов. Нести редакторский и издательский груз в наше непонятное время – непомерная тяжесть. Двенадцать лет назад, когда журнал «Русская провинция» закрывался, Михаил написал мне: «И ушёл бы на Дон, но годы не те...»

Я не мог не помочь собрату по судьбе, и в 2003 году мы напечатали последний номер «Русской провинции» в нашем «Доне». То есть получилось особое издание – «журнал в журнале».

В редакционном врезе «С Дона выдачи нет!» тогда я писал:

«В связи с финансовыми трудностями закрылся журнал «Русская провинция». Прекрасное издание держалось до последнего. Подвижничество главного редактора Михаила Петрова – вот что такое журнал «Русская провинция». Но всему есть предел.

Писатели сокрушаются, читатели не хотят верить... а кое-кто и рад, одним честным изданием стало меньше.

Странное время переживаем. Даст Бог, переживём.

И как, бывало, уходили на Дон от притеснений люди русские, так и теперь журнал «Русская провинция» нашёл братский приют в журнале «Дон».

«Русская провинция» открывается на страницах «Дона».

У меня сохранились письма Михаила Петрова, в которых он изливал свою душу, и чувствовалось, как она болит у него от несовершенства окружающего мира и невозможности перемен к лучшему. Да, он страдал, как всякий талант. Собственно, таков и есть подлинный удел русского писателя, помноженный на издательскую долю.

Позволю себе процитировать выбранные места из нашей переписки. Мне кажется, они важны для понимания самой сути Михаила Григорьевича.

«Я провёл в Ростове жаркое, фруктовое и винное лето 1961 года. Будем считать, что в 2003 году я провёл 7-8 месяцев безвинные. Посылаю тебе свою последнюю книгу, собрал свои краеведческие эссе и очерки, м. б., пригодятся лет через 10-15, когда Россия выйдет из наркотического сна потребления, вернётся к себе домой из виртуального западного рая. Посылаю также свою статью о Заболоцком... СМИ делают всё, чтобы мы стали манкуртами.

Бываешь ли в Москве? Я – почти не бываю.

Обнимаю».

Стоит кое-что пояснить.

Прекрасная статья о Заболоцком была напечатана в нашем журнале, равно как до и после этого другие его работы – проза, краеведение, критика... Михаил Петров был постоянным автором «Дона».

Москва... Да, было время, когда издателя и редактора «Русской провинции» охотно поминали и чествовали на писательских сборах в столице. Такой замечательный журнал издаёт, до чего молодец!

Но вот, как ни бился в одиночку Михаил, подошёл край. Просил, умолял кого только мог, хотя бы тех же своих столичных коллег: «Помогите!»

Сочувствовали, сожалели, но не более того.

Так был закрыт уникальный по своей идее и исполнению журнал «Русская провинция».

А Михаил Петров не стал ли живым укором для тех, кто в тяжкую минуту отвернулся от него? И зачем тогда в Москве бывать, взирать на писательскую мельтешню? Между прочим сам он красочно рассказал обо всех перипетиях вокруг «Русской провинции» печатным словом.

Мне писал:

«Спасибо тебе за твёрдость в деле, я знаю, что за этим стоит. Вызываешь уважение и стыд, что не выдержал испытаний и, что пошёл на поводу у слабости и гордыни. Нужно было держаться: просить, унижаться, бороться, не поддаваться. После закрытия журнала всё мурло тверское поднялось на журнал, отбивался не только в печати, но и в судах... Посмотри последнюю часть книги, это то, что, думаю, ожидает и тебя, если закроешься и закроют. И даже больше того...

Так что держись, я буду за тебя молиться.

Успехов! Хитрости! Стойкости.

Твой Михаил».

Вот черта русского человека – винить себя, когда и не виноват! Не оправдываться впустую, а думать о ближнем.

Дорогой Миша!

Эти твои слова всегда со мной. Знаешь, помогают, как молитва, даже сейчас, когда тебя уже не стало...

Михаил был сто раз прав, заглядывая вперёд и предвидя судьбу журнала «Дон». И все-таки живо наше издание, являясь в определённой степени образным продолжением Михаила Петрова как автора.

Всё мной испытано: и зависть, и злоба, и предательство... И как в воду глядел Михаил – те же суды. Ничего, держимся. Молитва во имя святого духа русской литературы помогает.

Да теперь ещё и тверская иконка со строгим ликом стойкого в своей вере и правоте преподобного, чей прах упокоен на острове, омываемом селигеровскими водами. Кажется, что тамошние и прочие земли дают всем нам силы выстоять, превозмочь, взлететь очи к небу, где меж туч золотится русский крест.

Птицу бьют влёт

Селезень пластался над речной протокой. Крылатое великолепие было оторочено розовым светом утренней зари. Душа взмывала следом за птицей. Выстрел, как всегда, грянул неожиданно. Летун ударился о воздушное стекло и камнем упал в прибрежные камыши. Стало не по себе.

... Вот уже какое время по России идёт отстрел литературно-художественных журналов. Есть издания-подранки, есть сражённые наповал... В ход идут ружья разного калибра; охотники то маскируются, то палят в открытую.

Несколько лет тому назад на страницах нашего издания нашёл последний приют превосходный журнал «Русская провинция», прописанный в срединной России. Его обречённость была обусловлена честной позицией главного редактора Михаила Петрова, его неуступчивостью относительно власть предержащих.

История повторилась в северном варианте. Министерство культуры Карелии уволило с поста главного редактора журнала «Север» Яну Жемойтелите, члена Союза писателей России. Вместе с нею подал в отставку весь редакционный коллектив. Случай беспрецедентный!

Конфликт возник не на пустом месте. Чиновники пошли на поводу у местных писательских организаций, члены которых объединились против неугодного издания, чьё свободомыслие их не устраивало. Инсценированное давление общественности на министерство привело к желаемому результату – журнал «Север» сменил флаг при новом руководстве.

«Северный вариант» показателен. Ныне заметно девальвируется печатное слово, расплодилось несчётное число графоманов, катастрофически падает профессиональный уровень писателей с членскими билетами. Наиболее агрессивная часть самодельных авторов правдами и неправдами пробивается в писательские организации, устанавливает свои правила игры. Серость строится в ряды, ополчается на истинные таланты. А теперь уже и бьёт птицу влёт, чтобы та не ушла в высоту. Чтобы знала своё место.

Да только – с Дона выдачи нет!

Один из номеров журнала «Дон» открывали произведения авторов «убитого» журнала «Север» и повесть самой Яны Жемойтелите, где по горячим следам рассказывалось о происшедшем...

Устоять в слове

«Заветным» назвал Дон Александр Сергеевич Пушкин, и вот через сотню лет шолоховское – как выдох! – «Тихий Дон». При полёте к Ростову речные изгибы сравнимы с линией судьбы, только уже на земной ладони. «Тихий Дон» – линия судьбы России в прошлом веке и, не дай Бог, в настоящем. Метания Григория Мелехова суть не только наших дедов, отцов, но и нас самих на ином, современном уровне.

Зачин романа: «Мелеховский двор на самом краю хутора – не содержит ли ключевое слово ко всему повествованию? Казачий Дон на краю России, тем самостийен и пропитан вольницей. До Бога высоко, до царя далеко. Люд здешний не терпит узды. Из чужих мест накатывает вал братоубийства, и вот уже Дон взволновался, замутился, переливается через края. «Неправильный у жизни ход», потому что подступает край и разверстая бездна поглощает родных, близких... После того, как Мелехов в страшную минуту увидит над собой чёрный диск солнца, оно останется уже навсегда для него холодным.

*Дантовы круги на донской воде,
Не с того ли и вода свящёная?
Всадник проскакал – всадник тот везде:
Красный тал, белый тал... Солнце чёрное.*

Михаил Шолохов – и теперь это яснее ясного! – как никто другой сумел гениально выразить XX век, оставаясь неизменно русским художником. Именно на Тихом Дону трагедийный разлом явил миру правду – собственно благую весть. А если пророк не услышан, то горе пребывающим в ереси. Но и в но-

вом веке даётся срок, чтобы собрать рассеянные силы, донести правду до всех и каждого.

Исторически мы не только обречены на Христовый путь, но и призваны быть земным воплощением Спасителя. Да, мы – народ-богоносец! Речь не об исключительности русских, а русский это не столько характеристика по крови, сколько по образу мыслей и суждений, по всемирной отзывчивости Достоевского, душевной организации – всем этим и другим подобным качествам того же порядка. А применительно к людям нашего рода занятий следование Пушкину с его стихотворением «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и лермонтовской «Молитве» – «В минуту жизни трудную...»

Нам достался слом эпох, и он всё более ощутим. Лишь укрепляясь в Вере, возможно устоять – иного не дано! История Руси, России самодержавной и советской, России нынешней – один сквозной путь: неразделен и предугадан уже выбором Православия. Особенно хорошо понимаешь это, пересекая страну из края в край. Господь даровал бесконечные просторы воистину избранному народу. Но избранному не в упрёк и на гибель иным, а с указанием на спасение всего человечества по его примеру.

Россия – трагедийная страна. Она не может быть замкнута сама на себе, иначе мир не устоит, сорвётся в пропасть. Достаточно вспомнить Великую Отечественную войну – наши неизмеримые жертвы спасли человечество.

Журнал «Дон» выходит на Россию и не вправе замыкаться в каких-либо рамках, кроме установленных самой литературой. Только степень таланта влияет на судьбу рукописи. Есть авторитетная редколлегия, редакция, есть, наконец, главный редактор. Никакого давления извне. Печатали и будем печатать достойных. Сие право выстрадано!

«Дон», особенно за последние лет двадцать, сложился как традиционно русский литературный журнал. Следуем «Современнику» Александра Сергеевича Пушкина. Проза, поэзия, критика, публицистика...

Корней Иванович Чуковский оставил письменное свидетельство о своих встречах с Михаилом Шолоховым в Кисло-

водске в начале 1941 года: «... как же не похож он на писателей Ленинграда и Москвы! Вдумчивый, медлительный, спокойный, благородный...». У Шолохова мысль, как записал в дневнике Чуковский, что «надо распустить Союз – пусть пишут. Пусть остаётся только профессиональная организация».

Полностью согласен с писателем. Это я к тому, что ни членство в ныне различных союзах, ни иные обстоятельства не имеют ровно никакого значения, когда перед тобой текст, предлагаемый в журнал. Важен лишь его художественный уровень. Каждый из авторов, приписанных к «Дону», подчёркиваю, каждый – талантлив и интересен. Иных не держим!

Литературный журнал, верный классике, вполне сравним с колоколом громкого боя, если прибегать к морской терминологии. Редакция и авторы бьют тревогу, радея о читательской душе. Подлинная поэзия ли, проза могут и должны вызывать чувства добрые. В этом смысле звучание ордена Дружбы народов литературно-художественного журнала «Дон» нарастает. Речь об освоении литературного пространства России в целом. Ростовское издание в разные годы предоставляло свои страницы авторам из Дагестана и Оренбурга, Одессы, Краснодара и Харькова, Твери, Коми, Крыма... Обычно даём целевые блоки, а то и целые номера.

Ныне функция поиска и обнародования талантливых произведений современных авторов лежит на «толстых» литературных журналах, собственно, как и всегда, со времён Пушкина. Это чисто русское явление достигло своего расцвета при Советской власти, когда публикации в авторитетных журналах вызывали не только заметный резонанс, но и формировали новую историческую общность. Возможно ли сие сейчас?

Искушённый читатель, сориентированный на подлинную литературу, безошибочен в своём выборе. И он открывает тот журнал, где обязательно есть литературное творение для его ума и сердца. Без ложной скромности скажу, что авторы – как именитые, так и никому неизвестные – стремятся публиковаться на донских страницах, предлагают свои новые вещи; я же не считаю для себя зазорным обратиться к таковым с просьбой дать что-либо новое для «Дона». Тут

решают авторитет нашего издания и личные контакты, а как без этого?

Беда нынешней словесности в утрате критериев художественности. Любой желающий вправе объявить свои зарифмованные тексты стихами и именоваться поэтом среди себе подобных. Есть сайт, где таковых за миллион – уму непостижимо! Что делать со всем этим? А ничего – пусть их. Просто в общественном мнении перевести в разряд самодеятельного творчества. Ау, литературные критики!..

Пока же ощутима иная тенденция. Графоманы пополняют различного рода организации писателей, сплываются, иной раз даже верховодят в позиционирующих себя как профессиональные союзах. Для меня никакие корочки, никакие награды-дипломы не имеют значения. Только само произведение, только его достоинства! Волен решать, повинуюсь высшим смыслам, а не иным соображениям. Есть известные слова Шолохова о донской писательской роте, о её узнаваемой поступи. Но это, увы, в прошлом, хотя роты прибыло вдвое, а то и втрое. Остаётся сожалеть и надеяться.

Спросим себя, вот сам Шолохов – это донская литература? Ответ очевиден: русская классика мирового уровня. А Льва Николаевича считать ли тульским писателем?.. Посему для меня нет деления на местные литературы, хотя, конечно, географическая привязка автора существует, однако это уже в качестве иных характеристик.

На Дону, скажу так, должны быть интересные писателя, но уровня Шолохова, Калинина, Закруткина, то есть имевших всесоюзную узнаваемость, увы, назвать не смогу. Что тому виной? На мой взгляд, плачевное в целом состояние так называемой местной литературы. В ростовский областной союз с раздутым числом членов рекрутируются не столько по таланту, сколько по иным критериям, в основном, по лояльности к нынешнему бездарному руководству.

Про меценатство и денежное обеспечение ничего не скажу. Я давно решил: опора только на собственные силы. Поддерживать журнал «Дон» помогает своё «Донское книжное издательство». Никакого финансирования со стороны. Так

даже лучше, никто не указ. Это, конечно, сложнее, зато никому не обязаны, сами по себе. Воля вольная...

А ведь о чём роман Шолохова «Тихий Дон»? О том, что казак Григорий Мелехов не волен жить так, как ему бы хотелось – по заветам предков и сообразуясь с их укладом. Выстрадан его вывод: «неправильный у жизни ход», то есть месиво братоубийства противоестественно миру людей. Ты не принадлежишь себе, тебя сковывают обстоятельства, ты идёшь супротив своей совести, попирая божеский и человеческий закон. Теряются все смыслы бытия. Это ли не есть обречённость – самая страшная неволя?! И тогда «видишь над собой чёрное небо и ослепительно сияющий чёрный диск солнца».

Когда на излёте Советской власти журнал «Дон» удостоился ордена Дружбы народов, то озаботились, а куда, собственно, крепить награду? Потребовалось занять Красное знамя редакции. И вот оно: есть – как есть! Хранимое. Есть знамя – живёт полк, дивизия... Жив и журнал «Дон».

Много чего случилось после – эпоха перемен всё длится, длится... Подлинная литература теперь не в чести, и «Дон» издаётся который год без копейки со стороны, но так, вероятно, угодно провидению.

Журнал «Дон» – это краснознамённый крест, и нести его тяжело, но честнее – без властей предержащих да осознанных членов-писателей. Зато мы, повторяю, вольные люди! Только шашка да Господь Бог помогали казаку, а в нашем случае это талантливые произведения, поверенные святыми образами русской литературной классики, в числе которых Шолохов и Чехов – близкие нам по месту рождения и характеру творчества писатели.

Знамя журнала – красный бархат, золото букв... И разве тут обойтись без чеканных строк печатавшегося в нашем журнале современного навсегда поэта: «шелест страниц, как шелест знамён...»

Красные буквы названия «Дон» на белом поле обложки словно несут на себе начертанное пушкинской рукой слово – «Донъ». Символ и смысл нашего издания. Литература современного письма от древа русской классики единственная,

пожалуй, способна одаривать общностью разных мировосприятий, пробуждать чувства добрые. Своё предназначение редакция журнала «Дон» видит в соединении двух веков отечественной литературы на родине Чехова и Шолохова.

Россия – страна рек. Славных, любимых в народе, воспетых им. Но только один наш край, образуя ранее Всевеликое Войско Донское, а ныне – Ростовскую область, зовётся именем реки – Дон! Знаменитая река, правда, течёт и в других местах, но словом «Дон» обозначается лишь узаконенная временем земля. Причиной тому – значимость Донщины для державной судьбы.

Дон... Это слово сродни удару колокола. Оно собирало и собирает людей, возвышает душу. Печать Войска на Дону имела по кругу надпись «Елень поражён стрелою» и изображённого в центре красавца еленя, обитавшего прежде в наших местах. Уже в казачьей эмиграции елень со стрелой преобразился, совершая прыжок через терновый венец. Вот так и наш земляк писатель Михаил Шолохов нашёл в себе силы, чтобы прорваться, докричаться до читательских сердец! Да и сама русская литература пробивается ныне к читателю схожим путём.

Невообразимая крутизна Лебяжьего яра возле Вёшенской открывает дальние дали. А донское стремя тотчас уносит мысли вниз по течению, чтобы увидеть и невидимое здесь – хутора, станицы до самого Ростова, далее – лукоморье Азовья, венчаемое чеховским Таганрогом... Оттуда представляются Чёрное, иные моря-океаны.

Русская словесность – чем не Мировой океан! В 1925 году с лёгкой руки Александра Фадеева наудалую пустился в плавание по его волнам литературный корабль-журнал. Вначале назывался «Лава», потом – «На подъёме», «Литературный Ростов», а вот уже более семидесяти лет – наречённый Шолоховым – «Дон». Неизбежные в пути бури и мели подстерегают его – он же под красно-белым с пушкинским автографом-флагом на обложке идёт себе и идёт.

Поверять своё творчество русской и советской классикой. Иногда даже просто пройти взглядом по книжным корешкам с именами наших великих предшественников. И в кото-

Окуляр

рый раз сказать себе: поле русской литературы – наше Куликово поле. Надобно устоять в Слове, не растерять обретенное, а добыть насущное в литературных трудах во имя Отечества. И опять же – за Волгой ли, за Доном для нас земли нет! Русская национальная, державная, православная идея более всего выражена в лучших образцах русской литературы.

... Когда молюсь у Донской иконы Божией Матери в Ростовском соборе, то в самой её надписи невольно считываю название журнала «Дон». Её святая сила помогала не раз. Верую, что так случится и впредь!

Что душе полезно

* * *

Определён в своих пристрастиях русский поэт из Минска **Анатолий Аврутин** (цикл «И стоял человек у дороги»), чья душа изранена распадом общего. И эту рану уже не зарубцевать, как не избыть мучительных страданий всё понимающего сердца.

Стихи Аврутина возвышают душу, дают смысл земному бытованию. Название его подборки «Везде жива, везде неуловима» отзывается, например, в таких отсылающих к Тютчеву строках:

*Когда бредёшь в раздумчивой тиши,
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше – ни души,
Но всё душа, но всё душа при этом.*

Другую подборку стихов «Восстань над бездной» отличает гражданственность в сплаве с лирикой. Прошлое прорастает в настоящее. Во весь голос звучит тема славянства.

Щемящая нота пронизывает стихотворный цикл «Скрепенье любви и печали». Поэту крайне важно высказаться

Эти мои заметки на полях журнала «Дон» есть, по сути, своеобразный дневник редактора. Выделяю душеполезное чтение, отмечаю близких моему сердцу авторов. Тех, кого люблю и кем дорожу, кому журнал «Дон» стал своим изданием. Отмеченные авторы для простоты чтения располагаются в алфавитном порядке.

о сокровенном, и он находит самые точные строки тому, что всё-таки неназываемо и может быть уловлено лишь сострадательным сердцем. Так выражается невыразимое, что, собственно говоря, и составляет сущность поэзии.

Стихотворный свод «О любви – с любовью говорить...». Чувство Родины, лирический строй, афористичность. Анатолий Аврутин отмечает то, что ведомо лишь поэту. Образно передаёт малые подробности, а они в свою очередь создают целостную картину

* * *

«Меж почвой и сферой небес» – стихотворная подборка **Владимира Алейникова**, чья поэтическая Муза прописана на коктебельском берегу. Журнал «Дон» причисляет Владимира Алейникова к кругу своих авторов и гордится этим. Именно благодаря ему был создан известный СМОГ. Ныне, как и всегда, его творчество вызывает живейший интерес у знатоков поэзии. Следование классике и стремление к современному звучанию стиха – вот что движет поэтом. Редакция этой публикацией отметила славную дату Владимира Дмитриевича.

Только представляемые стихи никак не подпадают под «юбилейную обязательку». Это высокое напряжение чувств подлинной русской поэзии.

*Никогда не терял я дыханья,
Даже в гибельной яви былой, –
Поруганье? – о, нет! – полыханье
Веры, выжившей там, под золой...*

Под подборкой «Сохраняют деревья силы» указано «Москва – Коктебель», что в определённой степени означает привязку к месту поэтического действия. Тогда как само время отточённостью строф свободно для перемещения.

Удивительно, но в читательском восприятии поэтический взлёт 60-80 годов прошлого века означен теми именами, что

и сейчас на слуху. Они широко печатались, хотя представлялись гонимыми. И в то же время существовала иная литература, не менее талантливая, но известная узкому кругу. Здесь, конечно, должен быть упомянут СМОГ, где сошлись те, кто безоглядно жил поэзией, оплачивая слово судьбой.

Владимир Алейников зачинал этот Союз, лучше, чем кто-либо другой, знает всё доподлинно о его участниках. Он автор объёмных и уникальных в своём роде воспоминаний. Например, его эссе «И свеча твоя – не погасла...» о Леоиде Губанове (1946-1983), которого Владимир Дмитриевич причислил к людям с трагической судьбой, подчеркнув: «Но зато это русские люди с небывалой силой духа и по-настоящему талантливые».

Сам поэт Владимир Алейников, хотя вроде бы считается москвичом, однако, значительную часть времени проживает в Коктебеле, где его дом и творческая мастерская, ведь он ещё и оригинальный художник.

Главное же – поэтическое творчество Владимира Алейникова пронизано крымскими мотивами, чему подтверждение его стихи из цикла «Славянский корень».

Стихи Владимира Алейникова объединены в некий свод под символическим названием «Встать под русской звездой».

*И негде, пожалуй, коней напоить
Безумцам, что жаждут упорно
Громаду страны на куски раскроить
И распрей раскалить горны.*

Это строки не ура-патриотизм, это глубинное, из-под самого сердца. Собственно, как и всё, что пишет Алейников, пожалуй, сегодня один из значительных поэтов, чья преданность слову поразительна и достойна всяческого уважения.

В поэтической подборке «Счастье родного берега» строфы чередуются, точно валы Чёрного моря под киммерийским ветром.

* * *

Под рубрикой «Минувшее объемлет» публикуются записки **Льва Аннинского** «Репортаж со скаткой на шее». Однако это не литературная критика, а дневниковый жанр. Читатель переносится в пору студенчества автора (лето 1955 года), когда того призывают на военные сборы. Почти все наши значительные писатели не обошли в творчестве свою молодость, и Лев Александрович здесь не исключение. Интерес представляет и появление в тексте знакомых имён тех, с кем знался уже в ту пору Лёска Иванов – Палиевский, Байгушев...

Деятельное присутствие Льва Аннинского в русской литературе повлияло и влияет на её развитие. Многочисленные работы критика интересны и значительны. Но мало кто знает, что в творческом багаже писателя есть объёмный труд «Ветви», чья уникальность несомненна.

Лев Александрович создал, кажется, художественную по уровню мемуаристику. Скажем, в отличие от документальной. Примечательно, что именно в журнале «Дон» под рубрикой «Минувшее объемлет» даются дневниковые записки 1955 года «Полонины Карпат», ведь Тихий Дон и Ростов-город кровно близки автору.

Талант студента-филолога Льва (Лёски) Аннинского очевиден: 60 лет минуло, а текст читается на одном дыхании. Редакция остановила свой выбор именно на этом отрывке, поскольку в нём воскрешается большая страна, где жилось и думалось по-другому.

* * *

Иркутская обл., Усть-Кутский р-н, п. Казарки – место жительства **Андрея Антипина**, пожалуй, на сегодня одного из лучших молодых прозаиков. Рассказы «Теплоход «Благовещенск», «Смола» и повесть «Плакали чайки» невольно заставляют вспомнить Валентина Григорьевича Распутина. Речь не о влиянии знаменитого писателя-земляка. Просто действующие в антипинских произведениях персонажи род-

нятся по духу с распутинскими героями. Это так называемые простые люди, а на самом деле соль земли сибирской, земли русской. Андрей Антипин живёт среди таких людей, пишет талантливо, со знанием дела о них, и его проза куда как далека от манерных текстов иных продвинутых авторов. Зато близка другому авторитетному писателю-сибиряку Михаилу Тарковскому, также автору журнала «Дон».

* * *

Хотелось бы обратить внимание на **Владимира Антипова** из шолоховских Вёшек. Этого молодого автора самолично выделил на творческой встрече с читателями журнала «Дон» в рамках праздника «Шолоховская весна», и я же составил его стихотворную подборку «Небесная степь». Приведу стихотворение «Снегири»:

*Из прохудившегося звёздного ковша,
Насквозь простреленного лучиком зари,
Туман парным прольётся молоком.*

*И пресной этой свежестью дыша,
В багряно-серых распашонках снегири
На пальчиках рябин снуют за окном.*

*И клювом чуя приближение зимы,
С её колючею щетиною мороз,
Нафыркавшись, кучкуются они.*

*Пыхтящих труб столбёные дымы
Дают весьма неутешительный прогноз
Пернатым «щебечам» на будущие дни.*

* * *

Сергей Арутюнов, служа в армии, бывал в Ростове-на-Дону и, проходя мимо редакции журнала «Дон», возможно, представлял свою публикацию на его страницах. И вот она – «Вечно трава зелена»! Слог резкий, душа кровоточит:

*Враньё, что за юность вторую отдашь
Последнее, лишь бы не дать слабину.
Те годы изгадил нам Ельцин-алкаш,
От этой вины не отмываться ему.
... И пахли рассветы сплошной тошнотой,
Бесились уродцы в своём Эн-Ти-Ви,
А мы по грязи в Гудермес и Шатой,
А нам – первопутков дожди-октябри.*

Крайне трудно цитировать строчки Сергея Арутюнова из его подборки «То, что всегда с тобой», так они сцеплены и выборочно не дают должного представления о поэтической наполненности того или иного стихотворения. Образ вытекает из образа, задуманное автором прослеживается от первой и до последней строфы. Вот пример стихотворения целиком:

*Я некогда пространство понимал,
Как сбор простых трудяг, жестоких пьяниц,
Чиновничества, чей надменный глянец
Выковывал бессмертья номинал.
Я чтил фасадов пепельный акрил
Нагую копоть лёгочных артерий,
И облаков сияющий иттербий,
И как с людьми, с домами говорил.
... Лишь в детстве так бывает высоко
Обязанность воспринимать явление,
И жизнь саму, как лежбище тюленьё,
И взрослость, как утрату языка.*

* * *

«Высокая воля гор» – стихотворная подборка **Магомеда Ахмедова** в переводе с аварского Нины Орловой-Маркграф. Это горская поэзия, есть, пожалуй, такой жанр, и, конечно, здесь первым упоминается Расул Гамзатов. Магомед Ахмедов по праву признан в Дагестане его продолжателем.

*Воздух пахнет снегом или кровью?
Я не то что жить – дышать устал.
Вырастают новые надгробья,
не снимает траур Дагестан.*

Магомед Ахмедов уже в переводе с аварского Ивана Голубничего своей подборкой «Розы слов непостижимых» обращается к утвердившемуся в поэзии такому жанру как персидские стихи. Естественен эпиграф из Сергея Есенина: «Я спросил сегодня у менялы...». Открытость чувств западает в сердце.

*О, музыка страсти! Твой бешеный ритм
Рождает в сознании чувств лабиринт,
Где вбиты гвоздями по стенам его
Терпенье и слёзы, и много всего...*

* * *

В разделе публикации помещены стихи **Ирины Баранчиковой** (1954-1996) «И млечная спустилась нить». Это дань памяти ростовской поэтессе, чьи корни в орловской земле. Один из сборников Ирины назывался «От света до света», и не уместилась ли в этом вся обидно короткая жизнь её.

Под окнами дома растут две рябины, напоминая Орловщину. Ирина любила, жалела эти деревья, была им старшей сестрой. Осыплется майский цвет, а к осени покраснеют горькие ягоды, напомнив строки об Ирине-рябине, которые были написаны ею задолго до кончины и оказались пророческими:

*Обожгусь до смерти – алым соком
До мороза вызревших рябин.
Непрощённое – прощу до срока,
Не дождавшись возраста седин.*

* * *

Пётр Вегин, сам в недавнем прошлом ростовчанин, но уже известный московский автор писал в 1981 году:

«Есть поэты, которые набирают обороты постепенно и только с годами дают сильный свет. **Юрий Беликов** относится к другой, менее распространённой категории поэтов, в нём от природы сильный свет, от рождения. Порою он ярче, чем нужно, и светит даже в яркие дни... Стихами Беликова движут Любовь и жажда Справедливости – в масштабе Человечества, никак не меньше. Самое главное – он хочет помочь своей земле».

Публикация стихов пермского поэта Юрия Беликова – восстановление справедливости, спустя более чем 30 лет. Тогда напутствие Петра Вегина не открыло путь молодому автору на страницы журнала «Дон». Но лучше поздно... Печатаемая подборка «Ранний выплеск лавы» как оттиск давнего времени, редакция намерена была далее представить и представила новые стихи Юрия Беликова, чьё авторское послесловие – это благодарный поклон литературного крестника Петру Вегину.

*Идёт морозными лесами
волк с человеческими глазами...*

*И кто-то бродит городами
с нечеловечьими глазами...*

*И с человеческими глазами
так страшно волку меж волками,
а человеку – между тех,
что всё ещё людьми зовутся,
и всё ещё над тем смеются,
что он уже не человек.*

Последняя строка не переклик ли с теперь уже хрестоматийным, но более поздним выдохом Владимира Соколова: «И не надо мне прав человека, / Я давно уже не человек»...

Стихотворный цикл Беликова «Одна шестая» – конечно, это образ размаха наших земель. И поэт не иначе как только под таким углом зрения видит окружающий мир.

*Я представил, что Россия, как гармонь со мной взята,
я услышал сквозь мехов свистящий вздох,
как бегут по-на две стороны Уральского хребта
запыхавшиеся пальцы поездов.*

«Между твердью и зыбью» (название подборки) пребывает Юрий Беликов, собственно, как и положено поэту. И даже юбилей, а редакция «Дона» поздравила Юрия Александровича и пожелала, не смог вывести его из этого творческого состояния. Напряжение строк, поразительные сопоставления, соединённость, казалось бы, несоединимого – всё это беликовский почерк, узнаваемый и всегда неожиданный. Поэт с полным правом выносит вердикт самому себе:

*Кто же мне отныне сват и кум?
Может, окаянный Аввакум,
гиблый ли Высоцкий – я не знаю,
знаю лишь: коль я не так живу,
тотчас прибегаю к мастерству,
но ведь есть же дни: не прибегаю!*

* * *

Игорь Белкин-Ханадеев строит свой рассказ «В васьмовых даях» как бытописание сельской жизни, однако жестокие реалии ставят свои условия. Наглая сила, подлость стремятся верховодить... Против выступает только один из всех. И он должен победить!

Повесть «Петли для рябчиков» о распаде личности, когда рвутся родственные связи и низменные цели выходят на пер-

вый план. Греховность проступка ничем не оправдать. Особенно страдают юные души, отчаяние и невозможность жить по совести толкают их на гибельный путь.

* * *

Зачин номера – горячие строки новосибирца **Владимира Берязева** из его подборки «Пламя в горсти»:

*Хромая свобода
кричит в инвалидной коляске
кровавое «Геть!»,
во славу народа
срывая посмертные маски,
сквозь траура медь...*

Поэт уверен в незыблемости неба, «где Божии звёзды на тверди любовью – равны...», но для этого требуется – и он готов выйти «на труд и на битву»:

*...по благословенью лишь,
к Сергию став на молитву,
дружиной – не врозь...*

* * *

Камертоном журнального выпуска вполне может стать вынесенный для своеобразной писательской галереи на оборот обложки портрет «громокипящего» Игоря Северянина. Никакой у поэта круглой даты, только привязка к персональному «собранью критических замет» **Владимира Бондаренко** под названием «Потому что я с севера, что ли...», а это многое объясняет. Содержащееся там эссе подаёт по-новому ныне недооценённого поэта, символично и признание самого критика в интервью «Горжусь тем, что я – северянин!», где он не итожит прожитое, а ставит вешки на пути вперёд.

Однако ничего нет случайного, и юбилейная дата подоспела, правда, у самого Владимира Григорьевича. О значимости Бондаренко для русской литературы и о том, кем его считают читатели, верно сказано в представлении критика.

Публикуемый свод разнообразен тематически: это и рассуждения с широким обобщением о новом романе Юрия Полякова «Любовь в эпоху перемен», и обращение к русской памяти Крыма, где Коктебель и сейчас продолжает писать свою творческую историю.

* * *

Повесть **Марии Бородиной** «Лесной город» – этаким Чехов сегодня, вещь современная, неспешное поначалу повествование приобретает трагическое звучание. Вместе с автором читатель задаётся извечным вопросом, для чего живём?

В своё время Лев Аннинский открыл и отметил прозу Марии Бородиной, присоветовал этого автора журналу «Дон». С лёгкой руки маститого критика она регулярно печатается на «донских» страницах. Её повести образовали некий свод. Разнясь героями и сюжетно, они схожи в авторском желании показать реальность такой, какова она есть. Новая повесть называется «Лестница со сломанными ступенями».

Действие семейной саги, а это повесть «Поезд вне расписания», происходит в Москве и в Нижнем Новгороде. На фоне современных реалий двух городов разворачиваются события личного плана, но как же они порой внутренне напряжены и даже драматичны! На ум приходит Чехов, его пьесы. Следишь за рассуждениями героев с неменьшим интересом, чем за их поступками. Увлекает описание характеров, психологизм, неожиданные повороты сюжета... Как раз всё то, о чём писал Лев Аннинский, представляя одну из книг Марии Бородиной.

* * *

Нет нужды аттестовать известного прозаика **Андрея Воронцова** (Симеиз) – именно такова в данном случае географическая привязка этого столичного автора. Он ещё в прежние время обосновался на полуострове и, живя на два дома, творчески связан как с Крымом, так и с его писательским сообществом.

Цикл «Крымские рассказы» читается на одном дыхании. Андрей Воронцов верен своей реалистической манере письма, а сюжетное построение держит читателя в напряжении до последней фразы. Заметки из его писательского блокнота это уже для истории. Например, зарисовка с натуры «Ночь, паром, Крым» о радости и чуде обретения, казалось бы, потерянной русской земли.

Андрей Воронцов в романе «Корабль в пустоте» предстаёт в новом качестве, интригуя читателя на всём протяжении произведения. Свойства времени и пространства – вот, пожалуй, главная тема романа. Герои вроде бы живут в реальном мире, но не всё так просто. Порой кажется, и сам автор рядом с ними, тем более, что повествование ведётся от первого лица.

* * *

Молодой автор **Виталий Винтер** (Германия) в новелле «Иваныч» рисует образ реального человека из посёлка под Горловкой. Это он соорудил самодельный памятник в память о погибших из военного металла... И остался один на всей улице.

«– Возвращайтесь, ребята... Возвращайтесь, – уже нам в спину тихо сказал дед.

И отчего-то наши рюкзаки внезапно стали ещё тяжелее. Мы, молча и не торопясь, внимательно глядя себе под ноги, шли к позициям... Дед стоял возле заросшей травой дороги. У разбитого дома. Сам. Один. И смотрел нам вслед. Помочь ему было совершенно нечем. Был пятый день сентября и четвёртый год войны».

* * *

Повесть **Сергея Германа** «Контракт» написана от первого лица, а в конце под текстом указано Пятигорск – Грозный – Бонн. Кажется, ещё никто не писал с такой достоверностью о происходившем в Чечне. Повесть о многом, но более всего об узах товарищества, если вспомнить гоголевскую аксиому.

И как же горек неразрешимый вопрос героя повести!

«Ровно через месяц мне пришло письмо, что ребята подорвались на фугасе.

Вот и всё.

С тех пор я часто задаю себе вопрос: зачем?

Ни тогда, ни сейчас я не могу на него ответить».

И так же мучителен своей безысходностью «Эпилог» повествования!

«...все мои сны одинаково бесконечны и страшнее яви. Потому что в них я вижу лица людей, навсегда оставленных там. Серое чеченское небо, липкую рыжую грязь и кровь.

Я ненавижу свои руки, себя, всех тех, допустивших возможность убивать безнаказанно. Я хочу вырваться из кровавого человеческого месива в беззвучную тишину, в тихие поля, в леса...

Но я знаю твёрдо, что уже никуда не вырвусь. Моё прошлое навсегда останется со мной... И я живу с подстреленной душой».

Сергей Герман проживает в Германии, но сам из России. Его повесть «Штрафная мразь» уже своим названием настраивает на определённую волну. Автор прибегает к практически неизвестному материалу по истории нашей армии в годы Великой Отечественной войны. Исковерканные судьбы предстают воочию.

Что говорить, тема непростая, долгое время была под запретом не только в литературе, а и вообще. Сейчас же к ней в основном обращаются те, кто желает сказать якобы правду о войне. Кто попадал в штрафбаты? Как погибали и выживали эти люди?

Герман также не обходит острые углы. Но его художественной правде и правде факта веришь. Жёсткая манера письма вполне объяснима предметом повествования. Да, в штрафные роты попадали и справедливо и случайно, достаточно сказать, что по приказу Верховного туда шли сами заключённые прямо из лагерей. Все они только кровью или смертью могли искупить свою вину, подчас невольную.

Штрафники для кого-то были «мразью», а на самом деле это те же советские люди, пусть и клеймёные, которые наравне с другими сражались за Родину. Немцы страшились их как огня. Автор, сам в прошлом офицер Советской Армии, детально описывает батальные сцены, фронтовой быт, показывает боевое братство... Сергей Герман, пожалуй, один из достойных представителей генерации современных писателей, пишущих о Великой войне со времён «лейтенантской» и «солдатской» прозы.

* * *

Биография **Елены Грозовской** прочитывается в её стихотворной подборке «Полынь-лебедя», под которой указано «Москва-Женева-Москва».

*Я просила торговца женевого:
– Дай мне каплю московских дождей,
Мамин профиль за занавескою,
Да скамью у «хрущёвки» моей.*

Такое не придумать, а можно только прожить, точнее – выстрадать. Рассказ же «Дождь» этого автора о хрупкости нашего мира, о том, как приходит понимание смысла жизни.

* * *

Валерий Дударев, как всегда, остро восприимчив к реалиям, рисует мир резкими мазками, но именно это обжигает читательскую душу, заставляет сопереживать.

*Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести –
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.*

Поэт проецирует движение своей души на внешний мир:

*В последней надежде
душа встрепенётся
И вспомнит...
Не знаю о ком.
И что-то простится,
и кто-то вернётся,
А кто-то помашет платком*

Болевые строки о личном есть одновременно и о каждом из нас, переживших страшную трагедию – распад великой Родины. Но здесь не просто сожаление, а горечь поминания своего отца-фронтовика наравне с разрушенным государством.

*Сгорают звёзды, люди, царства...
Испепеляющий конец! –
И нет на свете государства,
В котором умер мой отец.
И словно он в сороковые
И не выигрывал войну –
Так быстро справили живые
Себе отдельную страну*

* * *

Действие романа воронежца **Ивана Евсеенко** «Разрыв» происходит то в сегодняшней России, то на Украине, что, разумеется, и автор, и редакции не приурочивали «к моменту». Просто Евсеенко есть Евсеенко, и в его русской прозе почти всегда сказываются черниговские корни, что, кстати, идёт ей только на пользу. Романное полотно даёт возможность пока-

зать характеры персонажей в развитии. Казалось бы, простая житейская ситуация оборачивается острой коллизией... Всё это двигает повествование, держит читателя в напряжении.

Описываемые в романе события происходят в основном на Украине. На той ещё Украине. И сегодня проза Евсеенко странным образом приобретает иное звучание, напрямую соотносится с последними событиями. Вот его герой Алексей предаётся провидческим размышлениям: «...потому-то и рушится, потому-то и идёт на разрыв вся наша многострадальная страна, держава, что повсеместно рушатся семьи, рвётся связующая их нить и с настоящим, текущим временем, и с прошлым, прошедшим, и совсем порвётся с будущим. И никого тут, кроме нас самих винить нельзя!». И он донельзя огорчён, что «все его восторженные мысли о единении, о взаимной непреходящей любви, рассыпались в прах и пепел. Всё разорвано в этом порочном мире, и концы разорванных нитей безвозвратно потеряны».

* * *

Поговаривают, что во время оно молодой Евтушенко, намереваясь попасть к Шолохову, оказался в Ростове и даже заглядывал в редакцию журнала «Дон», дескать, казаки, посодержите...

И вот на открытие номера поставлена подборка новых стихов **Евгения Евтушенко** «Не теряйте отчаянья» – такие слова услышала в трудную минуту Анна Ахматова и сохранила их на всю жизнь. Тем самым издание остаётся верным себе: любой автор судим только за свои творения. Слово – высшая художественная ценность, а прочее от лукавого. Время – высший судия. Но вещественные доказательства призваны собирать, в первую очередь, литературные журналы. К примеру, «Дон».

Обращает на себя внимание заглавное стихотворение Евгения Евтушенко «Пересолённый мост», над замыслом которого автор, по его собственному признанию, бился долгие полвека. Казалось бы, техническая деталь с его слов: «чтобы обогнать

время, в бетон добавляют соль – и он затвердевает скорее, но «пересолённый» мост быстро теряет прочность» – вырастает в обобщающий символ всего того, что обрекает самые благие замыслы на провал.

Поэт достигает максимума выразительности при минимуме средств. Это ли не новый Евтушенко? Вот стихотворение в четыре строки:

*На зубах у невзгод, вроде жёлудя,
я чуть хрупнул во время войны,
слыша стук, словно жалобу жёлоба,
двух последних картошек страны.*

* * *

Неприменно обратит на себя внимание читателей пронзительный рассказ **Валентины Ерофеевой** «Джо Дассен». Здесь тонкий психологизм, щемящая нота, невозвратность бытия... Всё в переклик творчеству знаменитого шансонье, чьим именем назван рассказ.

Уже казалось бы всё давно сказано-пересказано на извечные темы, ан нет, Валентина Ерофеева находит своё незаёмное слово, например, уже в стихотворной подборке «Соучастье счастья». Её строчки про ожидание вряд ли забыть:

*И разнося встревоженные волны
Угаснувшей в бессилье тишины.
Терпеньем ожиданье полно.
И миражи достоинства полны.*

* * *

Представлять прозаика **Николая Иванова** нет необходимости. Стоит лишь указать, что это давний автор журнала «Дон». На сей раз две его новеллы, где герои то криком кричат от боли, то каменеют в горе. Писатель показывает происходящее с обеих сторон границы России и Украины. Время

действия – одно, место действия и поступки героев – схожи. Но при этом какая огромная разница!.. Существенно, что повествуется про родные автору края, о чём свидетельствует пометка «Луганск – Брянск...».

Проза Николая Иванова подтверждается его судьбой. Отсюда поразительная достоверность, убеждённость и правота, незаметное глазу мастерство. Об этом и о многом другом размышляет Наталья Терёхина (г. Старица, Тверская область), анализируя особенности прозы Николая Иванова в публикации «Точка перед взрывом Вселенной».

* * *

Игорь Изборцев предпослал своему рассказу «Свадьба» в качестве эпиграфа высказывание преподобного Нестора Летописца: «Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов; по Божию повелению принимаем наказание за грехи наши», а также слова святителя Тихона Задонского: «Что тебе во всём мире, когда душа погибает?». И если герой неспешного повествования мучительно размышляет, кто он и зачем есть в этом мире, то современные реалии второго рассказа «Огуречный тракт» побуждают к действию, так называемых, обычных граждан.

«Пастушья сумка» – повесть Игоря Изборцева. Автор поначалу описывает, казалось бы, незатейливую жизнь, но затем делает фантазмагорический поворот, и читатель погружается в странный мир, не только соперживая, а и порой перевоплощаясь в того или иного героя. Только святая вера спасает человека, ведёт его к очищению, к Богу. Успех повести определяет как знание предмета, так и литературная искущённость прозаика.

* * *

Геннадий Калашникова – тонкая лирика, современное письмо, лица необщее выражение... Его подборка «Восходят наши души» весьма удачно работает на генеральную линию журнала – отражать, выразить злобу дня не декларативно, а

по мере возможности художественностью текста. Первый же диптих «Азов» вроде бы весь на полутонах, притягивает густой образностью, но ведь в нём эхом откликается то, что извергает огонь и дым в ближнем – не чужом! – краю.

*Разлукою каждый мой день истолкован,
в упругих объятьях дерев и ветров
приметы прощанья, недаром с Азовом
щемяще и тяжело рифмуется зов.*

*И красный закат загорится и канет,
и горькое мне утешенье дано,
что в чёрных и скорбных созвездьях над нами
высокое, нежное небо одно.*

* * *

Диана Кан считает себя ученицей Юрия Кузнецова, по-своему продолжает его русский путь. Новые стихи волжской и оренбургской поэтессы «Раскалённая калина» составили выпуск «Книги в журнале».

*Сладкими восславленная снами,
Проклятая трижды наяву,
Полыхнёт – о, если б куполами! –
Сторона, что отчиной зову.
Полыхнёт – от края и до края!
Кабы знать – рассвет ли то? Закат?
Угли ада или розы рая
В небесах над отчиной горят?*

«Подданная русских захолустий» Диана Кан верна себе в подборке «Високосная весна», когда настойчиво проводит мысль, что по важности вначале всегда должна быть Россия-матушка, собрание её земель, и уж только затем – столица, а никак не наоборот. И как упрёк, как остережение стольному граду:

*Край мой мятежный.
Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой далёкий от Первопрестольной.
Горем завейся – Москва не услышит.*

* * *

Неизменно точен в выборе слова **Виктор Кирюшин**, чья стихотворная подборка «Свобода крыла» обращает нас к совестливости творческого пути, сориентированного на непрерываемость русской классики. Автор говорит простыми словами о простом, но умеет захватить читателя, и ты тогда до глубинного трепета ценишь мгновения, продлённые вечностью поэтического смысла.

*Ах, жизнь моя, полова да окалина,
Небесконечных дней веретено...
Вот деревце –
от века неприкаяно,
Вот я стою,
такой же, как оно.*

Но как же тревожен путь, когда даль русской истории прочитывается в одной связке с нашим днём!

*По всей степи кусты чертополоха,
Сойдёшь с коня – утонешь с головой.
Густеет тьма.
Кончается эпоха,
И колокол расколот вечевой.*

* * *

Под рубрикой «Станичные были» **Тамара Котова**, сама из станицы Платнировской (Краснодарский край), ведёт немудрящий рассказ про бабушку Ягодку, прозванную так «ещё в девках, может, за румяные, круглые, как смородина, щёки, а может, за прекрасное знание целебных ягод и трав...». Вроде бы, столько написано о сельских старухах в нашей литературе, но автор находит нечто иное – своё...

* * *

Владимир Кочерженко из села Лужное, что в тульских местах. Его имя ничего не говорит ни критикам, ни редакциям, ни Союзам. А ведь Михаил Александрович Шолохов в своё время заметил этого прозаика. И не потому ли потянулся он всё-таки к шолоховскому журналу «Дон»? Напечатаны три рассказа: «Каша в кармане», «Жмых» и «По «понятиям». Проза сегодняшнего времени, жёсткая, автор исследует бездну нравственного падения, когда сила обстоятельств корёжит человеческое существо. Есть ли спасительный выход к свету? Решать читателю.

* * *

Исторический очерк «Тень латинского креста» о католической экспансии на Нижней Волге астраханца **Сергея Кривоногова**. Впервые посланцы папы римского проникли на Русь одновременно с православной верой, перенятой от Византии. Во все времена монахам-католикам было свойственно активное вмешательство в местные политические дела и воинствующая пропаганда. При этом для достижения своих целей они использовали любые доступные им средства.

* * *

Первым лауреатом Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в 2011 году был назван **Владимир Крупин**. Его цикл рассказов «Вятский мёд» захватывает. Удивительная проза, крупинский с мудрой хитрецой язык и, конечно же, тот самый вятский дух! Да, он отличен от казачьего, но всё-таки сродни ему, недаром ли казаки-донцы по государевой службе обороняли землю вятскую да и коренились в оной – удалые с озорством кровя куда денешь? Приведём начало одного рассказа: «Когда Колумб открыл Америку, в ней уже было семь вятских плотников», или другого: «Самая худая избёнка у Авдея. Ограда у него, по его выражению, до Петрограда ветру рада, то есть нет никакой».

Диву даёшься, читая собрание эссе «Неутраченное время». До чего точно, от сердца – к сердцу!.. Есть редкий снимок, где Владимир Крупин рядом с Валентином Распутиным и Василием Беловым, чьи имена также появлялись на донских страницах.

Крупин есть Крупин даже при обычной интернет-переписке. Вот отрывок из его колоритного письма в редакцию «Дона»: «Да, ради улыбки: был в юных юношах, знал мало, но уже покуривал, курили «приму». И узнав новое слово, я думал, что примадонна – это не актриса, а сигареты «прима» донской табачной фабрики, марка такая, «Прима Дона». И там же в ответ на предложение главного редактора войти в состав редколлегии издания (Владимир Николаевич – давний автор «Дона»): «Служу России! Так я отвечаю на предложение войти в члены редколлегии Дона. Большая честь. Ура, аминь и аллилуйя! р. Божий Владимир Крупин». Что тут скажешь!

* * *

Молодой стихотворец из Брянска **Роман Кручинин**, судя по подборке «Очередь за солнцем», идёт от своей малой родины, счастлив ею, рад каждому не бесцельно прожитому дню.

*Я на пугало кепку надену –
пусть форсит, ну а сам – за дела...
Нет в руках моих злата и денег –
но хватает и сил и тепла.
На заборе пернатое знамя,
а сосед, чтоб слова разменять:
– Что аж светишься?
– Чёрт меня знает...
– Что темнишь-то?
– Бог знает меня.*

* * *

Присутствие **Марины Кудимовой** весьма ощутимо в современной поэзии. Она исповедует соединённость оригинального содержания с довольно резкой подчас формой стиха. Кудимовское стихоизложение узнаваемо – притягивает глаз, бережит душу. Поэт верен себе и в журнальной подборке «Неотцепляемый вагон», где говорит о своей неотделённости от оказавшихся рядом с ней в «мятежной очереди»:

*И – со всеобщим выраженьем –
Я обеспечена служеньем,
В круговорот вовлечена
И лишь отдельного изданья
За совокупное страданье,
За соучастье лишена.*

Марина Кудимова давно печатается в «Доне». Её стихотворный цикл «Соглашаюсь на однажды» поражает лирической наполненностью. Кажется, что всепоглощающее чувство способно заменить само наше существование в этом мире.

*И нанялся дождь воды натолочь,
И тьма на стекле гадала,
И время не шло, и сердце всю ночь
Взмывало и опадало.*

*И будто с цепи рвалось естество
Искать до изнеможенья
В знаменьях судьбы следы твоего
Преддверия, приближенья.*

Бытийная канва стихотворной подборки Марины Кудимовой «Свет святительный», как и всегда у этого поэта, выводит на философию, когда образность формулирует постулаты. Бессчётно написано о любви, о жизни, о смерти... Но здесь своё, незаёмное.

*Когда б любовь жила, как жизнь,
Не насовала бы пред нею.
Когда бы смерть любить могла,
Она б свои зарыла рвы.
И пусть любовь сильна как смерть,
А все же смерти не сильнее.
И пусть необратима жизнь,
Лишь ей завидуете вы.*

Всем известная как поэт Марина Кудимова вынесла на читательский суд свой рассказ «Помор, атог». Это проза высшего порядка, построенная на сопоставлении абсолютно разных женских сущностей. Безупречен язык повествования.

* * *

Необычен материал **Сергея Кулакова** «Государь убийц» под рубрикой «Злодейство». Это о существовании в XII веке таинственного ордена убийц, чьи действия почти 30 лет направлял беззаконник и еретик Хасан ибн Саббах, мечтавший о собственной величественной державе. Было противостояние всему мусульманскому миру, но Всевышний разрушил планы злодейской общины. Исторические параллели с ИГИЛ (запрещённая в России организация) так и просятся.

* * *

Своя горькая правда у **Лулы Куни**, грозненского автора. Она носит в себе осколок чеченской войны, отсюда не только непреходящая боль строк, но и желание видеть мир в свете добра. Родилась в Грозном, внучка известного богослова. Лула Куни выступает в рубрике «Книга в журнале», публикуя стихотворный свод «Лабиринты бытия».

Кажется, что свои поэтические тексты Лула Куни создаёт иначе, чем обычно пишутся стихи. Её «Осколок зеркала» отличаются протяжённое дыхание и мысльёмкость строки, пережитое прежде словно проживается здесь и сейчас – такова убеждённая автор в женском предназначении от Всевышнего.

* * *

Молодой прозаик из Минска **Эдуард Кухновец** только в начале творческого пути, но обладает замечательным чувством слова. Уместна цитата из его рассказа «Тайна» с описанием, как колет дрова дед Михась: «Обжигаясь об острую кору, колот он свистящим раскатом половины и четверти, и, окружив себя дровишками, лишь мыском отбивал их куда попало, расчищая место. Ветхая рубаха помрачнела. Живчик рокотал фиолетовой струёй под прядью. Вихляющая бугристыми болезнями спина угрожала развалиться на звенья вялых костяшек, и пришлось делать последний замах...».

* * *

Ростовский автор **Гарри Лебедев** верен простому слогу, его разговорный склад поэтической речи идёт от Некрасова и Твардовского. Причём интересно, что основой для стихов становится городская жизнь, хотя бы того же Ростова-на-Дону. Органично вписалась в подборку «Не застите друг друга света» небольшая сказовая поэма на северном материале «Прощание с Мологой».

Стечение обстоятельств, но в практикуемой на донских страницах «Книге в журнале» тема «воли-неволи» звучит в стихах недавно ушедшего из жизни ростовского поэта Гарри Лебедева. Вступительное слово о нём отсылает к истокам творчества этого самобытного автора.

*... враждебным кругом синие бушлаты,
охнарики зависли на губах.
Все ждут теперь оплаты иль отплаты
весомее, чем только на словах...
Я выступил, опять услышав ложь,
не поддержав напраслины на друга.
И, затаив под сердцем страха дрожь,
кружусь на месте в середине круга:
«... амбалистый... но рыхловат мужик...
до полу руки... челюсть не прикрыта...
но вес-то, вес – я рядом просто пишик!..
Да, правда милая, опять ты будешь бита...».*

* * *

Светлана Леонтьева, поэт из Нижнего Новгорода, признаёт себя составной частью прошлого и настоящего с загадом на будущее. И если она в своей стихотворной подборке «Вскипают глаголы» пишет о родном городе с горечью и болью, то эти чувства переходят к каждому, кого тревожит судьба Отечества.

*Горький – город многолицый.
– Горький, отчего вам горько?
Буревестник – просто образ,
просто серенькая птица...
Остановка. Вышла. Где я?
Нижний Новгород на карте!
Ветер. Бомж в вокзальной тоге.*

*Там, где высь, не нужно зренья,
воздух спутанный, прогорклый,
разговаривает с Богом
Горький!..*

Запоминается строка «Восхожу Ярославной до плача» Исповедальная откровенность, когда «всю вечность я перелила в память мига» и «темноту освещаю собою, как светом!». Осознание себя средоточием, казалось бы, неразрешимых вопросов исторического и современного бытия Отечества. Не уход в сторону, но желание на примере личной судьбы честно и до конца во всём разобраться, «дойти до самой сути».

*Живущим нам на земле, где заря
сусальным золотом в небе, монистом.
Мы – русские. Здесь расстреляли царя.
А я так, признаюсь, дочь коммуниста.
А я так, признаюсь, из тех, кто «за» –
за Сталина кто, и из тех, кто «против».
Моё назначение – перевязать
Руси вещей раны, её рваной плоти.*

Стихотворная подборка «Расшитый лён» в очередной раз доказывает, что в лице Светланы Леонтьевой мы имеем незаурядного поэта. Женское начало не ограничивает диапазон словесного воздействия, а, наоборот, расширяет его. Пожалуй, Светлана Леонтьева и есть одна из тех редких ныне продолжательниц русской школы «От Каролины до Марины», означенных именами Каролины Павловой и Марины Цветаевой, ну и далее – другими достойными именами товарок по поэтической судьбе.

*Под нулёвочку, под линейчку я острижена через край,
у юродивого я копеечку попрошу: «Ну-ка дай мне, дай!»
У воробышка цвета серого, неприметности, дней пустых,
темноты я у света белого попрошу, чтобы враз – под дых!
Позаимствую цвета рыжего у луны в лебеде, череде,
у распятого, у обиженного этих ржавых в крови гвоздей!*

* * *

Под рубрикой «Казачья сумка» помещён взволнованный рассказ питерского автора **Татьяны Лестевой** о своём предке, погибшем на Первой мировой войне. Сам материал подкреплён старинной фотографией офицеров 14 Донского казачьего полка, где служил Михаил Николаевич Лестев. Эту фотографию он прислал на Дон своей матери из уездного города Бендина Петроковской губернии (ныне Польша).

Татьяна Лестева, сопоставляя творчество поэтов «страшных лет России», в статье «Имя забытой страны» говорит не только о «беде свободы», по словам Николая Туроверова, но и делает вывод: «они были верны своим идеалам и пронесли через всю жизнь верность России».

* * *

Удивительным образом из самотёка, если не Божьей волей, на страницах «Дона» появился цикл рассказов «Звонница» **о. Алексия (Лисняка)** из воронежского села Орлово, где он служит в храме. Это талантливая проза, которая не только увлекает, но и наперекор суетности обыденного мира заставляет думать о душе. Невольно поминается Василий Шукшин.

Написанное проникнуто чувством единения с ближними, желанием показать чудо жизни на своей земле. Рассказ «Сущие во гробех», как явствует из названия, вроде бы касается нерадостной темы, но, смотрите, к какому итогу приходит автор: «...А под мостом-то, глянь-ка, верба пушится! Много вербы! Вода несёт последнюю льдину, и облака плывут рядом с ней. Вскоре над Русью снова воскреснет Христос, и заиграет всем великая радость! И им – сущим во гробех, и нам. И всем людям. Всем-всем! Весна идёт...».

* * *

Статья-реквием **Наталии Лосевой** «Принципиально провинциальный». Критик из Твери повествует о судьбе романа Юрия Красавина «Письмена». Журнал «Дон» имел отношение и к этому произведению, и к самому писателю. Автор делает вывод:

«Провинциальный писатель – это судьба, диагноз или несмыслимое пятно? Красавин не был создан для суеты вокруг издательств, он не мог приспособиться к новому времени... Красавин был создан для вдумчивого труда, для титанической работы над словом, а не для предприимчивых ходов и суеты вокруг премиального стола.

Мои земляки признательны журналу «Дон», что он один мог разглядеть в огромном вале печатных листов божью искру таланта. И не только разглядел, но и рискнул поместить роман в пяти номерах... Поддержка подлинного писателя, писателя трагической судьбы Юрия Васильевича Красавина, числимого критикой по ведомству провинциальных авторов, это ли не поступок? И его зачтёт русская литература».

* * *

Внешне равновесная муза **Бориса Лукина** пронизана щемящей нотой утраты. Но автор находит в себе силы к жизни. В его стихотворной подборке «Не тени, не отголоски» есть личного свойства строки, которым сопереживаешь.

*Женщина моя отошла ко Господу,
зимнюю реку посуху перейдя.
Не успокоюсь, снова прочтя в Апостоле,
что жена – слава мужа, добродетели
нагу цена – медяк.
Посему жена и теперь спасает мужа?
Палочка-выручалочка что ли в раю она?
Это плането-тени вокруг Бога кружат?
Звёздочкой малой ты ли глядишь с окна?*

* * *

О зарождении одной любви на всю жизнь рассказ **Юрия Лунина** «Прудка». Бывает ли такое? Кто знает... Но автор выстраивает весь сюжет таким образом, что хочется верить и ему, и его героям Свете и Денису, кажется, счастливо нашедшим друг друга.

* * *

Современное письмо **Натальи Лясковской** ветвится от древа русского стиха или даже славянской традиции в целом. Впитавшая культуры родственных народов, она органична в своём стремлении к горным, божественным сферам. Молитвенно звучат строки:

*А мы всё стремимся с бессмертием слиться...
о, жизнь моя птица, упрямая птица,
не рухни же,
Русская Рух!*

Вызывает интерес обращение Натальи Лясковской к русской истории «Соловецкое сидение». Ростки раскола появились в монастыре на Соловках в 1636 году, а затем обитель противостояла властям. Однако причины у соловецкого бунта были не только религиозного, но и экономического, и политического характера, делает вывод автор.

* * *

Предметна и темпераментна поэзия **Александра Макарова-Век**.

*На лапах
выгнутых и медных,
бока тяжёлые раздув,
дышащий жаром сил*

*несметных,
стоит он,
запрокинув клюв!*

Это о самоваре. Ярко, образно, запоминается необычное сравнение.

* * *

19 лет **Марине Марьяшиной** из городка Заводоуковска Тюменской области. Она учится в Литинституте имени Горького, и её стихи рекомендовал редакции доцент кафедры литературного мастерства Литинститута Сергей Арутюнов, сам автор «Дона». Подборка «Обретение начала».

*Молодые блёкли, кукожились старики,
Устремлялась вода, и рыба на ней спала.
И никто не ходил за город и вброд реки,
И катилось холодное солнце на край села...*

В последней строке неожиданно возникает переключ с шолоховским солнцем из «Тихого Дона». Случайно ли, намеренно? Но – органично.

* * *

Прозаик **Игорь Михайлов** выделяется среди современных авторов и манерой письма, и непременным тщанием при обрисовке характеров, и тонким лиризмом. Он поэтичен, привержен словесному минимализму и простору мыслей.

Вот смеркается над Тотьмой: «Всё разбито вдребезги истевающим, словно ненадёжная память, вечером. Истекающим временем. Тени глотают большими голодными кусками последние остатки этих воздушных, паутиных, парящих в небе, пауз и интервалов. Всё истончается до писка, как будто гармонист взял верхний регистр». Это цитата из цикла рассказов «Мост через время».

Писатель близок Чехову, и это высшая похвала. Близок не только по жанровой схожести, а рассказ его излюбленная форма, но и по проникновению в реальность. И словно продолжая классика, Михайлов отталкивается от факта, чтобы с помощью «фирменной» образности подвинуть читателя на обобщение и размышления. Эта творческая манера присуща в полной мере циклу из шести рассказов.

Лаконизм (чеховский опять же) между тем не мешает создавать такие полнокровные образы, как, например, Галка из одноимённого рассказа. Ещё молодая женщина до того затуркана обыденной жизнью в глубинке, что для неё попадание в Питер кажется чудом. И она по-детски радуется буквально всему увиденному. Галка сохранила свою светлую душу, рядом с ней самому хочется быть чище. И когда она внезапно погибает, то горю нет предела, хотя порой кажется, что так не бывает. Живая Галка видится среди нас...

Любит живописать заветные русские уголки Игорь Михайлов. На сей раз мы в рассказе «Варфоломеевское» чудесным образом перенесены вот куда: «Подхорошее – земля обетованная. Но, словно убоившаяся, что если и назовут хорошим, то сразу и сглазят, немного скромнее, скромнее: вроде, не так, чтобы, а под – Хорошее!».

Автор купается в стихии русского языка. У него прямо-таки гоголевская описательность: «Хорошо и просто в русской деревне. Не успел отдышаться, отряхнуть снег, а уже пьян. И всё идёт, бредёт, творится само собой, разумеется. А деревня в шапке-ушанке или пуховом платке по самую маковку, кто её теперь разберёт. Да и не надо. Только звезда Рождественская наверху, по-над крышами, будто гвоздём десяткой её наживили, прочно и навсегда». И так далее и тому подобное... Читать текст лучше целиком!

Пожалуй, к стихам в прозе можно отнести отдельные места в рассказах Игоря Михайлова «Фрунзик» и «Сильвана Пампанини». Особенным в этом смысле является первый из них. Вот где буйство чувств и красок! В русском селении Федяйково волей судеб живёт армянское семейство, и это они, «армяне – последние русские земледельцы и крестьяне», у которых «вра-

та без дверей, входи всякий, кому надо и не надо». И славно празднуется в кругу домочадцев и всех хороших людей день рождения хозяйки дома досточтимой Сильвы. Таким ладом, такой любовью друг к другу исполнено праздничное застолье, что попавший на него герой рассказа, которого «обволокла восточная сладость» знаменитого напитка, невольно подумал, «его предки, возможно, армяне». А ещё, оказывается, знаменитый актёр Фрунзик Мкртчян родня всем и почитаем всеми, он сама «любовь и доброта, растворённая во всех...».

* * *

Отмеченный по справедливости горьковской премией **Юрий Могутин** совестлив и честен. Новые стихи прежде всего присылает в редакцию ставшего ему родным по духу журнала «Дон», порой нуждаясь не только в публикации, но и в отклике. Мужество и достоинство отличают Юрия Николаевича. А ведь для него по своей немощи даже подготовить стихи к печати сложно. Как сам написал в редакцию, он «скорбен глазами». Стихи Могутина – поэзия высокой пробы, поэзия выстраданная.

*Не ломись в тюрьму, не целуй замки,
Не просись к теням на постой.
Бреши в душе терновым кустом заткни,
Родниковой залей водой.*

Суровая реальность тербит его душу, и тогда он возвышает голос, прибегает к обжигающей прямой речи. Юрий Могутин мужественно несёт свой крест русского поэта.

*Нет, я не Пушкин, и не Дельвиг
И не Собчак, чтоб горло драть.
Держава, дай немного денег
На хлеб и общую тетрадь.*

Стихи Юрия Могутина в подборке «Зримая красота», как всегда, на нерве. Автор мужественный человек, вот уже какой год борется с недугом, борется в том числе и своей поэзией. Строки не только прожиты, а оплачены душевными муками, когда надежды уже не остаётся...

*Спаси мя, Бог, уничижи,
Низринь и подыми,
Разжалуй в зэки и в бомжи,
В изгой меж людьми.
Лишь об одном мой слабый глас
Тревожит Божью высь:
– Дай силы мне молиться, Спас,
И Сам во мне молись.*

Но и не сострадать тем, кому сейчас по злому умыслу приходится хуже, чем кому-либо, русский поэт не может.

Мир вам, Донбасс увечный, Луганск калечный...

Эта стихотворная подборка Юрия Могутина озаглавлена «Осколок» и приурочена к 80-летию поэта. Его лирика автобиографична, но и выводит на мысли-обобщения. Жизнь человека – что она стоит в масштабе такой непредсказуемой страны, как наша, когда личность не хочет быть незначительной, а ищет благой цели и вечных истин? Тогда обычная троточка незрячего человека в стихах Юрия Могутина становится зрячим посохом.

*Святой Господи, гой еси!
Слышь, клюки слепцов будят сон Руси?
И моя стучит в земляной испод.
Достучусь ли я до Тебя, Господь?*

Исповедальная откровенность всегда отличала музу Юрия Могутина. Иначе как криком души не назвать следующие строки из его подборки «Гротеск»:

*О величайшая из Родин!
С божьом признаешь ли родство?
Лишь тот воистину свободен,
Кто не имеет ничего.*

* * *

Текст **Михаила Моргулиса** «Золотая нить» – рассказ о жизни волков. Дело не в том, о чём пишется, а в том, как пишется. Так вот, притча Михаила Моргулиса читается на одном дыхании. Ты осознаёшь чудо этого мира, где столько удивительного и захватывающего, хотя и говорится всего лишь о волке – нет, не всего лишь, а о брате твоём меньшем. Или о старшем?..

Совершенно по-иному строятся два других рассказа «Изабелла» и «Рыжий Чарли». Вот зачин: «С Чарли я познакомился в Чикагской тюрьме. Он сидел у зарешеченного окна, сцепив руки, и смотрел далеко, очень далеко, и видел там то, чего я разглядеть не мог». Третий рассказ «В баре Флориды» о том, как надо понимать и беречь друг друга.

Михаил Моргулис живёт далеко за океаном (Флорида, США), но по-хорошему пристрастен к нынешней русской литературе. Для себя выделяет прозаика Игоря Михайлова, о творчестве которого пишет с радостью открытия нового имени в мозаичном эссе «Полёт в глубину неба».

Евгений Евтушенко незадолго до своей кончины печатался в журнале «Дон» и был весьма рад этому, о чём и свидетельствует писатель Михаил Моргулис, хорошо знавший поэта и доставивший его прах на Родину. Реквием Михаила Моргулиса по Евгению Александровичу Евтушенко «Совесь – часть Бога».

* * *

Своеобразно пишет прозу **Марина Некрасова** (г. Сямэнь, Китай). Её рассказ «Куплеты не для органа» неспешен, с точностью отбора и прописыванием деталей. Поначалу манера письма вроде бы кажется «женской» – ан нет: далее она

ужесточается при описывании местных нравов одной деревни, когда туда приезжает девушка странного вида и образа поведения... Она не как все, и отсюда весь драматизм повествования.

* * *

Реально земная муза **Александра Нестругина** из воронежского села Петропавловка выводит читателя на традиционно знаковую для русской поэзии дорогу памяти. Смещение времён отдаётся болью, воочию виден «Пристрелянный век» – название подборки, когда враги всё ближе, ближе...

*Меж нами – лишь выстывший Дон
Да времени малая малость.
И я, хоть ещё не рождён,
В промёрзшую память вжимаюсь.
Ползу к своему рубежу
Позёмкой по мёрзлomu мелу.
И знаю я всё, что скажу, –
Ещё говорить не умея...*

«Дон течёт – в Дамаск». Метафоричность стихотворной подборки Александра Нестругина очевидна, и она фиксирует нашу связь с дальними пределами усложняющегося мира. Поэт из глубинки слышит гулы времени. Работая в традиционной манере и на земном материале, он, кстати, недооценённый высоколобой критикой, демонстрирует безграничность реализма русской поэзии.

*Речное слово да заречное...
Мальковый высверк. Вётел дрожь.
Жизнь рыночную, жизнь вечную
Такой интригой не проймёшь.
Толкуют сны, свергают Сталина,
На нечет ставят и на чёт.
А слово, помня русло старое,
Рассветной поймою течёт...*

Среди определений поэзии возможно и следующее, когда она – запечатлённость виденного всеми, но так, как не дано никому, кроме творящего. Думаешь об этом, читая стихотворный рассказ «Донской сюжет». Александру Нестругину не надо ничего придумывать, он живописует то, что присутствует вокруг него, при этом свежесть образов очевидна даже в том случае, когда речь заходит, например, о невозможности да и ненужности разбираться в смешении живущих вместе людей. Народ един. И на прямой вопрос автору земляка-казака:

– Ты хохол, скажи, аль русский?

Следует не менее прямой ответ:

*– Я – как вся почти Кубань,
Даже Дон – не сплошь, в натруску.*

Ну а запоминающаяся образность присутствует хотя бы в таком виде:

*Даже там, где дышат русла стариц
Снулой тиной да водой глухою,
Камышинка каждая осталась
Вросшей в ил излётною стрелою*

Александр Нестругин – поэт особого лирического дарования, чей возвышенный голос слышней набатного гуда.

*Губами дрогну, – звукам гимна
Навстречу... А вот петь – боюсь:
Вспухают в горле, как ангина,
Слова, в которых жив Союз...
... И – скопом – растоптали строки,
Где Русь – Великою звалась.*

А вот всего восемь строчек стихотворения «Перечитывая Чухонцева» с эпиграфом из этого же поэта «Прости мне, родная страна, /За то, что ты так ненавистна».

*Так безыскусно начинал писать...
И нынче там живёт, со мной не ссорясь,
Сечёт капусту Павловский Посад
И огурцы в большой кадушке солит.
А сам поэт – за строчкою-межой,
Где вороньё со всех сторон слетелось.
Поэт хороший, что там! Но – чужой.
Так долго в это верить не хотелось.*

Поразительные по точности строки сожаления! Это как образец истинного понимания русской поэзии с пушкинских высот, когда любовь к родному Отечеству превышает всего прочего. А чужое – есть чужое.

* * *

Стихи воронежца **Валентина Нервина** «На последней ноте снегопада», неброские внешне и лаконичные, имеют второй план, отсюда их философичность, умение считывать коды времени.

*Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.*

* * *

Сюжет повести **Анатолия Николина** (Мариуполь, Украина) «Хэли и Кузя» закручен невообразимым образом. Война с немцами по-страшному отзывается в мирное время: сын убивает на стрельбах своего отца, не ведая, а только смутно догадываясь, кто он... Просится ассоциация с шолоховскими рассказами о Гражданской войне.

* * *

Прозаик **Наталья Новохатняя** (г. Кишинёв) обращена ко дню сегодняшнему, мастеровита, владеет современным письмом. Распад великой страны проецируется на жизнь малых сих, на нашу с вами жизнь. Сюжет всех трёх рассказов закручен так, что до последних строк читатель пребывает в ожидании... Согласитесь, такое под силу далеко не всем авторам из числа бывалых.

* * *

Наблюдателен и точен в описании деталей **Александр Орлов**. Предметность переходит в образ, и вот уже предстаёт целостная картина того или иного явления, события общего масштаба.

*Знаю я, что закончился вар,
И от старой прикрытой дегтярни
В звёздный сумрак берёзовый пар
Вновь уходит, как в армию парни.
И от шпал, от колёс и сапог
Тянет запахом бережной смазки,
И глядит без всевышней подсказки
Поседевший дегтяр, словно Бог,
На солдатские сумки и каски.*

* * *

Ироничен подчас в своих стихах «Наклонилась к омуту рябина» **Александр Паксиваткин**, чьё пребывание обозначено как г. Нижний Тагил.

*Досижу уж три-то года!
И – подамся в монастырь.
Лучше пить святую воду,
Чем задиристый чифирь.*

Однако в большей степени этот поэт – чистый лирик. Душа его ранима и рвётся на волю из грудной клетки. Здесь как раз тот случай, когда Слово врачует: «Знаю я, что в мире, кроме мамы,/ Никому нет дела до меня».

* * *

Казачьи корни известного прозаика из Архангельска **Михаила Попова**, дают о себе знать: при его северной сдержанной манере письма – южный темперамент нет-нет да и прорывается, как, например, в повести «Золотая дорожка поперёк летейских вод».

Это вещь необычна не только для автора, но и в целом для современной отечественной литературы. Весь текст пронизан чеховским духом в наложении на современные реалии, между прочим-то, Антон Павлович родом из тех мест, где от мыса Таганий Рог не так уж и далеко до вод Тихого Дона... Горестная концовка повести перекликается с трагическим финалом пьесы «Чайка», что наполняет классику вещим смыслом.

Цикл новелл «Перекасти-поле», «Танцующая Галатей», а также притча «Имя» и хроника рода «Ячея» – разные тематически и в стилевом отношении, эти вещи тем не менее создают цельную картину. Автор рисует пульсирующую, ассоциативную действительность, подчас увлекая читателя необычностью сюжета. Его герои во плоти, но живут не только реальностью, а и находятся в плену фантазмагорических картин о ней. Нам по воле автора дается большой простор для аналогий, размышлений.

На читательский суд в одном из номеров вынесены две повести. «Красно солнышко» забирает читателя удивительным проникновением в далёкую историческую пору, когда укреплялась Русь, а её первым православным государем стал великий князь равноапостольный Владимир. Языковая палитра точна и в меру стилизована. Разве не чудо словесное хотя бы такое описание:

«А и впрямь ведь перемены округ, даром что ночь всего минула. То дуло, кулемесило, наворачивая сугробы. А

ноне тихо, позёмка, что ведьмачила даве, вертя подолом, мышью-крупшиницей обернулась, едва шевелит хвостиком да попискивает. Да и мороз-ухорез подустал и, похоже, не толь дерёт щёки, как наемни. Выпорхнул отрок на красное крыльцо, а ему возок подают – «Добра здравия, князьенька!» – и под юфтевый сапожок ступеньку подворачивают. Владимир ласково всем кивает, мимолётно окидывая двор».

Вторая повесть Михаила Попова с интригующим названием «Катти Сарк», несущая ветер» о другом и совсем другая по стилистике. Действием правят чувства. Герои – он и она – находят друг друга, но... Расставание щемит, ведёт к трагическому исходу. Или так только кажется?

Хотя новелла «Сигнал – красная ракета» и повесть «Служивый» разнятся, но дополняют друг друга и в определённой степени составляют одно целое по мироощущению.

Михаил Попов любит обозначать свою малую прозу как новелла. На сей раз им используется приём смещения времён, однако его «Сигнал...» никакое не фэнтези, а сродни гоголевским фантазмагориям. Только здесь война, Великая Отечественная, накладывается на нашу реальность.

Армейские будни «из первых рук» своей достоверностью будоражат читателя повести, заставляют сопереживать и разделять авторскую озабоченность, выраженную прямой речью: «С тревогой и горечью думаю о судьбе Родины: кто же защитит её, если грянет роковой час? Уповаю на милость Божию да на нормальных парней, которые ещё вырастают на просторах России».

Удивительная по замыслу и исполнению повесть «Белая птица. Чёрная тень». Антон Павлович Чехов и Жан-Артур Рембо поставлены в центр повествования. Непересекающиеся прямые двух судеб. Или всё-таки пересекающиеся в открытой автором собственной геометрии творчества? Действие чуть ли не по всему миру. Известные, казалось бы, биографические сведения двух героев преломляются в магическом кристалле; доходит до того, что Михаил Попов ощутимо для читающего вживается в такие разные персонажи, и они уже говорят, мыслят, поступают заодно с автором. Настоятельно советовал бы не пропустить эту повесть.

* * *

«То тюркская, то скифская царевна» **Карина Сейдаметова** пишет свою родословную в стихах «Русское солнце». Так и хочется цитировать точные и ёмкие строки молодой поэтессы:

*Наследье предков – роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов,
И властвует казак Пономарёв?*

* * *

Стихотворная подборка «Божий праведный свет» **Евгения Семичева**. Поэт весь земной, но только это и помогает ему взмывать к высотам духа. Заглавное стихотворение о Софийском соборе – постижение смысла нашего жития-бытия.

*И в Господней вселенной
Осеняют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.*

* * *

Публикация статьи **Людмилы Скатовой** «Мы – русские, более того, мы – казаки!» приурочена к 100-летию расформирования III Кавалерийского корпуса и основана на значительном архивном материале. Ценность ещё в том, что легко проводятся аналогии между событиями столетней давности, когда «свобода», посеяв смуту, принесла столько несчастий на русскую землю, и нашими изменчивыми днями. Выводы из этой статьи под рубрикой «Беда свободы» делайте сами.

Задаваясь этим вопросом в стихах «Русский повелительный глагол», Людмила Скатова ищет и ответ на него: «Покуда с нами Богородица,/ Сиротский плач нам не пристал». Для неё

неразрывна связь времён, неотделима русская чужбина от самой России даже после братоубийства Гражданской войны.

* * *

Удивительно лиричен в стихах **Константин Скворцов**, хотя и сльвёт признанным мастером поэтической драмы. Его донская подборка «Лампадный свет» достаёт до сердечных глубин. Да, он столичный житель, но корни-то уральские. Родная земля питает творчество, ведёт за горизонт, живит святой водой родника. Вот, например, баллада «Седьмой» о мужском братстве шестерых, когда во время сплава по реке:

*... всякий раз,
просветляя кромешную жуть,
Нас выносила река
на спасительный путь!..
И улыбнётся Господь
нам, мальчишкам седьм:
– Разве не я
был у вас в экипаже седьмым?!*

А стихи о любви! Константину Скворцову присуще редкое знание бунинской грамматики этого чувства, проникновение в самую его суть. Строки можно бы цитировать и цитировать.

*У Любви срока давности нет.
Профиль Анны в оконном проёме
Излучает таинственный свет...*

* * *

Рассказ **Геннадия Соловьёва** «Волк» рекомендовал журналу Михаил Тарковский, живут-то они в одном селе Бахта (Красноярский край). Автор досконально знает предмет, но не только этим подкупает его проза. Написанное заставляет соучаствовать. Удивительно, но в поединке охотника Фёдора

с волком мы не можем быть на стороне человека – слишком разумен зверь, и, получается, не нам решать его судьбу, а **должно** положиться на высшую волю.

* * *

Убедителен в своих поэтических воззрениях автор **Евгений Степанов**, чья подборка называется «Богоматерь – вижу – есть». Он по-хорошему декларативен, когда заявляет:

*Пусть меня не третирует
этот век-изувер –
я хочу эмигрировать
в СССР.
Защищённым и маленьким
снова быть я готов...*

И ещё лаконичные, но от этого не менее выразительные его строки о России:

*Извне – оттуда – вот она.
Россия – свет – восторг.
Россия – это Оптина,
А не оптовый торг.*

Но вот Евгений Степанов раскрывается с неожиданной стороны – его «Лирическая тетрадь» предельно откровенна и посвящена предмету поклонения, страсти... Это, можно сказать, хроникально фиксируемое то самое «воспитание чувств», что радует, мучает, но более всего – одухотворяет. Подборка называется «Ты – это я», и этой формуле слияния нельзя не верить.

*Как хорошо – не брать,
Как хорошо – дарить.
Как хорошо – не врать,
Как хорошо – парить!*

Уникальность творческого метода активно работающего в литературе Евгения Степанова в том, что он практически на уровне дневника фиксирует урбанистический и пасторальный миры, подавая всё это через призму собственных переживаний. Его цикл «Сердцу моему огниво» – своеобразная хроника души в стихах.

*А чего мне таить – вот ладони мои,
Вот лицо, вот мой дом возле Аэропорта.*

* * *

Журнал ведёт рубрику «Шолохов и православие», под которой публикуется обстоятельная работа филолога из Липецка **Натали Стюфляевой** «Христианские мотивы в романе «Тихий Дон»». Заявка автора: «Роман «Тихий Дон» содержит целый массив тем, образов, мотивов, связанных с православными идеями и ценностями, с текстом Священного Писания. Многочисленные библейские цитаты и образы, которые отражены и в речи автора, и в речи персонажей, становятся структурообразующими компонентами эпического повествования...». Далее в статье показано, как христианская тема входит в роман через реалистическое изображение православного уклада жизни донского казачества, а также освоение новых эпических форм воплощения по-настоящему духовного содержания.

* * *

Вячеслав Сукачёв сравнительно недавно перебрался с Дальнего Востока в Сочи и благодаря «Дону» осваивает литературное пространство Юга России. Его роман «Спящий в ножнах» захватывает с первых страниц, здесь реализм соседствует с неподдающимися разуму явлениями. Несколько сюжетных линий то переплетаются, то расходятся. Типажи узнаваемы, ситуации проживаются вместе с автором.

Всеохватны финальные строки: «Ночь над землёю и месяц, плавно плывущий в межзвездном пространстве. И разве

не удивительно, что месяц в пустынном небосводе один, а миллионы людей сразу, все вместе, могут смотреть на него и думать миллионы мыслей и не мешать друг другу – ни на просторах Сибири, ни в тропиках острова Ява. И всё это так хорошо, так гениально придумано, во всём столь удивительная гармония, что, кажется, сорви одну былинку – и рухнет мир, перевернутся звёзды и потухнет в ледяном небосводе месяц».

* * *

Под регулярной рубрикой «Российский рассказ» прямо-таки оруэлловский текст, но с обратным знаком, **Вячеслава Сухнева** «Обетованная земля». Автор даёт свой взгляд на будущее европейских государств, в том числе и Украины... По сюжету простые граждане неблагополучных, захиревших стран спят и видят себя в Российской Конфедерации, всеми правдами и неправдами стремясь туда на заработки. Утопия? Но кто знает...

В романе «Поворот Днепра, или Русские на луне» также описывается предполагаемое будущее, но его реалистичность воздействует на читателя, пожалуй, куда убедительней фантазий того же Оруэлла. Возможно, это объясняется и тем, что украинская тема так горяча. Автор предвосхитил грядущие события в соседних землях, и его неутешительные прогнозы, кажется, сбываются...

Повесть Вячеслава Сухнева точна по названию – «Пустота». Разбираются литературные дела. В центре повествования писательская личность с твёрдо поставленной целью и железным характером. Желание одно – утвердиться во что бы то ни стало среди себе подобных. Узнаваемы гротескно выписанные персонажи, на грустные размышления наводят нравы распиаренных «властителей дум». Действие захватывает перестроечные годы, но в основном происходит сейчас, в наши «благословенные» времена.

* * *

Журнальная проза **Михаила Тарковского** объединена общим названием «Когда тронется Енисей...» и представлена циклом сибирских рассказов и повестью. Блестящий язык, тончайшие описания природы, психологизм характеров, умение увидеть в малом большое присущи этому мастеру слова. Михаил Тарковский на сегодня, пожалуй, один из весьма значительных русских писателей. Вот как он пишет на высоте классических образцов:

«Весь оковалок простора до поворота реки, ближайшей горы и облака заполнял податливый синий воздух, и глазу лежало привольно на огромных пролётах, где, чуть поведя зрачком, можно было ошагать целый пласт расстояния. Потому и гляделось без прищуря, и дышалось вразмах. И чем больше было плечо взгляда, тем сильнее утечка душевного напряжения».

Проза Михаила Тарковского занимает заметное место в современной литературе. Однако он ещё и оригинальный поэт. Сибирская распахнутость его музыки сочетается с углублённым исследованием движений души. Место жительства Михаила Тарковского – берег Енисея, село Бахта (Красноярский край). Но поэтически он волен перемещаться на все четыре стороны света. Его восклицание «Брат мой, ветер!» озаглавило подборку.

*...Брат мой, ветер! Вздувая одежды,
Ты дорогу за мной просуши...
Дай мне, Боже, хоть тень надежды
На бессмертье моей души!*

Вместе с главным героем рождественской повести «Фарт» писателем Баскаковым мы с первых строк погружаемся в обыденность, знакомую и так каждому из нас, но почему же интересно следить за развитием сюжета? Дело в показе внутреннего мира Баскакова, его чувств, сомнений, переходов от отчаяния к осознанию правильности выбора в том или ином случае.

Вне всякого сомнения, Михаил Тарковский пишет своего героя с самого себя, и тут заключается главная интрига пове-

сти. Читатель обращён не только к событийной канве повествования, а «сживается» с образом Баскакова-Тарковского, по сути, сопереживая ему, разделяя его выстраданную правоту, например, слов о литературе.

«Литература... – медленно повторил Баскаков. – Я не знаю... И знаю. В этом слове для меня есть что-то неловкое... Почему? Потому что существует как минимум три правды. Правда литературы. Правда жизни. И просто правда. Правда литературы и правда жизни – они как два провода, и им пересекаться нельзя. Хотя бывает, литературная правда ослабнет и спикирует к жизненной. И тут замыкание! Пробой поля! Искра какой-то единой, единственной правды. И она будто окно прожжёт, и что-то смертельно-личное – станет вдруг образом».

* * *

Традиционная для «Дона» рубрика «Наш Шолохов» поставлена над эссе **Аршака Тер-Маркарьяна** «Запомнилось на всю жизнь». Литературное становление автора проходило на Дону, откуда он и отправился покорять столицу. В материале тепло рассказывается о впечатляющих встречах с М. А. Шолоховым.

Своеобразной переключкой двух стихотворцев Батраза Касаева и Авика Арутюняня можно считать публикацию их подборок в переводе с осетинского и армянского Аршака Тер-Маркарьяна.

Имя Аршака Тер-Маркарьяна, ростовского армянина, прочно утвердилось в современной русской поэзии. Выпускник Литинститута, автор талантливых стихотворных книг, отстаивавший до последнего родную «ЛитРоссию» от чужаков в 93-м, известный переводчик. Он был дружен с Борисом Примеровым и Борисом Куликовым, его привечал Егор Исаев, Анатолий Калинин и Владимир Цыбин напутствовали сборники молодого поэта, а мне случилось в юности опубликовать рецензию на ростовскую книжку «Солнечные километры». Михаил Александрович Шолохов тепло надписал Аршаку свою книгу при встрече в Вёшенской.

Первые стихи Аршака Тер-Маркарьяна были напечатаны в журнале «Дон». Юбилейный для поэта год (80 лет!), к сожалению, в родном городе Ростове-на-Дону, в местной писательской организации, где он вступал в СП СССР, остался незамеченным. Редакция «Дона», публикуя его стихотворную подборку «Суровый иней», пожелала Аршаку Арсеновичу доброго здоровья и неиссякаемого творчества!

* * *

Рассказы **Андрея Тимофеева** «Первый вечер» и «На несколько мгновений» определяются как исповедальная проза. Написанные от первого лица, они предлагают нам пережить всё то, что обеспокоило когда-то и мучит до сих пор повествователя. Сочувствуя ему, начинаешь задумываться о самом себе.

* * *

Знание предмета определяет значимость исследовательского труда «Смысл существования» **Пётра Ткаченко**. Автор справедливо полагает, «что и столько лет спустя после создания «Тихого Дона», мы все ещё находимся в начале его прочтения, в начале постижения его смыслов и его значения в истории и судьбе России». Другая работа Петра Ткаченко – «Какую Библию читал Шолохов», где на основе анализа шолоховского романа и сопоставления его с библейскими текстами делаются неожиданные выводы.

Уже само название статьи «Я умру в крещенские морозы...» обозначает рубцовскую тему под рубрикой «Тёмная сила». Автор говорит не об обстоятельствах смерти поэта, не о подробностях преступления, а о её причине. «Вологодская трагедия 19 января 1971 года стала зловещей для русской литературы, да и в целом для нашего народного самосознания. С неё началось умаление великой русской литературы вплоть до нынешнего вытеснения её из общественного сознания и изгнания из образования...»

* * *

Удивительным образом из самотёка, если не Божьей волей, на страницах «Дона» появился цикл рассказов «Приходинки» вологодского священника **Николая Толстикова**. Это талантливая проза, которая не только увлекает, но и наперекор суетности обыденного мира заставляет думать о высоком.

Повесть «Надломленный тростник», написанная на современном материале, но в классическом ключе, так и просится для обсуждения. Автор мыслит образами своих героев. Они у него живые, действуют, как обычно принято, по обстоятельствам. И только нравственные переживания заставляют их меняться внутренне, обретать смысл своего бытования здесь и сейчас. Впрочем, так ли это? Сомнения гложут до самого конца повести... И оставленный без ответа вопрос главному действующему лицу многострадальному Серёге: «А тебе куда?!» – звучит для каждого из нас. Это вопрос выбора своего пути.

* * *

Рассказ **Евгения Чебалина** «Сердитый был вердикт» ярок и резок по стилистике, как всё то, что выходит из-под пера этого прозаика и публициста из Самары. Переносимся на Колыму. Своя жизнь, свои законы. И последний аккорд повествования, когда охотничий азарт троих мужиков отступает перед безотчётным желанием спасти гибнущего в заткнутой илом протоке сохатого, которого они бы не отказались добыть на зиму.

«Сидели, заморожено смотрели. Рывки и дёрганье лося слабели, в них всё заметнее копилась предсмертная безнадёга... Текли минуты. И вдруг взметнулся бригадир, вскочил, взревел:

– Вуррр!

И грохнул ввысь из карабина. Лось, содрогнувшись, вздыбился, рванул ввысь – вперёд..

Мы сгрудились за бригадиром, поволокли с надрывом тушу за рога. Он, наконец, поймал опору задними ногами и вымахнул на берег...

От нас удалялось не мясо, не пищевой продукт – прекрасное и безупречное изделие Создателя, которое вписалось столь же безупречно в стерильную бескрайность, в совершенство тундры».

Дальнобойщик, герой рассказа «Квазиморда из Парижской Богоматери», возвращается из Крыма к себе домой, на Волгу. Берёт попутчика, и с этого момента творятся удивительные вещи...

Рассказ «А ты, Рассея, когда за меня?!», как и другие произведения этого бескомпромиссного автора, гротескный по форме и болевой по содержанию. Рушится справедливое устройство жизни, временщики захватывают позиции, травят душу честного человека...

* * *

Выверен и сюжетно, и по исполнению рассказ **Сергея Шаргунова** «Род Выпряжкина». Наблюдательность автора вырастает до символа: «Его звали Василием, а фамилия была будто с нервным изломом посередине – Выпряжкин». Героя рассказа ждёт испытание, и только осознав свою самость, не пожелав уступить несправедной силе, он решает идти до конца... Честь рода превыше всего!

* * *

Открывает журнал фотография, где чёрным дымом оторочен Белый дом. Москва, октябрь 1993 года: разгром Верховного Совета – скорбная дата. Свидетельство очевидца в номере. Это подводка к «Книге в журнале» **Валерии Шубиной** «Видеть и понимать» с предисловием ростовского критика Владимира Левашова «Одиночество Орфея».

Пронзительная нота связует тексты автора, о чём бы она ни писала, будь то эссе о Леониде Бородине или рассказ об увиденном воочию при расстреле Белого дома. «Журнальную» книгу Валерии Шубиной составили рассказы и повесть – проза, внешне подходящая под определение «исповедальная», но внутренне исполненная чувствами сострадания к другим

Окуляр

и личной ответственности за «сей мир в его минуты роковые», а также редкие по фактографической канве эссе.

* * *

От стихов **Татьяны Щербининой** из архангельского Северодвинска веет дыханием Русского Севера. Места суровые, но – какой там тёплый «берег турецкий, чужая земля»! – роднее их нет. И в цикле «Роза метелей» эта мысль заглавная.

*Можно сменить аватарку, призвание, имя,
родину выбрать с удобствами на планете,
памяти файлы стереть, заменить другими,
но куда ты денешь вот этот ветер?
Всю эту хмарь, угрюмую нежность утра,
запах болота и моря, зовущий запах...
Где бы ты ни был, тебе всегда неуютно,
ветер – по умолчанию – северо-запад.*

* * *

Александр Яровой, в недавнем прошлом киевлянин, ныне москвич. Его эссе «И на камне взойдёт жито?..» – попытка разобраться в случившемся на Украине. Он так объясняет символическое название материала: «Если верить, хотеть и делать, то «и на камне взойдёт жито», как поётся в трогательной украинской народной песне. Когда настанут светлые времена Украины и России (а они настанут!), мы эти щедрые колоски обязательно увидим...»

Юркий период

Жданов, Можаяев, Карякин

Вот странное дело: читаю и перечитываю письмо Ю. А. Жданова, адресованное «главному редактору журнала «Дон» тов. Воронову В. А.», и меня не покидает ощущение противоестественности того, что произошло в связи с ним в отдалившееся теперь уже время. На ту пору я работал в журнале заместителем главного редактора и об отклике члена нашей редколлегии Юрия Жданова на роман Бориса Можаяева узнал от Воронова, который был озадачен, что делать?

По мне, случись такое сейчас, нечего и заморачиваться: доказательная по-своему статья – печатать, и вся недолга! Кто не согласен – дадим ответное слово. Но тогда время было смутное, и хотя у самого Воронова в кабинете висел портрет Горбачёва, «плюрализм» понимался своеобразно, а именно: внезапную статью Жданова нельзя печатать без её осуждения, больно уж по-большевистски убедителен был «автор-ретроград» в своём мнении.

Обратились к Борису Андреевичу Можаяеву, и тот посоветовал столичного критика Юрия Карякина, мол, знаток Достоевского, а в «Мужиках и бабах» есть параллели с «Бесами». Всё делалось негласным образом при участии

Этот раздел в своей ростовской основе составили публикации, обнародованные в периодических изданиях и прошедшие апробацию в судебных тяжбах недавнего времени. Таким образом, приводимые факты неопровержимы и сделанные выводы неоспорены.

зав. отделом критики Александра Обертынского ну и, разумеется, Воронова.

Читаем, как об этом повествует тот же Карякин: «Он (Жданов) написал в редакцию «Дона» клеветнически оскорбительное письмо в адрес автора романа, явно уверенный в том, что по его велению и роман, и автор будут немедленно изничтожены. Борис Можаяев и редакция «Дона» предложили мне на страницах журнала ответить Жданову. Но пока я писал, хитрован Жданов, учуяв ветры перемен из Москвы, вдруг написал в редакцию второе письмо, в котором, виляя и труся, «отозвал» свое письмо, потому что – по его словам – «теперь не время ударять» по Можаяеву. Видно, посоветовался с кем-то из Москвы».

Тон и догадки оставим на совести автора, но фактическая сторона была следующей. Редакция «Дона», желая закулисно выставить Жданова в невыгодном свете, чтобы на перестроечной волне быть в рядах «прогрессистов», без его ведома передала письмо, адресованное лично «главному редактору тов. В. А. Воронову», третьему лицу. Об этике никто не думал. Да, Жданов затем сам пришёл к Воронову и забрал своё письмо – имел право. Но маховик был запущен... Требовалась перестроечная жертва. Умом можно понять, но вот душа не лежит к таким методам изничтожения оппонента.

А оппонентом Юрий Андреевич, как легко заметить по его логичному тексту, был достойным. Можно не соглашаться с позицией Жданова (меня она тоже не во всём устраивает, например, в оценке Достоевского), но, возьми, и опровергни, докажи своё – только спорь на равных. Куда как легче надёргать цитат и, простите, изгаляться над тем, кто не сможет тебе ответить. Но это уже был расцвет демократии.

Юрий Карякин тогда дважды прошёлся по Юрию Жданову («Знамя» № 9, 1987 и «Огонек» № 19, 1988). Ростов гудел: был восторг, и был стыд. Юрий Андреевич вышел из состава редколлегии журнала «Дон». Это уже значительно позже я попросил его вернуться, чему, кстати, несказанно был рад писатель Анатолий Калинин, бывший всегда другом Жданова.

Сам Юрий Карякин, заметный специалист по Достоевскому, ушёл с этими статьями в политику и стал затем известен

как подписант приснопамятного письма 42-х «Раздавите гадину!» (1993) с требованием расправиться с неугодными, а также сказавший фразу: «Россия, ты сошла с ума!». Пожалуй, его общественная неутомимость таки заслонила литературоведческие труды. Тут каждому своё.

Когда Юрия Андреевича Жданова не стало в декабре 2006 года, то я счёл нужным опубликовать реквием «Прощание с эпохой», где выразил своё отношение к этому человеку. Уже одно его имя говорит само за себя. Юрию Жданову было написано на роду оказаться среди первых лиц государства.

Блестящее образование, широта взглядов, аналитический склад ума... Заметная должность в аппарате ЦК, близость к Сталину. Следует опала, и Юрий Андреевич оказывается на Дону. После обкома партии – 30 лет ректорства. Судьба Ростовского государственного университета – его судьба. Совет Северо-Кавказского научного центра высшей школы он возглавлял почти до последнего.

Жданов был личностью, своих взглядов не менял и всегда их отстаивал. Талантливый не только на научном поприще, но и в литературном деле, Юрий Жданов издал ряд оригинальных работ, писал стихи, играл на фортепиано. Храню с автографом автора первую художественную книжку эссеистики Юрия Жданова «Хрустальный свод», которую довелось редактировать. А последний его труд «Взгляд в прошлое» печатался в журнале «Дон», где он уже был снова членом редколлегии. И вот журнал вышел с его именем в траурной рамке...

А хоронили Юрия Андреевича при огромном стечении народа 21 декабря – в день рождения И. В. Сталина. В этом угадывается особый смысл. Мы простились с эпохой, но знаем ли о ней всю правду? И разве жизнь и судьба Ю. А. Жданова не помогут пытливому уму и сердцу?

Сам же Борис Андреевич Можаяев всегда был дружен с редакцией журнала «Дон». Разве забыть, как он пригласил нас вместе с Василием Вороновым «обмыть» публикацию романа в ресторане, кажется, гостиницы «Украина». Да и в Ростове тоже отмечалось это событие. А ещё у нас была устроена боль-

шая читательская конференция с приездом демократов-москвичей, конечно, участвовал и Юрий Карякин. Говорили о прорывном романе Можаяева «Мужики и бабы». Поминался недобрый словом и Юрий Жданов, а заодно и его отец.

Вскоре настали иные времена, и Борис Андреевич уже не мог без горечи видеть, как распалась великая страна, и к чему всё идёт. Он писал об этом, возмущался.

И последняя его публикация «Крымские страдания» прошла в «Доне» (№7, 1996), когда он, получив отлуп от столичных редакций, обратился с этим материалом в Ростов точно так же, как в своё время с романом «Мужики и бабы». Я посчитал естественным предварить эту, увы, посмертную публикацию нашего не только автора, но и члена общественного совета, редакционным словом:

«Всякой власти Можаяева был не ко двору. Правду у нас никогда не жаловали.

Десять лет тому назад прилетел инкогнито в Ростов-на-Дону писатель, который к тому времени изрядно помыкался со своим романом. Прогрессивная Москва не хотела печатать новый роман Можаяева, не хотела – и всё тут!.. Так крамольная вторая книга романа «Мужики и бабы» открыла в журнале «Дон» 1987 год...

Помнится, тогда Борис Андреевич, сам рязанский родом, обронил: «Рязанцы, они всегда на Дон бегали, и я тоже... С Дона, чай, выдачи нет!».

За десять лет Можаяев не изменил ставшему ему родным журналу «Дон». Где и как только мог поддерживал наше издание. А сотрудничал с «донцами» всегда.

Вот и «Крымские страдания» в полном объёме печатаются только в журнале «Дон», иные из «независимых» изданий по тем или иным причинам на подобное не отважились. Всё боязнь, как бы чего не вышло. Писал же «Крымские страдания» Борис Андреевич, вспоминает его вдова Милда Эмильевна, буквально страдая сам, сердцем переживая разлад России и Украины. Людская боль становилась его болью...

И уже умирая, в последний миг Борис Андреевич мучительно вопрошал: что же это делается?! Пусть вопрос русского

писателя Бориса Можаяева прозвучит и для каждого из нас. Задумаемся о жизни, о чести, об Отечестве.

... Обложку нашего журнала освящает Андреевский крест. Символична созвучность Вашего отчества, Борис Андреевич, с российской святыней. Андреевский флаг журнал «Дон» поднял и в Вашу честь, Борис Андреевич, писатель, офицер флота».

Перечитываешь сейчас «Крымские страдания» и понимаешь, как точно провидел Борис Можаяев будущее России и Украины, Крыма, Севастополя, русских и украинцев, всех нас, сегодняшних. Это его слова: «А у нас теперь всё дозволено: режь и кромсай державу, как ковригу хлеба...». Он называет полоумными утверждения самостийников, «что Крым и Новороссия и Область Войска Донского исконно украинская земля».

Борис Можаяев и поныне пребывает в русской литературе. Возможно, тому в определённой степени способствовала не только публикация романа «Мужики и бабы» в журнале «Дон», а и связанная с ней история с критическим письмом-отзывом члена редколлегии Юрия Жданова. Понятное дело, масла в огонь подлил Юрий Карякин. Надо сказать, что только сравнительно недавно то самое злополучное письмо увидело свет в сборнике «Литература в жизни и творчестве Ю. А. Жданова» (Ростов/Дон, изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ). При этом издатели, осторожничая, судили-рядили, включать его в книгу или нет? Включили, хотя и не решились должным образом прокомментировать историю вопроса: мол, Жданов и Можаяев – такие персоналии и такие разночтения!

По прошествии времени становится ясно, почему всё случилось именно так. Роман «Мужики и бабы» – можаяевский взгляд на коллективизацию рязанской деревни. Это не Шолохов, не «Поднятая целина», это другое. Борис Андреевич написал как написал, имея в виду прежде всего художественную задачу. Однако, известно, какое время было: шла перестройка, вернее, ломка, свергались прежние авторитеты и насаждались новые. Главное – разрушить до основания. Литература не исключение.

И был заказ на то, чтобы развенчать советских писателей-классиков. Особенно мешал Шолохов. И когда появился роман Можаяева, то его и пожелали использовать «прорабы духа», заместить, так сказать, «Поднятую целину», а там, глядишь, и «Тихий Дон» вместе с автором подвинуть. Сам же Борис Можаяев здесь не причём. Для него Шолохов был непреодолимым авторитетом.

Забывать ли сказанные тогда же слова Анатолия Калинина: «Это два разных романа, два разных писателя. В литературе места всем хватит. Пусть рассудит время».

А на Рязанщине, в посёлке Пителино, установлен памятный камень на месте, где был отчий дом Бориса Андреевича Можаяева.

В самом же центре Ростова-на-Дону стоит памятный бюст Юрию Андреевичу Жданову, и несколько поодаль – скульптурное изображение Шолохова.

Круг замкнулся.

Перо на постельном белье

Вначале для чистоты эксперимента придётся привести полностью пассаж из статьи Валентина Осипова «Из-под перьев шолохоедов» (газета «День литературы») с подзаголовком «Дон»: открытия в постельном белье»:

«Журнал, издаваемый в столице Дона на родине классика, ничтоже сумняшеся печатает биографический очерк о своём великом земляке авторства москвича А. Воронцова. Напомню: очерк жанр особой выверенности фактов.

И вот пассаж: «Каялся в грехе похоти... Женщины долго ещё оставались его слабостью... Ему были доступны женщины, без раздумий соглашавшиеся отужинать с ним в ресторане, а с другими он и не знал уже о чём говорить... Ресторан, гостиница, постель... Чем больше было женщин, которыми он обладал, тем становились слабее – после Аксиньи и Дарьи – его женские образы». И даже: «Хочешь, я тебя трахну?» – «Дай мне свой член».

Может, есть факты? Да откуда им, таковым, быть-то?! Как биограф классика и к тому же лично знавший его 22 года свидетельствую: ложь!»

И вот я лихорадочно ищу злополучную публикацию десятилетней давности в родном журнале. Это надо же, автор подставил, а редакция повелась! И я хорош, куда смотрел?..

Открываю искомую страницу эссе Андрея Воронцова «Тайный коридор» (журнал «Дон», №5, 2005). Опять же для чистоты эксперимента процитирую весь текст полностью без осиповских купюр:

«Каялся он тогда отцу Михаилу в грехе похоти, но женщины долго ещё оставались его слабостью. Каждая из них, как он понял сейчас, лишала его чего-то, делала меньше жизненный круг. Казалось бы, всё должно было быть наоборот, ведь писатели считают, что женская любовь их обогащает. Но это неправда. Здесь то же самое, как с упущенными с детства возможностями: ты выбираешь одних и никогда уже не получишь других. В зрелые годы ему были доступны женщины, без раздумий соглашавшиеся отужинать с ним в ресторане, а с другими он и не знал уже, о чём говорить. Но ведь именно эти женщины, не принимавшие правил игры записных ловеласов – ресторан, гостиница, постель – по-настоящему волнуют, именно они являются прототипами бессмертных литературных образов...

Чем больше было женщин, которыми он обладал, тем становились слабее – после Аксиньи и Дарьи – его женские образы».

Читатель, сравнив выделенные места обеих цитат, легко заметит, как В. Осипов, копируя текст А. Воронцова, «подгоняет его под себя». Я ни в коей мере не защищаю одного донского автора от другого донского автора, к тому же члена редакционной коллегии нашего издания. Речь о негодной методе доказательств.

Просил бы учесть и тот, факт, что перед нами не «биографический очерк», как утверждает Осипов, а именно эссе – этот жанр обозначен чёрным по белому под заголовком публикации. И да простится следующее цитирование из «Большого энциклопедического словаря»:

«Эссе – это жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочета-

ющий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с неприкрытым, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь».

А «Краткая литературная энциклопедия» уточняет определение: «Эссе – это прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, трактующее частную тему и представляющее попытку передать индивидуальные впечатления и соображения, так или иначе, с нею связанные».

Журнальная же подводка к материалу вполне определённо выражает точку зрения редакции:

«Автор романа о Шолохове Андрей Воронцов в публикуемом эссе изображает внутренний мир великого писателя. Следуя своему творческому методу, он использует элементы художественного вымысла, не противоречащие реалиям». Вполне понятно, зачем я напоминаю обо всём этом. Воронцов написал прозаическое произведение, и судить его следует, даже с десятилетним опозданием, исходя из этого. Спорить, не соглашаться, критиковать, бичевать... Но не приписывать ему то, в чём он не виновен.

Как, например, пикантный конец «постельной разборки». Нет в журнальном тексте после Аксиньи и Дарьи диалог: «Хочешь, я тебя трахну?» – «Дай мне свой член». Нет, как нет!

А ведь получается, что чуть ли не Шолохову приписана половая терминология.

Что же тогда в данном случае произвёл ничтоже сумняшеся любезный Валентин Осипович? А он вырвал из текста действительный диалог, но встречающийся четырьмя страницами ранее и не имеющий к Шолохову абсолютно никакого отношения – никакого! – и подставил его к цитируемому с искажениями отрывку из эссе.

Дело в том, что у Андрея Воронцова действуют и вымышленные персонажи, а один из них литератор Звонарёв, наш современник. Это он по ходу повествования листает свою рукопись той пора, когда разваливалась великая страна. Находит рассказ под названием «Ночью» о том, как низко падают нравы, как люди теряют себя. Описаны разные неприглядные истории. Там приводится одна из постыдных примет

разнузданной свободы – квартирные просмотры сообща порновидео с включением звука на полную, когда «отвратительно гнусавый голос переводил...», и далее следует так впечатливший Валентина Осипова диалог.

Но при чём здесь тогда Шолохов?

И завершая. Я не знаю, какими соображениями руководствовался мой давний и, надеюсь, по-прежнему добрый товарищ Валентин Осипович Осипов, желая стать «доноedom», но в Ростове принято за базар отвечать. И дело тут не в Воронцове и журнале «Дон». Дело в Шолохове.

Совокупление по Кувалдину

Кто бы в Ростове-на-Дону знал Юрия Кувалдина, этого засвеченного в столичных литературных кругах писателя, редактора и издателя журнала «Наша улица», если бы не его статья в своём же издании «Певец Тихого Дона Фёдор Крюков. К 135-летию со дня рождения». Уже один зачин свидетельствует о величии автора:

«Случилось так, что с моей негласной подачи издательство «Советская Россия», с которым я сотрудничал как новый издатель в производственной сфере, в 1990 году на пике литературного бума выпустило в свет толстый том рассказов и публистики истинного автора «Тихого Дона» писателя Фёдора Крюкова».

Э, как занесло болезного! Дальше еще круче.

«...мне, как писателю, и без того очевидно, что написать «Тихий Дон» мог только многоопытный писатель...»

«Я неустанно во многих своих работах повторяю, что моя жизнь – жизнь писателя Юрия Кувалдина – в том, чтобы делать литературу в самом широком смысле этого слова, то есть самому писать, самому издавать, и самому читать. Каждый из этих процессов доставляет мне огромное удовольствие».

«Я же говорю: жизнь есть всеобщее совокупление: буквы с буквой, слова со словом, водорода с кислородом, мужчины с жен-

циной. Только при совокуплении возникает новое. Читайте мой роман «Родина» и вы обретете счастье...»

Теория подкрепляется практикой, и вот вам совокупление по Кувалдину на примере его собственной статьи, которая странным образом распадается на два изложения: в первом – бичуется Шолохов, и автор превозносит самое себя (образчики стиля выше), во втором – разумный художественный текст, изобилующий интересными фактами и примерами из жизни Фёдора Дмитриевича Крюкова. Читать второе интересно, познавательно. Язык добротный. Чужеродные вкрапления почти не мешают

Прямо как другой человек писал. А и в самом деле – другой... Всем известный шолоховед Фёдор Бирюков. Это его вступительную статью «Бытописатель народной жизни» к упомянутой книге Ф. Д. Крюкова «Рассказы и публицистика» где абзацами, а где кусками поболее, не закавычивая, не ссылаясь на чужое авторство, Ю. Кувалдин «рассыпал» по своему материалу.

Положим оба текста рядом и сравним.

У Ф. Бирюкова (стр. 4):

«В детстве зачитывался лубочными сказаниями о брынских и муромских лесах, о легендарных героях, купцах касимовских, монахах-отшельниках. И в то же время овладевала всем его существом привязанность к обычным реалиям – каждому холмику, деревцу, кургану. Позднее в трудные дни тоски он умел ободрять себя и других: «Ну, не робейте. Земля – наша, облака божьи». И это – «наше» и «божье», как и современное и древнее, соединилось потом в его художественном сознании».

Кувалдин же на стр. 4 пишет: «В детстве Фёдор Крюков зачитывался...», а далее без изменений.

Ф. Б. (стр. 7-8):

«Когда Крюков приехал домой после избрания в Думу, его брат, студент-лесник, посадил в палисаднике по этому случаю дубовый жёлудь, чтоб выросло в память народного представительства вечное дерево как памятник свободы... и т. д.»

Ю. К. повторяет на стр. 9-10.

Ф. Б. (стр. 9-10):

«9 июля около 200 депутатов собрались в Выборге в гостинице «Бельведер»... Всего более страницы текста.

Ю. К. выдаёт это за своё на стр. 15-16.

Ф. Б. (стр. 11-12), а Ю. К. (стр. 19-20): *«В марте 1917 года в Петрограде был созван Общеказачий съезд, избран Совет Союза казачьих войск, в него вошёл и Крюков, но практических дел не вёл и вскоре уехал в родные места. В апреле собрался Войсковой съезд в Новочеркасске. Крюков был делегатом от Глазуновской. Выступал с речью... и т. д.»*

Цитирование с таким же успехом можно продолжать и дальше.

Обычно плагиаторы находят всяческие объяснения своему «затмению». Наверное, Кувалдин не явится исключением. Бесспорно одно: нашему герою край требовалось обозначиться в Шолоховском году, глядишь, кто и отметит, порадеет, а тут подоспело 135-летие Ф. Крюкова, чем не повод тряхнуть стариной.

Времени у Ю. Кувалдина в обрез, писать следовало о подлинной судьбе – словесами не обойдешься. И в свой текст вставляются чужие куски. Авось, пронесёт. Кто журнал прочитает? А в Ростове-на-Дону прочитали...

В конце своей статьи Фёдор Бирюков затрагивает версию, «будто «Тихий Дон» написан Крюковым, а не М. Шолоховым», и приводит слова Серафимовича: «подлая клеветническая сплетня поползла буквально по всему Союзу. Вот ведь псы!..»

Ныне выродились псы в шакалью стаю, если в ходу даже заурядный плагиат.

«На канате выпляски...», или Антология ростовского разлива

Ростовский Дом книги, что на пересечении улицы Садовой и проспекта Будёновский. В центре зала под зазывным плакатом сложена пирамида из запаянных в целлофан книжных кирпичей – «Поэзия Дона. Антология. XX–XXI»

Стыдоба, как же ты мог не узреть 118, если уж не великих, то, по крайней мере, известных донских пиитов, а именно столько их вошло в этот том?!

Чтобы занять книгу, плати тысячу рублей. И берут, – интересуюсь на кассе? Вначале сами авторы, как мне пояснили, вместо гонорара свои экземпляры выбирали, а теперь – застой. Внешне книга впечатляет – увесистая, плотная бумага, золотое тиснение, и если ушедшие в мир иной поэты представлены чёрно-белыми снимками то наши современники даны в цвете. Другое дело: характер издания и его начинка.

Скажите на милость, с какого пятерика возникла сама идея выпуска поэтической антологии Дона? Это явный абсурд! Ведь издан заурядный сборник, какие нынче, в литературную пору юркого периода, штампуется кто ни попадя на раз два, были бы деньги.

Слово «антология» в переводе с греческого означает соби- рание цветов. Безусловно, Дон славен поэтическими цветами: Николай Туроверов, Алексей Недогонов, Борис Примеров, Анатолий Софронов, Николай Доризо, Владимир Смолдырев, Пётр Вегин, Борис Куликов... Некоторых из них кто-то может не принимать, но известность этих имён вне всякого сомнения, хотя и не все они включены в книгу, равно как и другие «забытые» поэты.

Но речь не о том. Есть в книге публикации, мягко говоря, странные.

Николай Китаев вещает от лица себе подобных: «Счастьем поэзии веет от нас», и это вопреки тому, что «если проблемы нависли/и тянет куда-то в бега». Ему хватает четырёх строк, чтобы «разобраться» с любовью.

*Не станет её – и наступит конец,
Засохнет живительный жизненный колос.
Любовь – это эхо двух близких сердец
А слышится в нём человеческий голос.*

Право слово, умиляет и такая резонёрская строфа-сти- творение:

*В добром деле душа прибывает.
Взлом – совсем не бывает души.
Счастье добрых людей выбирает...
Правда, с этим оно не спешит.*

Принципиальное голодание Клавдии Павленко: «Толпе досужен на потребу / Я не грызу с утра лимон...» приводит её к философскому осознанию того, что

*Мне хорошо. Легко и просто.
Бог дал – живу. Бог даст – умру.
А будет время – до погоста –
Я к чаю ягод наберу.*

Было время, «ликовала от счастья душа» у Клавдии, но затем город, который «хлебом обеспечит, но душу – душу не из- лечит» всё испортил, да так, что «и душе говорить, – ничего не осталось». Однако задушевная Клава не сдаётся, чуя «трав могильный настой», и возглашает:

*А моя-то душа
Безголоса поплачет
И, в дорогу спеша,
Томик Пушкина спрячет.*

Проникновенно сказано! Знать бы только, куда, от кого и зачем прячет «наше всё» безголосая душа Клавдии.

Осоюзились за последнее время и попали на этом осно- вании в антологию и другие донские поэтессы. Вот раскован- ная Ирина Сазонова, что однажды «уснувшей Венерой стала... вращала в нутро богини... под взглядом твоим стройнела». А всё для того, чтобы «ты вершил на вершине страсти – / и меня рисовал нагую...»

Вообще-то любопытно следить, как расковывается словесно Сазонова, когда рассуждает о незадавшейся жен- ской доле.

*Изредка скучаю по тебе
и себе – поза-позавчерашней –
на канате выпляски домашней,
по неодомащенной в борьбе
с вечною нехваткою всего:
нежности, кефира, неба, платья,
но случались редкие объятия –
и рождались дети оттого...
Падал недокрученный карниз,
спор переряжался ссорой разом,
отпрыск добивал подбитым глазом
под долбеж бетховенских «Элиз»...*

Канат выпляски и добивание подбитым глазом – это при-
суще Сазоновой. Тут же она пишет «заспинный смеющийся
ангел», «белозатянутый вечер / с пиршеством утоленья / предо-
жиданья встречи», «подснежную кашу топчите»...

Не отстаёт от своей товарки и Галина Студеникина, кото-
рая наставляет «не надо со мною быть «умным»... прохрупай
по улицам лунным... зайди в угловой магазинчик...» А уж она-то
ждёт «за тортом и чаем с малиной». Звалась Галя, было дело,
Джульеттой, но теперь – Беатриче. «В различные с виду обли-
чья одна я и та же одета». Да, была она ещё «Любовью, Наде-
ждой и Верой... Сегодня – Галина».

Дублируется кокетливая тема и в стихке «Догонялки». Там
«неприглядность в роли зайца, потому-то ты лиса». Раз, два
и – побежали!.. Кульминация, как и положено: «закончив дого-
нялки, начинаю об-ни-мал-ки...»

Чем вам не ролевые игры?

Между прочим, эта игривая Галина, не замеченная ра-
нее на литературном поприще, определена главредствовать
в некоем литературном журнале-клоне, издаваемом на Дону.
Ставший недавно писателем с билетом Валерий Калмацуй,
папа Галины Студеникиной, судя по всему, не поощряет плот-
ские утехи своей дочери, поскольку в описании природы игрив
в меру. У него «ветерок гусаром мчитя вдоль по мостовой»
и по ходу дела:

*Он, как пасынок природы
И шутник в своём кругу,
У девчонки мимоходом
Вздёрнул платье на бегу...*

Зато у Николая Никонова, автора более двадцати книг,
иные пристрастия и эпикурейский подход к жизни: «Веселись,
пока не стар ты, / Впрочем, возраст – не помеха».

Персоналии антологии озабочены исследованием твор-
ческого процесса. И каждый решает проблему по-своему. Бо-
рис Троицкий убеждён, что тут замешаны «чёрные маги», и эти

*Маги отваги – маги искусства
Наперекор суете и злословью
Чертят наитие собственной кровью.
В дух обращают себя на мгновенье
И превращаются в стихотворенье.*

Упивается собственным открытием Кнарик Хартавакян,
не замечая Маяковского:

*Как солнце, как маяк, свети же, Слово, –
На благо людям, темени на страх,
Победоносно мощь умножив, снова
Сияньем вторь светилам в небесах!*

И тут как тут наготове простодушный Анатолий Чекулаев,
за которым помчался опавший лист, «безутешно пытаюсь до-
гнать...» Поначалу, кажется, драматическая коллизия разре-
шена творческим позывом автора: «Я тетрадь со стихами от-
крою, чтобы песню о нём написать». Ан нет, и на этом хочется
плакать от жалости: «Ведь порою судьба у поэта / Так похожа
на этот листок».

Собрали без малого пятьсот страниц антологии Николай
Скребов и Игорь Кудрявцев, представляющие две ростовские
организации параллельных писательских союзов. Составители
слынут среди местных литераторов людьми компетентными,

хотя и легко меняются согласно «линии партии». Кстати, в своё время тот же Скрёбов, ныне верный либеральной парадигме, вполне искренне писал:

*Людские сердца зажигая огнём,
Уже не мечта и не призрак,
Становится нашим сегодняшним днём
Великий восход коммунизма.*

Искренен с обратным знаком и Кудрявцев в своём заявлении:

*Слава мирская,
Слава людская,
Ты – погремушка
В руках удачи,
Но я равнодушен к тебе.
Поскольку меня знает Бог.*

Перед составителями стояла конкретная задача, видимо, был определён список авторов, даже равный объём – по четыре страницы на брата или сестру. При этом далеко не все известные поэты, чьи судьбы связаны с Доном, включены в книгу. Вот и получилось то, что получилось. Отпетые графоманы с писательскими билетами соседствуют с действительно стоящими поэтами, и первые как раз в выигрыше: шутка ли напечатаны на равных с избранными. Вопрос – чем они хуже? Ответ понятен – ничем!

Однако тенденция. Сплошь и рядом в разных местах выходят подобного рода издания. Как правило – антологии местного разлива, куда вставляются новоиспечённые классики. Литературные критерии? Как говорят в Одессе: «Я вас умоляю!..» В Ростове и далее везде говорят то же самое.

Бабочки летят на «зов Нимфея»

Литлохия – страна без границ и определённого места нахождения на просторах интернета. Забейте в поисковике «литературные конкурсы»: выкликайте – и Литлохия возжаждет приглубить вас, посулит всё, чего изволите. Она вполне может назваться крымским Международным конкурсом «Зов Нимфея», куда так и слетаются отовсюду бабочки, сиречь персонажи самодетельного творческого процесса.

«Душою бременя»

Кому не известна хрестоматийная английская поговорка «No fool like an old fool» – «Нет хуже дурака, чем старый дурак», а в корявом переводе «Хуже дурака может быть только старый дурак». Известна-то известна, но Александр Ткаченко взялся ещё раз напомнить о ней, правда, уже от своего имени, включив её в собственный труд «Дуракология».

Однако обобрал сей керченский автор не только подданных английской королевы, а и поживился за счёт «Послословиц и оговорок» одессита Станислава Миронченко, присвоив себе высказывание одного «Лучшие места под солнцем находятся в тени». Станислав, широкая натура, указал на сервере современной литературы «Самиздат»: «Понравилось – цитируйте. Но не забывайте указать автора».

Забывчивый Ткаченко хватя понравившийся афоризм и – себе! Правда, стихи, наш герой уже складывает сам. И тут он обожает философствовать «за любовь». При этом тема известной озабоченности превалирует (здесь и далее авторское написание):

*Если бы корабли
Умели совокупляться,
Как далеко раздавался бы их стон?
Достигнул бы он неба, как мой?
О свет незажжения,*

*Клинического несовпадения
Дизеля с парусами!*

Эта клиника «дизеля с парусами» из его стихов для Светы, а вот шаманское предупреждение для Гали:

*Я тебя к себе
Приведу на камлание.
И тебя собою
Покрою.*

И, между прочим, у автора, чей «стон достигает неба», с некой другой «мадам» был ведь заключён клятвенный уговор,

*Что больше о любви ни звука.
Тому вам порука
Сей станс
Абстрагически –
Идиотический.*

Но обратимся к предмету «клинического несовпадения», к той же Свете, поскольку счастье, по Ткаченко, есть «в Свете» – в миру Светлане Тимофеевой, кокетливо именующей себя как Птицасвета. Согласитесь, такая самоидентификация ко многому обязывает. И бардесса Птицасвета выдаёт незаёмные образы.

*Отдала я себя без чувства,
Мне ведь чувства запрещены.
Садистическое искусство –
Наказание без вины.
Отдала я себя из долга
И вернуть уже не стремлюсь.
Я – ментальная недотрога,
Не задорого отдаюсь.*

Чего же конкретно желает «ментальная недотрога», возможно, взамен отдавания «себя из долга»? Да вот хотя бы:

*Надышаться бы осенью,
Упоиться туманною...
...Улететь беззаботною,
Излюбившейся всласть.*

А ещё она абсолютно уверена в глобальном предназначении собственной персоны:

*Сверхновое солнце взойдёт,
Душою моей бременяя.*

После «бременя» и цитировать-то дальше неудобно. Это перл – хоть стой, хоть падай! Писания семейной пары Ткаченко и Тимофеевой вполне себе обычные для слабых самодеятельных авторов. Вряд ли бы стоило на этом останавливаться, если бы не их бурная деятельность по оказанию услуг в творческой сфере.

Дурацкий перформанс

Редакционные дела привели меня в Крым. Журнал «Дон» занят проектом «Литературное пространство России», и на сей раз после северного выпуска выбор пал на крымских писателей. Ранее в Ростове-на-Дону печатались оренбуржцы, краснодарцы, дагестанцы, одесситы, тверяки... Лучшие авторы из разных мест России были представлены читателю.

И вот – легендарный полуостров. Встреча с Татьяной Ворониной, председателем не так давно созданной под эгидой СП России писательской организации Крым и Севастополь. Идею поддержал и сопредседатель прозаик Андрей Воронцов, кстати, давний автор журнала «Дон», много писавший о Шолохове. Общение с другими литераторами. Есть настрой, сделать Крымский номер на уровне, но не будем загадывать.

Дорога на Дон через Керчь. И как не окунуться в месте слияния Азовского и Чёрного морей! Советуют остановиться поблизости от Керчи в Героевском, где берег и вода самое то... Почему бы нет, если есть и другой интерес. Здесь как раз проходит VIII Международный литературно-музыкальный слёт «Зов Нимфея». Громко звучит, там должны быть и «громкие имена». Хорошо бы залучить для журнала интересных авторов, а для чего увидеть да услышать их воочию.

Утро. Пансионат «Дружба» на береговой линии. Дружелюбно распахнута решётчатая металлическая калитка. Дружелюбен и главный распорядитель означенного конкурса Александр Ткаченко. Услужливая личность в оранжевой майке с надписью «Зов Нимфея», кепочка скрывает лысинку. Проповедник по натуре. Тотчас изложил своё кредо: «Есть два условия истинного счастья – чистая совесть и чистый кишечник». Кто бы спорил!

Конечно, очень даже интересен Российский ордена Дружбы народов литературно-художественный журнал «Дон»! В 15-00 соберётся второй возраст, и мы вас ждём, пообщаемся. На том и порешили.

Однако дальше пошло не так.

Вашего покорного слугу увидела одна из участниц ристалищ, знакомая поэтесса нервического склада, и стремглав кинулась к администрации пансионата: «Ему нельзя здесь, уберите его!» Что вы думаете, меня по команде некой начальствующей дамы вывели под белые ручки за ворота. Я не стал потрясать журналистским и писательским билетом, обостряя ситуацию. Думаю, жара спадёт, и люди успокоятся, инцидент будет исчерпан.

Ровно в три часа пополудни, пройдя вновь через дружелюбную калитку, оказываюсь на месте сбора творческих единиц. Утром тут сам Александр Ткаченко, подменяя Светлану Птицесвету, проводил тренинг на тему «Скрытые резервы литературного творчества» с первым возрастом – юнкорами из станицы Кореновской Краснодарского края. Да, именно – «тренинг» и «скрытые резервы»!

А я пришёл на мастер-класс «Основы литературной экспертизы» в том же исполнении. Только расположился, как тут

же набежала знакомая уже распалённая дама: «Кто пустил?!» Говорю, пригласил Ткаченко, а калитка была открыта. Но дама вприпрыжку устремляется на выход, увлекая меня за собой. Такое впечатление, что я налоговый инспектор и террорист в одном лице – ужас мечется в глазах означенной особы, должно быть, администратора либо владелицы пансионата.

Оказываюсь за воротами, лязгает увесистый замок.

Тотчас звоню Ткаченко, и тот на голубом глазу заявляет: «Вы для нас персона нон грата». Всё сразу и сложилось. «Сдала» меня любезная землячка. Она хорошо знает моё скептическое отношение к подобного рода мероприятиям, которым несть числа. Да, я считаю их заурядным способом отъёма денег у граждан, склонных рифмовать или музицировать. И этого никогда не скрывал.

Вот приехал Петров, всё разведает и напишет... Словом, разворошил я пансионат «Дружба» уже одним своим появлением. И судя по всему, караулы усилили, чтобы я не проник на территорию и, не дай бог, узнал секретные тексты конкурсантов. Мне же хотелось повидаться с коллегами по литературному ремеслу и самому во всё разобраться, но взамен был устроен дурацкий перформанс.

А ещё шарахнулись так от меня, возможно, боясь, что я из Ростова. От «ростовских» лучше подальше что ли?.. Ну-ну.

Междусобойчики на лежаках

Согласитесь, развелось великое множество международных слётов, конкурсов и фестивалей поэзии и авторской песни, где звона больше, чем дела. Девиз: участвуют все! Но практически никто из профессиональных авторов, а в большинстве своём самодеятельные пииты и барды.

Любой желающий присылает свои тексты и песни, например, на электронный адрес того же конкурса «Зов Нимфея». Если отбирается на окончательную стадию, а отбираются практически все, то принимает на себя определённые

условия. Обязуется за свои кровные участвовать в конкурсе, что включает проезд, проживание и т. д., вплоть до оплаты лежака на морском песочке. Удивляет? Дело в том, что это своего рода завуалированная форма летнего отдыха. И организаторы подобных «состязаний» выступают, по сути, в роли диллеров частных пансионатов.

Люди едут отовсюду на конкурсный отдых, особенно из северных мест, а если кто, например, из Израиля, то вот вам и международность обеспечена. Расчёт верный, тянутся любители почитать стихи и попеть, особый интерес имеется у восторженных дамочек определённого возраста, но не будем о грустном. В программе не просто экскурсионные посещения, а, например, выступление в Ливадийской дворце, где заседали Сталин, Черчилль и Рузвельт. До чего же «прикольно потусоваться» на фоне их теней!

Цель международного «Зова Нимфея» косноязычно заявляется как «осознание персональной ответственности в стремлении к высотам духа, воплощении высоких идеалов Поэзии», а также «поощрение творческого взаимодействия участников Слёта для создания новых выдающихся произведений».

Организацией «творческого взаимодействия» занимаются Александр Ткаченко, среди обозначения видов его деятельности значится «соучредитель и председатель Правления КРООПЛИ «Академия литературной экспертизы» (?!), и координатор Светлана Тимофеева – автор проекта «Зов Нимфея», поэт, автор-исполнитель, психолог, арт-терапевт (?!), член Правления помянутой Академии. Есть во главе «Зова Нимфея» и солидник – уважаемый писатель секретарского уровня СП России из Москвы с членством и титулами. Конкурсанты охотно на всё это клюют.

Может, сами «академики экспертизы» и хорошие люди, но к литературе профессионального уровня имеют опосредованное отношение, не являясь даже членами Союза писателей России, правда, Тимофеева и Ткаченко – члены местного литобъединения самодеятельных авторов. Их собственные произведения, как показано выше, производят удручающее впечатление, а ведь они, назначив себя членами жюри, ещё занимаются экс-

пертизой творчества других. Это даже не смешно! Представьте, куда они поднимают общий уровень конкурсантов.

Но оба – бойкие организаторы, действуют себе не в убыток. Привлекают спонсоров, выходят на властные структуры. Влияние их растёт. А кто, если не они?

Прошлогодний слёт проходил в этом же пансионате «Дружба». Требовалась заявка и оплата оргсбора за участие в мероприятии от 6000 до 7000 руб. Проживание и питание участники оплачивают отдельно. Перечисление на счёт ИП Тимофеевой Светланы Рудольфовны или лично на неё почтовым переводом. А сам Международный (седьмой) поэтический слёт «Зов Нимфея» проводился по ИП, скорее всего, как «образовательные, информационно-консультационные услуги», по крайней мере такой род деятельности определялся индивидуальному предпринимателю биологу-психологу С. Р. Тимофеевой.

Ныне значится иной организатор – КРООПЛИ «Академия литературной экспертизы». Звучит более чем солидно. Но что означает аббревиатура, проставляемая на всех дипломах и грамотах? Это всего-навсего Крымская региональная общественная организация оказания помощи литераторам инвалидам. Вот, собственно говоря, кто и является на сегодня учредителем «Зова Нимфея».

Ничего в этом зазорного нет. Но, участники и лауреаты, знайте уровень «Зова Нимфея» и его весомость, вернее, легковесность. Сами не заблуждайтесь и не вводите в заблуждение своих земляков. А то уже в местных СМИ после прошлогоднего слёта расписываются достижения воркутинской литературной школы. Или утверждается на сайте Администрации Урмарского района Чувашии, что «на зов Нимфея слетелись сильнейшие поэты и музыканты и в жесточайшей борьбе представлявшая Чувашию Татьяна Дорофеева-Миро удостоилась ряда дипломов», например, за басню и декламацию.

Участвуя однажды именно в таком слёте «Зов Нимфея», воркутинский автор Ольга Хмара и отхватила сразу несколько своих лауреатств в разных его конкурсах наподобие тех, что обычно проводятся в школах, домах культуры, библиотеках,

санаториях среди любителей потусоваться, что и немудрено – всё-таки член СП России. Хотя и безапелляционно слагает:

*Узнай меня, поскольку ты мне мил,
(Причин для узнавания нет особой!) –
По группе сна не знающих чернил,
И почерку души, и рифмы пробе.*

До чего же умиляет слово «особей» – знать бы ещё только чьих! «По группе сна» и «рифмы пробе» тоже любопытно.

Засветились на «Нимфее» и другие члены СП России: Татьяна Тетенькина (Калининград), Валерий Жукин (Шатура, Московская обл.), Владимир Корнилов (Братск, Иркутская обл.)... Беда с членами Союза композиторов, вот их, кажется, вовсе нет. В любом случае означенные лица-профессионалы служат своего рода приманкой для тех любителей прекрасно-го, кто жаждет славы.

Между тем градус награждения повышается. Так, в этом году по решению Правления Академии литературной экспертизы Почётной медалью «За заслуги перед русской литературой» был награждён Владимир Корнилов. Скоро и ордена пойдут в ход...

Впрочем, гордиться признанием среди самодеятельных авторов, да ещё за свои денежки, мало чести. «Дипломированные» участники, в основном, понимают несуразность своего статуса, поэтому в творческих справках и на сайтах не конкретизируют странные «награды», называя их международными. Вот, например, кого-то признал победителем в конкурсе на лучшее стихотворение Керченский союз монархистов, местная общественная организация. Это, если собирать в качестве признания грамоты таких общественников, жизни не хватит.

Многочисленные конкурсы у моря знающие люди метко окрестили – междусобойчиками на лежаках. Лауреаты везут домой дипломы, подарки и впечатления, за всё-то заплачено. Земляки поражаются, дивясь успехам конкурсантов, а те упиваются известностью, ведь отмечены на Международном конкурсе. Появляются публикации во славу «Зова Нимфея»

не только на местах, но и в центре – например, в «ОПГ» («Общеписательская литературная газета»)

Всяхо, или «Злое в глазу, как бревно...»

Итак, что мы имеем?

Точкой опоры стало название древнегреческого города Нимфей (святилище нимф), что находился южнее Керчи. Организаторы взялись реконструировать давние времена состязания поющих поэтов. Но если греки были чисты душой, как дети, служа только музам, то ныне творчество замкнуто на коммерции.

По весне на сайте «Зов Нимфея» трубят сбор. Объявляется новый слоган слёта, например, «Триумф Афродиты» или, как в другом году, «Дары Муз». Вывешиваются условия, названия конкурсов, номинации и прочая. Даже темы в номинации «Стихотворения» даны: «Душа и чувства», «Патриотизм – право и долг гражданина», «Сила духа и нравственный выбор», всего более двадцати. Бесплатно рифмой по заказу, присылай, дистанционно тебя отрейтингуют и по баллам попадёшь во второй тур. Проходят в закрытую обычно все – чем больше участников, тем лучше для организаторов.

Стихотворения, тексты песен и сочинения оцениваются по пяти категориям: Форма, Содержание, Язык, Художественность, Одухотворённость (методика ФСЯХО). Действует оценочная шкала от 0 до 5 баллов, выводятся результаты.

«В конкурсных работах приветствуется: соответствие содержания и формы заявленной номинации и теме; цельность произведения, полнота раскрытия темы; афористичность и естественность изложения; умение пользоваться средствами художественной выразительности; поэтический язык, одухотворённость; сила (убеждения и) эмоционального воздействия, оригинальность идеи, неожиданность сюжета; творческая индивидуальность, социальная значимость произведения» и т. д. Всё это напоминает методичку для школьного учителя. Да только причём здесь сама литература!

Вам непременно пришлют персональное приглашение, оговорив, чтобы не распространялись о ценах, мол, скидочку делаем. А приехал, вот тут уже плати за всё! Проезд, проживание, питание, организационные сбор, дипломы, публикация в альманахах. Это и есть оказание услуг.

Никто не остаётся без наград – дипломы и грамоты за свои денежки получают все. Благо процесс их штамповки отлажен. Среди видов действительности «Академии...» есть изготовление печатной продукции. Лауреат международного конкурса! Звучит-то как солидно. Главное, в рамочку или на сайт, электронная версия – легко! Пусть другие умирают от зависти.

По заслугам и честь. Если кто особо отличился, как, например, завсегдатай конкурсов «Зов Нимфея» Борис Мызников из районного городка Ртищево Саратовской области, то такому герою вручается всем наградам награда – Почётная грамота Министерства культуры Республики Крым за подписью заместителя министра Т. Манежиной. Формулировка стоит того, чтобы её привести: «за высокое профессиональное мастерство и (внимание!) выдающийся личный вклад в развитие отечественной культуры».

Чем же так славен Борис? А вот хотя бы такими, с позволения сказать, стихотворными строчками: «Струна натянута до одури...» и «Я в парус ветер свой вдуваю...» «Развиватель» отечественной культуры из районного центра вообще-то элементарно неграмотен (см. «Стихи. ру», авторская редакция):

*Неужели во взгляде лишь похоть
Или злое в глазу, как бревно
Дон Жуана играю я плохо
Как Ромео люблю горячо.
Я в роскошных одеждах не прячу
Душу можно ль сокрыть под тряпьем
Верю в случай, фортуна, удачу
До сих пор вот хожу бобылём.
.....
Но в кривых зеркалах отражаясь
Я маячу в глазах у тебя*

*Видишь Монстра, и ужасаясь
Ты бежишь от меня вникуда.
Может просто однажды не всуе
Мне в глаза посмотри и поймёшь,
Что люблю, я тебя, и целуя,
Ты меня к рукам приберёшь.*

Так что судите сами, права ли зам. министра госпожа Т. Манежина, отметив бобыля-саратовца Б. Мызникова Почётной грамотой за свершения? Пусть только этот ртищевский бард и компьютерный обработчик мелодий почти всех нимфеевцев разместит награду на своей страничке знакомств, где проводит кастинг невест и выставляет им оценки по нимфеевской пятибалльной шкале. Может, какая корректор (запрос от 35 до 40 лет) глянется, приберёт к рукам 56-летнего бобыля, заодно и грамотёшку ему подтянет.

Все участники слёта громко именуются поэтами и композиторами. А ведь они в своём большинстве тянут всего лишь на самодеятельных авторов. Любят сочинять в рифму, играть на гитаре да и петь, конечно. Однако это далеко не литература и не музыка. Вспомним Высоцкого, считавшего себя исполнителем авторской песни. Язык не поворачивается назвать его композитором. Не нравится быть исполнителями авторской песни, зовитесь бардами. А то сразу – композиторы, композиторы!..

На конкурсе лихо раздаются премии, благо рука набита. Тут тебе и Некрасовская, и Кольцовская, и даже Гомеровская – в последнем случае с придыханием добавляется, что она единственная в мире. А диплом выписывает тот же вездесущий Александр Ткаченко как председатель правления КРООПЛИ (без расшифровки!) «Академия литературной экспертизы». Причём здесь Нимфей и инвалиды? Видимо, льготное налогообложение.

Хотя и Гомер был слеп.

Но вдумайтесь: лауреатство от региональной общественной организации помощи литераторам инвалидам!

...Минет год, и снова полетят бабочки на «Зов Нимфея». И ветераны этого толковища, и новообращённые авторы. А как иначе, если насмотрятся фото нимфеевцев в логотипных майках или древнегреческих одеяниях, поразятся красочным дипломам «поэтов» и «композиторов»?

Творческие люди сами хотят обманываться, рады порой тому, что их держат за дураков. А иначе и не скажешь, видя профанацию литературы в таких масштабах. Можно бы попенять Союзу писателей России, да только где прежний авторитет у этой организации, которая и сама переживает сложный период? Вот и получается, что из-за собственной немощи профессиональным писателям остаётся только наблюдать да подыгрывать своими именами и авторитетом таким «деятелям культуры», как главный герой нашего повествования.

Ладно, бог с ним, со вторым возрастом: графомания – бессмертна! Но ведь те, кому нет ещё 18, глядя на подобную «литературу», «музыку» и «экспертизу», решат, что так и должно быть в нашем Отечестве, где Слово изначально свято.

И станут юные внимать Гомеру в костюмированном представлении уровня домашнего спектакля. Любит играть эту роль Ткаченко, покрывая лысинку, кажется, лаврами. Однажды-то он, вроде бы в шутку, обронил: «Вот как мы из дураков делаем тут поэтов». Шутка ли?

И станут юные впитывать безграмотные тексты, приближительную музыку тех, кто жаждет собственного прославления любым способом на руинах древнего Нимфея...

P.S. РУДИМЕНТ ТКАЧЕНКО

Тем временем Ткаченко и Птицасвета не унывают. Объявлен новый набор в школу дураков. Нет, Саша Соколов здесь не причём, это так полагает согласно своей дуракологии Ткаченко. Опять конкурсы, номинации, опять баллы, опять заявки, опять размещение, опять международные дипломы и медали – сделаем красиво и упакуем, но только за ваши денежки... Литлохов для бойкой парочки хватит.

Однако фирма начинает давать сбои. Затеяли издать сборник собственных песен, но так чтобы не потратиться, а ещё поиметь маржу. Стукнулись в Союз пенсионеров России, мол, Крымская региональная общественная организация помощи литераторам инвалидам «Академия литературной экспертизы» претендует на получение Президентского гранта с заявкой «Новые песни России». И уже было раскатали губу: сборник с нотами издаётся тиражом 2000 экз. и рассылается учреждениям культуры РФ. Как говорил незабвенный Остап, почём опиум для народа?!

Обсуждение претендентов на грант свободное. И решение, вполне вероятно, принималось с учётом того, что о лохотронной деятельности этой прикрывающейся инвалидностью организации рассказывала «Литературная Россия»

И таки случился облом. А как ещё, если априори уровень этих песен самодеятельный и по музыке, и по текстам. Тут и к гадалке не ходи!

Так что осталось потешить самих себя самодельной книжечкой с презентацией на очередном слёте бабочек в сентябре – за свой счёт в пользу ясно кого, но сие не возбраняется. Хорошо, что хотя бы учреждения культуры РФ избавлены от страданий при разборе песенных поделок нимфейманов и нимфейманок.

Частный фейковый международный слёт «Зов Нимфея» – порождение прежних времён, когда Крым был иным. И не секрет, что тогда среди некоторых местных считалось хорошим тоном околпачить отдыхающих, куда вам, дуракам, против нас – вумных как вутка и ещё вумнее. Впаривали и будем впаривать туфту.

...Уезжая из частного отеля рядом с пансионатом «Дружба», вдруг пригляделся к настенной карте мира, странной для такого места. Крым был обозначен как Украина. Если это рудимент настроения, то зачем?

Да и рудимент Ткаченко опять же...

P.P.S.

После публикации в газете «Литературная Россия» этой статьи «Зов Нимфея» почил в бозе. Ни слуху, ни духу. Правда, нервическая поэтесса-бабочка сама по себе залетала на прежнее место. Да только дураков там больше нет!

«Смущенная рука», или Прощай, друг Вася!

Вокзальные часы в этом городе вместо боя играют музыку Калининкова. Знакомая девушка, сотрудница солидного учреждения, сама натура поэтическая, предложила Филимону – предмету своего обожания – встретиться под ними. Встретиться необычно: она сюда, в родные пенаты, заедет с юга, а он, возвращаясь из столицы, где должен быть по казённой надобности, сделает тайную остановку... Погуляют берегом Оки. Напитаются бунинским и тургеневским воздухом... А там, глядишь, произойдёт главное, ведь их дружеские отношения затянулись – никак не мог определиться Филимон, всё смущался да смущался.

Однако нерешительный герой не осчастливил перрона – проскочил мимоездом, хотя и обещался прибыть на свидание к доверившейся ему девушке. Всякое бывает! Только, вероятно, остерёгся молодой редактор областного издательства, обладатель партбилета Филимон, подающий в ту пору литературные и административные надежды, пускаться во все тяжкие. Адюльтер да разводы в застойную пору не приветствовались – карьера точно бы сорвалась.

(Из рассказа донского писателя)

... Бывает, слышу я эту калинниковскую мелодию. И берedit душу другая история. О том, как тот, с которым я знался страшно сказать сколько лет, стал моим бывшим другом. Или даже – врагом... Понять трудно, как такое случилось. Впрочем, всё по порядку.

Жил-был мальчик Вася – в селе Кашары, что по дороге в Вёшки. Рос – и вырос. Стал пописывать в тетрадки. Со стихами не заладилось, а вот прозой увлёкся... Талант открылся у Василия. Заочно учился в Литинституте. Взяли в газету – литсотрудник, зам. редактора. Одно время оказался «на руководящей комсомольской работе: был вторым секретарём Кашарского РК ВЛКСМ» (так в писательском справочнике).

И вот – перст судьбы!

Один известный своей совестливостью большой Писатель обратил внимание на молодого перспективного автора из глубинки. Стал ему содействовать, как по обыкновению он это делал для всех, кто начинал литературный путь на Дону. Не без его участия состоялся переезд Воронова в Ростов с устройством на работу в Ростиздат. Активнее пошли публикации – рассказы, очерки, первая книжка...

Всем нравился Василий Воронов: молодой, улыбчивый, донельзя стеснительный – помнится, чуть ли не с длинными девичьими ресницами. Резко отличался от нахрапистых начинающих авторов – ничего не просил и не требовал касательно своих публикаций.

Всё у него печаталось с ходу: пиши только! Кто не был знаком с мнением Писателя: в донскую прозу пришёл значительный талант, и он пока молод, но ещё покажет себя! Литературная молва не возражала и всячески развивала в положительном смысле такую точку зрения.

Тогда на Дону все ждали нового Шолохова. И Воронов идеально подходил на эту роль. Пусть первые публикации были со следами ученичества, пусть очерковость то и дело пробивалась сквозь художественную ткань повествования, да и подражание русским классикам замечалось... Пусть! Не это главное. Главное, что есть надежда: уйдут авторитетные донские старики-писатели – и Василий Воронов продолжит их славу.

А тем временем Василий Афанасьевич обживался в Ростов-городе. Зимой щеголял в белом нагольном полушубке и с папочкой. По теплу хаживал в ином одеянии, но опять-таки – с папочкой.

Чувствовалось: вот-вот пойдут шедевры. Клянусь, всем в это верилось, а мне – особенно! Мы сдружились с Василием ещё в Ростиздате. Там долгое время не удавалось подобрать редактора в редакцию художественной литературы, и в силу ряда обстоятельств выбор пал на меня – в том числе из-за того, что Воронов отказался «переходить на литературу» из своей сельскохозяйственной редакции. Так мне пришлось оставить самый уютный на свете город – родной Азов. Видимо, «варяжество» нас сблизило и повело вместе по жизни.

И тут перст судьбы волею Писателя вновь указал на Василия, который должен был представлять Дон на Всесоюзном совещании молодых авторов. Наставник сам аттестовал его на страницах «Комсомольской правды» как новый талант, выпестованный донской глубиной. Правда, открытием совещания Воронов не стал, а своей поэтической самобытностью всех поразил Владимир Фролов. У него сразу вышли книги в Москве, он получил членство в СП. Наш Василий мимо всесоюзной славы прошёл стороной, но с кем не бывает...

Зато он стал встречаться с Шолоховым – раз пять, наверное, виделся с Михаилом Александровичем.. И этому опять-таки способствовал ангел-хранитель. Попасть к Шолохову многие хотели, да удавалось это далеко не всем. Требовалась серьёзная аттестация, и она у Воронова была. Василий хорошо писал о встречах с живым классиком, и эти газетно-журнальные материалы шли на «ура» не только в области, но и в центре.

Правда, однажды случился облом. Ростиздат взялся срочно подготовить на партийную злобу дня тематический сборник о продовольственной программе. Эх, вот бы Шолохов своё предисловьице дал! Грех было не использовать тут Василия, проторившего дорогу в Вёшки. Посланец и привёз Михаилу Александровичу заготовленный текст: дескать, можно подмахнуть и вся недолга! Писатель, глянув на бумагу, только и сказал: «Пусть полежит...» Тем дело и кончилось.

Плоховат уже был в ту пору Михаил Александрович. Наш Василий, конечно же, не мог не понравиться ему. Молодой, открытое лицо, застенчив. Сожалеет, что сам не из казаков, но

Дон любит, пишет о нём. Требуется рекомендация для вступления в Союз писателей? Конечно, надо дать. Вместе с Шолоховым рекомендовали Калинин и Закруткин. В Ростовской организации при приёме никто этому не удивился – привыкли уже к мысли, что Василий Воронов скоро станет если не выдающимся, то значительным писателем.

«Удивились» в московской приёмной комиссии и большинством голосов отказали соискателю писательского звания, посчитав, как рассказывал член комиссии, известный критик М. П. Лобанов, что «громкие рекомендации» не подкрепляются вороновскими текстами. Конечно, это было несправедливо. В Ростове возмущались, но кое-кто и злорадствовал. Поговаривали даже, что случившееся, дескать, некая замысловатая месть Шолохову и иже с ним... Это полная чушь! Спас положение опять же заботливый Писатель, который на похоронах Шолохова подвёл Воронова к Михалкову и попросил о нём. Всё было сделано, и Василий получил членский билет.

Издательский трамплин вынес нашего героя к определённым высотам. И он полетел дальше.

Дальше была газета «Советская культура», где скоропостижно умирает прежний собкор по Ростовской области, и Воронов опять-таки благодаря участию своего благодетеля занимает весьма престижное по тем временам место. Тут тебе и новая – в центре – квартира, и прочие номенклатурные блага. С 1981-го по 1985 год был на важной должности. Ожидание шедевров затягивалось.

Возможно, газетная подёнка тяготила или что ещё, но Василий наметился на пост главного редактора журнала «Дон», где лет десять работал А. М. Суичмезов, чей возраст приближался к 75 годам. Александр Михайлович, изнервничавшись по поводу своего предрешённого ухода, умирает, и Воронов занимает его место. Авторитет у Василия Афанасьевича, поработавшего в газете ЦК, к тому времени имелся. Да и редакция журнала «Дон» встретила его с распростёртыми объятиями.

Первым делом он назначил меня, уже заведовавшего тогда отделом прозы, своим заместителем, а вторым – повесил в своём кабинете портрет Горбачёва. Шла перестройка. Кон-

чилась одна жизнь – и началась другая. Вспоминается много чего любопытного, хотя это уже тема иного повествования.

Воронова узнал ближе, всякое случалось – хорошее и плохое. Но – мы были вместе. Как там у Джека Лондона? «Мы спина к спине – у мачты...» журналу надо было выстоять, потому что всё валилось и в стране, и в литературном деле. Вороновские шедевры, пока ещё, правда, предполагались. Публикации у него, как и ранее, проскальзывали, но ожидаемого нами, его друзьями, заметного резонанса на всю читающую страну не получалось.

Худо-бедно журнал «Дон» дотянул до 1991 года. И тут подошёл край. Тираж падал, менялся статус издания. «Дон» раньше давал хорошую прибыль, а теперь в одночасье стал убыточным. Сотрудники сидели без зарплаты, а их в штате – полтора десятка человек. Надо было спасать журнал или спасаться самому. Воронов выбрал второе, и после того, как выпустил в надежде удержаться на плаву номера с импортной завлекухой, объявил весной 1992 года, что уходит в новую престижную газету «Федерация». Собственно, подобным образом поступали в то время многие, и числившие себя по литературному ведомству другие сотрудники журнала «Дон» не составляли исключения. Зазорного в этом ничего нет – каждый сам выбирает себе судьбу.

Журнал «Дон» стал моим крестом, а ты, Василий, вскоре после «Федерации» пробовал себя в «Молоте», в «Крестьянине», в частном издательстве «Новая книга», прирабатывал на стороне... Наверное, в житейском плане не всё устраивало, пошли семейные неурядицы... Утешения слабые духом зачастую ищут понятно где. Вроде лечился, но, судя по всему, так и не очень вылезился. О шедеврах уже никто не вспоминал. Справедливости ради скажем: многие знакомые сожалели, что всё так обернулось для поддававшего... – тьфу! – подававшего надежды.

И ещё – беда: перестал опекать, поскольку ничем уже не мог помочь, страдавший за страну Писатель. Ему самому приходилось нелегко: открестились друзья-писатели, кое-кто попрекал прошлым – мол, не сменил своих убеждений, до суда дело доходило... Правда, в конце жизни власть вспомнила о Писателе,

и ему воздали должное. Зароились вокруг него местного разлива литераторы, торопились отметить встречи с ещё живым классиком советской литературы, может, и себе чего попросить. Сколько их, учеников и учениц Писателя, развелось!..

Мучает меня странное описание внешности 80-летнего Писателя, данное Вороновым, думаю, из самых лучших побуждений. Считая его последним романтиком, Василий пишет: «На могучей голове клочками торчали седины, маленькие глазки блестели остро и виновато». Конечно, из-за языковой неряшливости автора создаётся совершенно иной образ – не тот, который в сердце и в памяти.

Напоследок Писатель – святая душа! – совершил доброе дело и для Василия. Уговорил прямо в его присутствии одного предприимчивого человека помочь издать вороновскую книжку. Тот ссудил немалую сумму: сто тысяchrублей! Василий уверил, что издание моментом разойдётся и деньги обернутся ещё с приварком. Ударили по рукам да и заключили договор. Книжка вышла пятитысячным тиражом, но далеко не пошла. Залегла у издателя, поскольку охочих до приобретения и чтения высокохудожественной прозы Воронова не сыскалось.

Тут – деньги надо возвращать кредитору. И по договору, и по совести. Василий Афанасьевич объяснялся примерно таким жалостливым манером: «Я – пенсионер, денег у меня нету. Возьмите в счёт долга мои книги...» Книги не берут. Злополучная история с бизнес-проектом долго тянулась...

А до этого хотел Василий свои финансовые дела поправить за счёт журнала «Дон». Прислал мне личное письмо – правда, через областную администрацию. Обратился по-свойски: дескать, Витя, что же ты, принадлежа к «власть имущим» (?!), забываешь старого друга – всё захапал и богатеешь на журнале «Дон», а мне, бывшему главному редактору и прочая, ни одной акции не дал?!

Старый мой друг, ты не Берегового слушай, а слушай сюда!

Двадцать лет тому назад простыл твой след в редакции. Много чего за это время изменилось, но журнал «Дон» неизменен. И Петров ничего себе не присвоил – всё до квадратного метра осталось в госсобственности. Все 100 процентов акций у Российской Федерации: туда и обращайся, дружок!

Приходит на ум разное несуразное.

Сперва-то, как затеялись перемены, Василий прильнул к демократическим силам. Кабинетный портрет Михаила Сергеевича, конечно же, звал посетителей к новым зияющим высотам в области литературы. И сам главный редактор В. Воронов, как должностное лицо, обзавёлся при содействии сведущих людей изданной в ламинированном переплёте подшивкой всех вышедших ударных номеров страшно популярной в ту пору газеты «Московские новости». Видимо, чтобы более вдумчиво постигать либеральную парадигму. Должно быть, сохранился объёмистый подшив – бумага-то была первосортная.

Потом уже стало не до мировоззренческих взглядов, если Воронов, как он сам печатно признаётся, «не так пристально следил за литературой и читал далеко не всё опубликованное коллегами».

Примечателен следующий случай.

Обзаведясь новой роднёй и не имея на ту пору собственного жилья, Василий перебрался в Старочеркасск, где стал хозяином в приобретённом для него доме. Жизнь сельская известно какая – всё и все на виду. А тут – очередные выборы. Супруга возьми да и окажись на избирательном участке наблюдателем от левых. Станичники в большинстве своём проголосовали за оппозицию. Какой власти такое понравится? Стали искать стрелочников. Решили отыграться и на семье Вороновых. С участием милиции взялись разбираться не то с межой, не то с забором... Вышла потасовка, кажется, и протокол составили. Эту историю поведал мне сам Василий.

Как тут не встать на защиту друга и писателя! Помочь можно было только словом. Через управление культуры Аксайского района договариваюсь о проведении в Старочеркасске литературной встречи с авторами журнала «Дон». Главная идея приезда писательского десанта: люди, знаете, здесь, в станице, рядом с вами живёт и работает авторитетный писатель, гордость всей донской литературы. Не трогайте его!

Приехали на специально выделенном автобусе: писатели – один лучше другого, даже был известный литературовед из Москвы. Выгузились у клуба. Подошли, чтобы поуча-

ствовать в благом деле, ещё два старочеркасских члена Союза писателей. Время начинать акцию, а Василий Афанасьевич задерживается. Но мы ведь с ним обо всём договорились, всё уточнили. Странно. Что случилось? Отправили ходока к нему домой, и тот вернулся ни с чем. Не достучался, не докричался... Видимо, оказался Василий не в состоянии готовности. А литературную встречу редакция журнала «Дон» и писатели провели на должном уровне. Вот передо мной лежит памятное фото. Говорили самые лестные слова и об отсутствующем.

Да, я помог Воронову стать председателем. А как иначе? Союз уже с год как лихорадило. Фролов долго болел, был при смерти... Всё это время Береговой всячески пытался прибрать к рукам безжизненную организацию. Даже на выборном собрании в одной упряжке с Можаявым был против Воронова. Перед этим возил я Василия в знаменитый хутор, чтобы заручиться поддержкой Писателя-патриарха. Авторитетное «добро» и было предъявлено собравшимся на Серафимовича.

Единственно о чём я дружески просил Василия при его жене Надежде, так это сдерживать себя... Он уверил. Но как я был наивен!

Итак, Василий Афанасьевич сел в руководящее кресло. Ранее он уже побывал сопредседателем вместе с Фроловым, и этот случай вспоминается как казус. Занимался невесть чем, разве что сумел протолкнуть через Москву в писатели Рябцева, опосля исключённого из СП. Тогда деятельность Воронова сама собой сошла на нет – благо, на своём месте был Владимир Фролов.

Теперь требовалось работать самому, а вот это мы, увы, разучились... Изрекать, рассуждать, давать указания – пожалуйста, и чтобы кто-то был на подхвате. А Береговой тут как тут. Дальше пересказывать уже не раз говоренное нет смысла. Чем улестил Береговой нового председателя, лучше бы спросить у них самих, но только через каких-нибудь полгода Воронов обходиться без него уже не мог. Додумался даже до награждения того при всём честном народе злополучной красной папочкой якобы от имени Губернатора.

Так начинался – нет, не раскол! – развал писательской организации с дальнейшим, не хочется думать, скорым концом. А ведь

это ещё Фролов предрекал: «Ребята, вы доживёте до того, как не станет нашего Союза...» Не верилось – и вот, пожалуйста. Да речь не о том, что придётся распускать региональное отделение! Оно может и существовать как сейчас, но талантливых и совестливых писателей-профессионалов там не будет. Будет ещё одна общественная организация уровня графоманского литобъединения с дикими по этой причине правилами внутреннего распорядка.

Печалит, что обманулись с шедеврами – ясное дело, их уж точно не получим. Видать, подействовал известный «стилист» Береговой на Воронова и в литературном плане. Вот на вскидку пара-тройка цитат из вороновских текстов.

Словесный портрет одного уважаемого писателя: *«Стройно высок, породистая стать, осанка. Строгое, почти аскетическое лицо. Глубокий, мягкий изучающий взгляд. Молча и крепко пожал мою смущённую руку. Глаза наши встретились. Долго молча смотрел, губы чуть тронулись в улыбке...»*

Сам о себе: *«Я не стал говорить тогда своё впечатление от книжки».*

А уж циркуляры от Воронова – песнь песней! Приведу славный оборотец: *«оказывать на них давление с целью получения от них действий, необходимых для осуществления любых своих целей».*

Кто так пишет! Это пишет, по идее, ведущий наш письменник, глава, так сказать, всего писательского сообщества.

Что имеем в остатке? Пока ничего хорошего. Официально значащая писательская организация под председательством В. А. Воронова и руководством А. Г. Берегового в существующем виде – это уже не творческая организация, а нечто совершенно несообразное.

А между тем уважаемый Василий Афанасьевич регулярно протягивает «смущённую руку» знамо за чем...

* * *

Жена укатила к дальним родственникам, и беспривязный Филимон запил по-чёрному. Дня три не просыхал, всё гудел-гудел – благо, водярой запасся впрок.

Только среди ночи, одуревший, пухлый лицом, Филимон вдруг встрепенулся и вперил бессмысленный взор в окно, где бешено сияла луна. Чёрт знает отчего ему стало страшно. Кинулся к двери – не поддаётся. Забыл с переляку, в какую сторону открывается, стал ломиться, хотя мог бы потянуть ручку на себя. Дыхание перехватило, ужас тряс. Не выйти: пропал!

И тут нашарил топор, стал с воплями рубить... Сам ли он прикусил от усердия язык или занозистая щепка ему туда угодила, только умылся бедолага кровавой юшкой. Соседи спасли – дверь открыли, повязали да и спровадили к эскулапам.

Вернулся Филимон героем – язык подшили. Чуток, правда, пришепётывает – да ладно...

(Из рассказа донского писателя)

Звонок Суслову... на том свет

Забываться стал Воронов. Вот он пишет о Михаиле Дмитриевиче Соколове, бывшем главном редакторе журнала «Дон»: «Маленькие глаза... Породист... Весь из гранита». Но ведь подобное было у него и о Калинине: «Маленькие глазки... Мощный, как горный валун... Похож на породистого древнего римлянина». Посочувствуем: описался.

Однако забывчивость Василия Афанасьевича прогрессирует. Хронически путается наш писатель во временах не столь отдалённых. Увлечённо и со смешочками рассказывает историю про украденное авто Соколова в пору горбачёвской перестройки. Вот уж воистину, слышал Воронов звон!.. Иначе бы в подробностях не живописал: «Три дня Соколов не находил себе места, звонил секретарям обкома, возмущался. В конце концов, позвонил М. А. Суслову...»

Куда-куда позвонил?! Это, выходит, на тот свет? Михаил Андреевич Суслов – царство ему небесное! – ещё в 1982 году преставился, а на дворе-то с 1985 года перестройка гуляет. Угнанную машину, по словам автора, ищет КГБ и таки находит, но в каком виде... «На сиденьях – следы от окурков, бутылки и банки(!) из-под пива...»

Так вот, в означенную пору Сулова *уже* не было, а банки для пива *ещё* не появились. Уж вы-то, Василий Афанасьевич, всё это хорошо должны знать! Однако, по вашему разумению, упокоившийся тёзка М. Д. Соколова теперь сам даёт о себе знать... с того света: «Опять же по звонку Сулова в гараже обкома заменили двигатель, привели машину в порядок».

Любит поминать В. Воронов своё главредство в журнале «Дон» – вот и пишет в злополучном эссе «Ленина видел...» про личный кабинет апреля 1986 года. И если здесь он по-аптекарски точен в дате, то «уникально кристальной своей цельностью» Михаила Дмитриевича хоронит раньше его истинной кончины в ноябре 1992 года, удовлетворяясь тем, что тот не дожил «до катастрофы КПСС и падения советской власти». Это у автора он не дожил.

Путается также Воронов в тексте и с руководителями Ростовской писательской организации, считая оным П. В. Лебеденко, который у него в этом качестве навещает Соколова, хотя с 1986 года таковым был Г. А. Сухорученко.

Сам-то Василий Афанасьевич, находясь благодаря самоличным приказам в более чем годичном отпуске, хотя бы помнит, что он числится председателем Ростовского регионального отделения СП, а его полномочия исполняет не то начальник транспортного цеха, не то кто ещё другой с писательской печатью на руках?..

Человек публичной профессии

Везёт Шолохову на плагиаторов!

В своё время «Литературная Россия» рассказала о том, как небезызвестный Юрий Кувалдин напечатал журнале «Наша улица» свою статью к 135-летию Ф. Д. Крюкова, куда, бичуя Шолохова и превознося самоё себя, бессовестным образом вставил фрагменты чужого текста. «Расхищению» подверглось предисловие Фёдора Бирюкова к однотомнику самого Крюкова «Рассказы и публицистика».

А в 2008 году газета («ЛР», №48) под рубрикой «Юркий период» опубликовала мой материал «Кто в писатели пошёл?», где на примере Ростова-папы говорилось о приёме в члены СП авторов с графоманскими наклонностями. Среди радетелей подобной практики выделялся «и. о. члена правления Ростовского регионального отделения СП, директор и председатель правления Ростовского отделения Литфонда Алексей Береговой, чью статью в газете «Российский писатель» (№17–18, сентябрь, 2008) нельзя было обойти вниманием, поскольку он на голубом глазу перекатывает целый кусок из статьи Н. М. Гордеевой («Писатели Дона», Ростиздат, 1986, стр. 11; «Дон литературный», 2006, стр. 69), начинающийся словом «формально...»

Вот как написано в оригинале: *«М. А. Шолохов формально не состоял членом писательской организации, но его внимание к развитию донской литературы, творческие связи с писателями, живущими на Дону, влияние на их деятельность его могучего таланта даёт право связывать имя великого писателя с организацией донских писателей. В писательской организации возникло и творчески развивается в литературе понятие «шолоховские традиции»...»*

Береговой слово в слово повторил кандидата филологических наук Гордееву в писательской газете и посчитал свою миссию выполненной, «приподнял», так сказать, донских писателей, да и сам отметился. Плагиат обнаружился.

Что делают обычно в таких случаях? Посыпают голову пеплом и публично винятся.

Но Береговой счёл себя обиженным. И подал исковое заявление в Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону о защите чести и достоинства, обвиняя в данном случае В. Петрова, а заодно и «Литературную Россию». Для пущей важности в исковой преамбуле написал о себе с упоением следующее: *«Я, Береговой Алексей Григорьевич, гражданин Российской Федерации – человек публичной профессии, который к тому же много лет занимается общественной деятельностью, связанной с литературой... Я просто вынужден привести почти весь спектр моей профессиональной и общественной деятельности. Я член Союза писателей России... член Международной Ассоци-*

ации писательских союзов... избран писателями председателем правления Ростовского регионального отделения Литературного фонда России, назначен руководством Литфонда России директором Ростовского регионального отделения Литфонда, избран членом бюро Президиума Литературного фонда России, членом Президиума Международного Литературного фонда, ростовские писатели оказали мне честь, избрав меня заместителем председателя Ростовского регионального Союза писателей России, я представлен и избран ими в Общественную палату города Ростова-на-Дону. Я уважаемый в писательской среде человек, мои книги пользуются популярностью у читателей и литераторов, губернатор Ростовской области наградил меня в день моего 60-летия благодарственным письмом...»

Это – песня, чуть ли не гимн.

Так и обязывает встать по стойке «смирно!» Но – вольно!..

В ходе судебного заседания был направлен запрос в Администрацию Ростовской области по поводу губернаторского награждения. Официальный ответ за подписью ответственного лица гласил: «Член Ростовской писательской организации Береговой Алексей Григорьевич в базе данных о поощрениях Главы Администрации (Губернатора) Ростовской области не значится». Как же так? Истец стал показывать судье странного вида красную папочку с непонятной бумагой без печати и с ксерокопированной подписью губернатора. Где он её взял? Оказывается, ему вручил эту папочку принародно в зале Донской публичной библиотеки председатель Ростовской писательской организации Василий Воронов. Так что вопросы – к нему. Думается, выяснением всех обстоятельств по данному факту стоит озаботиться Администрации Ростовской области, не исключено также и участие прокуратуры.

А тем временем Ленинский суд вынес решение.

Свою «претензию» к автору статьи «Кто в писатели пошёл?» Петрову и редакции «Литературной России», как к ответчикам, Береговой выразил в исковом заявлении дословно следующим образом: «Оскорбительное заявление на всю Россию о плагиате Берегового А. Г., который всего лишь использовался несколько строк из справочника. Согласно закону плаги-

ат необходимо доказывать, иначе это чудовищное оскорбление писателя, клевета на него, но Петров нисколько закон не смущает, ему главное запустить оскорбительный слух о писателе (грамматика и стилистика – всё как в тексте!)»

Так вот, решение суда по данной «претензии» оказалось отнюдь не в пользу истца А. Берегового, тем самым подтвердилась правильность позиции газеты «Литературная Россия» и её автора Виктора Петрова.

Стоит вспомнить, что статья «Кто в писатели пошёл?» заканчивалась словами: «В своё время председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев сообщал в Ростов о том, что Секретариат СП принял постановление: «Согласиться с решением Ростовской областной писательской организации исключить Е. Рябцева из членов Союза писателей России за плагиат и другие действия, противоречащие уставу Союза писателей России, не соответствующие профессиональным этическим нормам члена Союза писателей России и наносящие моральный ущерб Союзу писателей». При этом была дана справка: «Е. А. Рябцев принят в Союз писателей России в порядке исключения по апелляции сопредседателя правления Ростовской организации В. Воронова 16 марта 1995 года (протокол №4)».

Судя по всему, ничего не меняется на Дону, если в пору задаться вопросом: «Кто в писатели прошёл?»

ЦИТАТНИК

«Душа моя, надруганная фальшью...»

Интригующе названа книга Г. Студеникиной – «Человек». Да и, судя по заголовкам стихов, фантазией этот новочеркасский автор обладает весьма буйной: «Жаль», «Изыди», «Быть», «Может быть», «Не болей», «Не сердись», «Любишь», «Взойти», «Как же так!», «АХ!..», «Втрое», «Вспомню», «Смогли», «Предоставляю», «Лучше», «Неразделимость», «Ладность», «Запоздалость», «Угождение», «Пока», «Возвращаясь», «Не-

плохо», «Закажу» и даже «Зазвучу». Оказывается, материалом в этом случае могут быть практически все части речи, а если каких и нет – например, существительного «неразделимость», – придумаем!

В предисловии «автор напоминает читателю, что его творчество направлено на изыскания души человеческой и ни в коем случае не является приглашением к диспуту по теософии. <> ...душа – наиболее интересная и таинственная область человеческого познания. Возможно, именно в разгадке «загадок» души человека – ключ и к самому мирозданию?.. Давайте искать ответы вместе!»

Что ж, поищем. Хотя бы в программном, так сказать, стихотворении «Человек»:

*... Но дух
ни сжечь, ни заморозить.
Понять простое мудрено
тому, кто рад... хотя б занозить
то, что отнять не суждено.
Да, индальгенции покруче
любви эмблема и печать!..
Я Богом был любви научен,
а ею – Богу быть под стать.*

Это верно: круче некуда. И впрямь, мудрено «понять простое». Да и ответ автора на читательский вопрос «что есть человек?» (если всё-таки задаться таковым) весьма и весьма невнятен.

Впрочем, как невнятен он и в других стихах, где «о твои колени кошкою не трусь: // что там шёрстку – ты б... и сердце выел молью!» (то ли сердце моли по зубам, то ли моль мутировавшая?); «для тебя чтоб стать печатью за семью за «амбарными» замками» (здесь автор обнаруживает полное непонимание смысла устойчивых выражений «книга за семью печатями» и «за семью замками»).

Дальше – больше: «от мудрствований до безумств не шаг, не квартал – пол» (ну, тут вообще сложно понять, какой пол

имеется в виду: пол как противоположность потолку? пол как совокупность признаков организма? или всё-таки пол – как половина?); «*быть стало, путь мой недалёк...*» («быть стало» вместо «стало быть» звучит так же нелепо, как, предположим, «молоко с кровью» вместо «кровь с молоком»).

Но на этом нелепицы не заканчиваются: «*мы тет-а-тет на тайном вече*» (видимо, имеется в виду «тайная вечеря», но автора это не смущает); «*душа моя, надруганная фальшью*» (нельзя образовать в русском языке страдательное причастие от глагола «надругаться», но автору законы языка не указ); «*Звездю феерического света // взрываюсь и... свечусь!*» («звездю света свечусь» – тавтология в кубе – это надо умудриться!).

Великий и могучий, с которым автор столь фривольно обращается, чахнет от фразы к фразе: «*мы смерти сожгли фи-миам*» (то есть, буквально: мы смерти сожгли благовонное вещество?!); «*но мы плотнее инстинктивностью прижались...* // *Через ресничные приспущенные жалюзи – // полуразбужжено, дыханью в унисон // подрагивая ими, – в полусне...* // *судьба к судьбе, спина к спине*» (а всё куда проще, оказывается, загадочная «инстинктивность» всего-навсего спина, которой, почему-то одной на двоих, герои плотнее прижались!).

Ну, а «*бессонниц вёртких скукота*», которая «*трамплином стала озаренью*», «*гипноз буйной вьюги лепестковой*» и «*сквозь зелень, синь и серь...*» – это вообще без комментариев.

Продираясь «*сквозь*» студеникинскую «*серь*», оказываешь-ся в тупике. Ответов нет – сплошные вопросы. Ибо в этой словесной, по выражению автора, «*филиграни*» нет ни здравого смысла, ни поэзии.

«Угар монора... с заду списочного – в наперёд...»

Листаешь альманах «Донские волны» – и дух захватывает. До чего лихо обходятся с русским языком самодеятельные писатели Дона, собранные в Союз под председательством ка-

зачьего полковника Г. Маркова. Книжка «марковцев» изобилует грамматическими и стилистическими огрехами, всех ошибок и откровенных ляпов не счесть. Буквально ошарашивает заявление Татьяны Анисимовой по поводу трагической гибели Николая Рубцова:

*Как мне жаль, что порою крещенскою
Грудь не спас ты с крестом нательным!
... Занесённый со злобою женскою,
Был удар топора смертельным.*

Откуда топор? Окститесь, Татьяна!.. Скажете: не виноватая я! Не знала! А остальные, кто делал альманах – Рябцев? Касьяненко? Марков? И иже с ними? Вот так и родилась эта убийственная чушь о поэте...

Как всегда великолепен Николай Никонов. От лица пожилых людей ему «Сознавать приятно: / Думают о нас... / Как помочь нам выжить / И разбогатеть / Без моральной грыжи / Очевидно ведь!» После «моральной грыжи» все отдыхают! А Никонов и дальше самозабвенно работает над собой, решив услужить Первому лицу:

*Мы в Союзе писателей Дона
Верим Путину, а не тому,
Кто злорадствует в собственном доме,
Если в душу плюют Ему.
Да, не всё пока так, как надо.
Есть не мало проблем и бед.
Злопахателей канонада
Наших не замечает побед.
Им не выгодно. Как же можно
«Не желаемых» нас поощрять?!.
Потому и клянут безбожно,
Чтоб смешными самим и стать.
А ведь стали, коль проиграла.
Раскусил-таки их народ!
И вернутся теперь едва ли
С заду списочного – в наперёд.*

И пока «канонада... не замечает побед», пройдемся «с заду списочного – в наперёд».

Герой Г. Бугаёва свояк Наум уверен: если «Олигархов посадить, / Произвол их прекратить... / Денег хватит у страны / Старикам купить штаны...».

«Аппетит» разыгрывается у В. Дутова при виде поэтессы Зинаиды Мухиной:

*Мне бы эти чувства взять и скушать,
Чтоб во мне размножились они...*

*Написать как Мухина иль лучше
Могут только гении одни.*

.....
Зине аплодируем мы бисом...

Действительно, как тут зааплодировать «бисом» альманаху «Донские волны», выпущенному издательством «Литфонд»!

«Солнце село где-то между нами...»

Поговорим о женщинах, точнее, о сборнике Клавдии Павленко «Смотреть на дорогу» (Изд-во «Мальш», тираж 1000 экз.). Клавдия Ивановна смело формулирует своё заветное желание:

*Дожить хотя бы лет до ста,
Опять – влюбиться!..*

Куда там до неё писательскому руководителю из Новочеркасска Г. Маркову с его хрестоматийным слоганом: «На закате лет влюбиться, / А потом себя женить...» Нет, Клавдия Ивановна порешительнее будет!

*Пройтись немного в юбке-мини
На... не скажу в каком году.*

А тут ещё вдобавок:

*Подруги дёргают: «Решайся!
Уже причёска в серебре.
Ну, не ломайся, соглашайся!
Да где же, где твой «бес в ребре?!»*

Как – где? Рядом он, пусть у тебя и «причёска в серебре». Засим происходит: *«Навалилась чернотища, / Застонал, запел ветрище! / Холостой сосед, – / Жить ему сто лет, – / Всем надежды подающий, / Негулящий, малопьющий, – / Выпил, съел котлет. / Басом спел сонет. / Прочитал стихи на память. / В темноте сверкнул глазами / (Вылитый скелет!) / Починил мне свет...»*

Но оставим холостого соседа-скелета. Есть и другие. Тоже активные, под стать самой стихотворице. Об одном из них: *«О, горе мне! Не знаю, кто ты, – / а на плече твоя рука!»*

А до этой встречи случился казус – героиня попала на откровенности:

*Я была с тобою откровенной.
Флирта – чуть. Подолом не мела
Женщиной простой, обыкновенной
Постаралась быть... Но НЕ была.
Умирала под твоей рукою,
О другом не помнила почти...
... Психовал ты. Бледными губами
Прикасался к каменной щеке.
Солнце село где-то между нами...*

Конечно, записхуешь, побледнеешь, окаменеешь, если светило угодило *«где-то между нами»...*

Много чего умеет милый друг нашей героини! Например, владеет секретом нанотехнологии: *«Ты в каждый волос мой проник»*. И если она просит: *«На прядь за ухом у щеки тихонько дунь. Мне это надо!..»*, – то он ей туда и дунет.

Места пребывания

Третья арка

Дагестанский блокнот испещрён записями, и я всякий раз беру его с собой в Махачкалу, чтобы продлить прежние впечатления новыми. Переводить тексты на планшет не тянет – уйдёт живая неповторимость. И пока двухэтажный автобус с загнутыми усиками зеркал заднего вида выбирается из города за Дон, на трассу М-4, листаю его

Натыкаюсь на запись, помеченную 2007 годом. Было иное время, иная дорога, отдающая холодком беспокойства. Тогда долгим объездным маршрутом обычно ходил поезд, но уже появился и прямой автобусный рейс «Ростов–Махачкала». Перечитываю, и доносится эхо той поры:

«Запрокидывая голову, ловишь звук – стрелка журавлиного клина на небесном циферблате показывает юг. Тотчас душа взмывает вслед гортанному курлыканию птиц. И пусть бакинский поезд от Ростова томительно пробирается окольным железным путём по выжженному насмерть сухобылью приволжских степей, а рейсовый автобус, запинаясь на проверочных пунктах, настырно, час за часом, мотает км, катит туда, к отороченному белой пеной Каспию, на Махачкалу, где окликнет вокзальный таксист: «Здравствуй, земляк!..» Душа же твоя в мгновение ока оказывается уже там...

Там, в горах, обвитых потаёнными тропами Шамиля. В горах, чьи склоны испещрены стихами Расула Гамзатова. Там – Цада, родовое гнездо поэта, литературная столица Кавказа, там – любезный его сердцу Гуниб, осенённый первым в Да-

гестане памятником «Белым журавлям». Видит Бог: едва ли не самое благословенное место на всём белом свете!»

... И вот после ночного бдения в откинутах кресле, когда мечется темень за окном, а на телемониторе под крышей автобуса неостановимо идёт сериал «Ликвидация», приходишь в себя ближе к Махачкале, уже на дагестанской земле. Объятия писательской братии, затем – ритм встреч с почитателями своего классика.

Горы завораживают душу степняка. Крутые склоны говорят об определённости и законченности здешнего мира – ты отгорожен от сторонней суеты, ты всемогущ и горд парением горного духа, обращённого в журавлиный взмах. А как прикажете понимать вон ту по дороге на Дербент горную грядку, что образует узнаваемый профиль Александра Сергеевича, резко вычерченный пером самого нашего русского гения на полях черновика?

*Я хадж совершал в дагестанских горах,
Где Пушкина лик обращён к небесам.
Прости богохульство такое, Аллах!
Да разве поэтом ты не был и сам?
Медина и Мекка – святые места.
А здесь журавлиная музыка сфер
Во мне ль не опять воскрешает Христа?..
Была бы лишь вера – любая из вер!
И я мусульманином стану, клянусь,
Пленённый очами горянки одной,
Пускай только слово начальное – «Русь» –
Курлыканье птиц разнесёт надо мной.
Упала, разбилась звезда на плато,
Коснулся бумаги таинственный свет...
Прости же поэта, Всевышний, за то,
Что прочей бумаги не знает поэт.
Я грезил вершиной гунибской скалы,
Но твой муэдзин разбудил на заре...*

Читаю в Гунибе прилюдно своё стихотворение «Хадж», и как раз в этом месте раздаётся протяжный глас муэдзина с минарета. Почему так, что за совпадение? Необъяснимо! Заканчиваю чтение под голосовое сопровождение, кажется, самого неба.

*...И еду на север от Махачкалы –
Стихами обёрнут лаваш в сумаре.
Я хлеб разделю... А стихи? Что стихи!
Слагает их Каспий талантливей всех:
Омоет волна, и простятся грехи,
Но всё же один не отмолится грех.
Кому рассказать – не поверит никто,
А верят строке, где и правды – то нет.
Темнеет в окне моя ночь, как плато –
Так рви же бумагу на клочья, поэт!
Железная сценка летит напролом,
Бросаюсь к проёму и ветру кричу:
Нет лучше стихов, чем намаз и псалом!
И бьёт меня ветер, как друг, по плечу.*

Написан был «Хадж» после одной из прежних поездок в Дагестан. А гунибская скала, называемая Спящей красавицей, вот она – высится напротив смотровой площадки, откуда открывается непередаваемый вид на Турчадагское плато и где при стечении народа традиционно выступали писатели, приехавшие отовсюду на дни Белых журавлей. Так что «мой случай» засвидетельствовали Людмила Щипахина, Валерий Латынин и Наталья Попова (Москва), Эдуард Мамакаев (Грозный), Гамзат Изудинов (Махачкала), собственно все те, кто внимал выступавшим.

И уже потом откликнулась в своём электронном письме из Грозного по этому поводу Лула Куни «Действительно, переживаешь тайный трепет, когда ОН являет тебе подобные знаки... Это настраивает душу на нужную волну, помогает ощутить всем сердцем свою НЕОДИНОКОСТЬ в мире сем». Читал же я стихи по сборнику «Дотла», изданному журналом «Юность».

Книги тотчас лишился – её упросил подарить для библиотеки директор гунибской школы. А подошедший экскурсовод и редактор местного журнала, видя такое дело, просто пересняли страницы с «Хаджем». Автор был донельзя польщён, и в нём воскресла, забываемая подчас за суетой сует, вера в силу Слова.

Таким, пожалуй, был постскрипtum к годичной давности случаю в Пушкиногорье. Там затеялось писательское застолье, и поэты взялись читать по кругу свои стихи. Когда прозвучал «Хадж», то взвился некий гитарный пиит из Подмосковья: «Как?! Русский поэт не может так думать! Он православный, а они мусульмане...»

Объяснить на словах не получалось, возможно, хмель туманил голову ревнителю православия. Подействовали другие доводы, и он ретировался. Утром, протрезвев, подошёл извиняться не только ко мне, а и к Магомеду Ахмедову, прекрасному аварскому поэту, моему давнему другу... Как говорится – слава Богу! О чём думалось, пока шумел своим чередом праздник?

Горцы считают, кто не был в Гунибе, тот не знает Дагестана. Климат здесь не хуже, чем в швейцарском Давосе. Ясные дни почти круглый год. Водопады омыают слоистые скалы, окрест сосновые и березовые рощи. Сохранилась реликтовая с красно-розовой корой берёза о нескольких стволах от одного корня – памятник третичной флоры Кавказа. Встречается и уникальная чёрная берёза.

Эдуард Мамакаев, бывавший повсюду на Кавказе, попал сюда впервые и был поражён местными красотами. Мне признался:

– Теперь, после Гуниба, я понял свой Кавказ.

Но дело не только в экзотичном расположении на высокой горе самого аварского аула, овеваемого запахом сосен. Это место необычное, назначенное свыше для понимания мироустройства и свершаемости людских судеб не только ранее, но и сейчас. Скорбью Дагестана зовётся Гуниб. Полтора века тому назад здесь разыгрались трагические события, которым трудно найти нечто подобное в истории.

Жестокость бесконечной Кавказской войны поражает и сейчас. Тогда убитых было больше, чем умерших, заметил поэт. Казалось, будет вечен кровавый спор храбрецов имама Шамиля под зелёным знаменем и русских солдат, присягавших Государю. Потери исчислялись тысячами с обеих сторон. Горцы вели поистине партизанскую войну, нападая внезапно с гор на войсковые колонны. Шамиль готов был воевать с неверными, пока не будет снята с плеч его голова. В 1845 году терпят поражение войска М. С. Воронцова, который писал: «Мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль!» Имам мог собрать до полусотни тысяч воинов, и он в ту пору полностью владел горами Дагестана и Чечни.

Но кончилась Крымская война, и Россия взялась всерьёз за Кавказ. Там стала действовать 220-тысячная армия под командованием князя А. И. Барятинского. Между тем горцам надоело столь долго воевать, и они начинают оставлять своего вождя. Шамиль отступает и оказывается окружённым вместе с семьёй и верными ему людьми в ауле Гуниб. На предложение сдаться следует гордый ответ: «Гуниб – высокая гора, я стою на ней. Надо мною, еще выше, Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют». Молва сохранила и другие его слова: «Сабля остра, и рука готова!».

Штурм следует за штурмом. Вначале пушечный гул, потом перестрелка, рукопашный бой... Горцы отчаянно сопротивляются, но устоять не могут – русские сильнее. Много павших. Поражение Шамиля неизбежно.

Существует немало описаний того, как имам был принуждён к сдаче. Хотя и в деталях они разнятся, но все рисуют благородный облик Шамиля. Это много испытывавший человек. Он сделал свой выбор после того, как понял, что оставлен теми, кому всегда верил. Можно было сражаться до последнего, но чтобы тогда было, ведь уже во время одного из штурмов, когда Верхний Гуниб превратился в огненный ад, перепуганные женщины с детьми на руках оставляли сакли и кидались вниз с высоты, уповая на спасение.

Пали почти все горцы, аул оцеплен тройным кольцом. Солдаты вне себя и рвутся добить противника. Последний оплот

Шамиля вот-вот будет взят...Что делать ему, оставленному далёкими и близкими? Принести в жертву аул, где ещё остаются живые люди?..

А русское командование медлит, надеясь в очередной раз добиться бескровной сдачи. Предъявлен ультиматум, но имам выжидает, надеясь разве что на Аллаха. И тогда князь Барятинский со свитой выезжает к аулу. Бой остановлен, но русские батальоны сомкнулись угрожающим строем, остро сверкивая штыки.

Только когда Шамиль вышел из мечети с рукой на кинжале, стало ясно, что всё кончено. Имам верхом на коне пепельной масти, даже в этом усматривается символ – погас огонь полувековой Кавказской войны, и в охранении двух десятков уцелевших мюридов двинулся к расположению русской армии. Глаз он не поднимал и, должно быть, внутренне вздрогнул, когда солдаты, повинувшись негласному уставу тогдашнего воинства, встретили его раскатами «Ура!» как данью уважения к поверженному противнику.

Пленение Шамиля, воспроизведённое на известной картине художника Т. Горшельта, что висит в махачкалинском музее, было обставлено в высшей степени разумно, чтобы не унижить как воина и имама. Делалось это с загадом наперёд, ведь он должен был остаться в народной памяти непокорённым и только уступившим более сильному. В таком случае проявлялось великодушие Царя к своим теперь уже подданным Дагестана.

Командующий заговорил с Шамилём, и тот отвечал достойно, хотя не мог скрыть своего горя. К нему отнеслись с почтением и не лишили оружия, полагая главой покорённого государства. Были оказаны разные знаки внимания. Князь Барятинский даже пожаловал свою шубу, чтобы старик мог согреться. Шамиль признал победу русских и пожелал Государю успешно владычествовать над горцами для их же пользы.

Великий имам ехал по Дагестану, а люди в слезах прощались с ним. Шамиль дрался за Веру 30 лет, и казалось, что с его уходом закатилось солнце Ислама. Но время всё расставило по местам. И кто знает, приди на Кавказ не православная Рос-

сия, а иное сильное мусульманское государство-сосед, не переплавились ли бы в котле единоверцев те многие малые народы, что сохранили себя под русским и потом советским крылом?

Бытуют и другие версии пленения Шамиля, будто бы он был обманут князем – штурм начался ранее срока, оговоренного в ультиматуме, и после такого вероломства имам оказался захвачен. Но, согласитесь, сердце больше верит тому, как достойно для обеих враждующих сторон завершилась Кавказская война.

Дагестанцы поклоняются Гунибу. Бестужев-Марлинский заметил: «Никогда в жизни не видел я столько крови и столько храбрости на столь малом пространстве. О, как бы любили этот край русские, если бы он был их отчиной».

По счастливой случайности (вторично?) ко мне на обратном пути в писательском автобусике подсел Сиражудин Патахов – просил подвезти. Сам детский хирург, доктор медицинских наук. Рассказал о себе:

– Я в Махачкале с 69-го года. Получается, больше сорока лет. А вообще-то я согратлинец, хотя вырос и школу окончил в Гунибе. Наш род, можно сказать, весь медицинский, и среди Патаховых практически 90 процентов медики. Я как-то взял и сложил вместе свой медицинский стаж и стаж всех моих родных, и получилось целых 570 лет.

А в моём блокноте Сиражудин Патахович рядом со своими координатами приписал: «Люблю только Гуниб!». Оказывается его второе профессиональное занятие – краеведение, и Гуниб занимает главное место в разысканиях. Патахову известно такое, о чём даже не догадываются учёные мужи-историки. Подтверждением тому его сенсационные публикации с выверенными фактами и цифрами. Вот кто поистине летописец и знаток Гуниба! Когда мы остановились по дороге, чтобы сверху глянуть на горное селение, то он прекрасно это подтвердил своим искромётным рассказом про гунибскую историю, указывая на крыши домов.

Многим чем известны эти места. Наскальным календарям за сорок тысяч лет. Неподальёку от аула увидишь памятники христианства, что исповедовали здесь до XIII века...

Никак не обойти две именные арки: нижняя – «Ворота Барятинского», верхняя – названа повелением Александра II – «Ворота Шамиля». Когда мы проезжали под ними, то меня обожгла мысль: здесь ли, в другом месте, но должна быть и третья арка!

Поясню.

Накануне весь писательский отряд пригласили в Каспийск на премьеру фильма о Расуле Гамзатове «Исповедь» по сценарию Рустама Ибрагимбекова и Рамазана Абдулатипова. Смотрится кинолента на одном дыхании. Снята людьми, влюблёнными в Дагестан и его Поэта. Фильм в основе своей документален, но изобилует вкраплениями иных киножанров – это и реконструкция, и художественная съёмка...

После премьеры удалось перемолвиться с Рустамом Ибрагимбековым. Ему было приятно вспомнить, что в своё время именно ростовский журнал «Дон» первым напечатал у себя прозаический вариант «Белого солнца пустыни», где его соавтором был Валентин Ежов. Новая работа увлекла и захватила, тем более что режиссёром-постановщиком выступил сын Мурад Ибрагимбеков.

Все актёры – дагестанцы: Гаджи Ибрагимов, Гусейн Казиев, Хадижат Джамалудинова и Абдулхалик Абдулхаликов. Появление на экране Василя Ланового, Евгения Евтушенко, Мурада Кажлаева, Вахтанга Кикабидзе, других именитых и неизвестных персонажей в связи с героем ленты, только усиливает впечатление. Пожалуй, главное достоинство «Исповеди» её поэтическая образность под стать самому творчеству Гамзатова.

Но один образ есть главный, он, по сути, «держит» весь кинорассказ. Это босой мальчик, юный Расул, который начинает и завершает фильм самозабвенным танцем в арочной рамке. Словно душа Поэта ищет выхода и вырывается на родной простор и дальше, дальше... Этот мальчик проходит через всё действие, словно живёт и в молодом, и в зрелом Расуле Гамзатове.

Через него решается казалось бы нерешаемая задача поэтической судьбы. Речь об отношении Гамзатова к Шамилю. Здесь авторы фильма предельно откровенны. Да, подавшись

искушению, Расул в 1951 году написал стихи, очерняющие Шамиля. Со временем пришло раскаяние, но мало было посыпать голову пеплом. И в фильме даётся диалог с Шамилём, где звучат выстраданные слова самого Гамзатова:

– Я был тенью времени. Я не знал тогда, что поэт не может быть тенью, что он всегда источник света, независимо от того – слабенький огонёк или солнце.

Искупил ли свою вину Расул Гамзатов, судить зрителю, а в фильме мальчик, робея, подходит к всаднику, трогает коня. И Шамиль, а это он, спешившись, в свою очередь гладит мальчика по голове и подсаживает его в седло. Затем ведёт коня в поводу по горной дороге вверх...

*Небо пригубило край земли,
Пахнет порохом трава сухая.
Белые рыдают журавли:
То стихи Расула не стихают.
Помяну его за упокой
В русском храме с думой о Коране.
Режусь в кровь гамзатовской строкой,
Но стихи прикладываю к ране.*

Кинематографическая арка Расула Гамзатова создана. Почему бы не быть в Дагестане реальному воплощению этой третьей арки – арки Поэта?

Пражская сирень

Сиреневый цвет подсвечивает зелень городского сада. Мысленно срываю пахучую гроздь да и отыскиваю пятилепестковое счастье. Долетает пасхальный звон. Пара молодых непражан, бережно держа в полиэтиленовых пакетах кулички, спрашивают дорогу к православному... костёлу. Обмолвка, сочетание несочетаемых слов удивляет, но и в то же время радует. Вот он, ключ к городу!

Прага – сердце Европы не только географически, а по судьбе, по духу, – существуя много веков, сумела ничего не растратить своего и столько вобрать иноземного, опять же с пользой для себя. Что видит теперешний иноземец, впервые попадая сюда? Прежде всего – красоту старой части города, заповедной, исхоженной и осматриваемой многожды.

Что ж, присоединимся к смотрящим по сторонам. А тут ещё такое везение: личный русский гид, пражанка-москвичка Надежда (уехала за мужем в Чехию), человек свой, литературный, преподаёт французский, но водит и экскурсии. Блокнот и цифровик – в руки, и – вперёд, по узким вольно расходящимся старым улочкам!

Вначале традиционно требуется пройти через Пороховые ворота. Тёмная средневековая громадина готической постройки впечатляет. Сверху из башен дозорные следили, не идёт ли враг, внизу хранились боезапасы. Удобная это штука – Пороховые ворота! Вот и теперь дежурят здесь кабриолеты, чтобы прокатить охочую до экзотики туристскую братию.

Первый король в Праге объявился в 1085 году. Трудновато приходилось монархам: получи трон, а потом удержи его – соперников хватало с избытком. Случалось, члены королевской фамилии пускали кровь друг другу. Однажды брат убил брата. Убиенного Вацлава посчитали святым. Это имя давали всем перворождённым сыновьям как наследникам престола. Тогда престолонаследование по мужской линии называлось «по мечу», а по женской – по веретену»...

Святой Вацлав как никто другой почитаем в Праге. В его честь – памятник, площадь, часовня, колокол... Особенно значим кафедральный собор св. Витта, сооружение которого началось в середине XIV века и завершилось в 1929 году, к 1000-летию со дня кончины Вацлава. Правда, и ныне часть храма – за реставрационной сеткой. Смешение архитектурных стилей – готики, ренессанса, барокко, – неизбежное при столь длительном строительстве, создаёт уникальный облик творения. Вспору говорить о пражском стиле!

Надежда рассказывает много чего диковинного. В своё время Прага, названная так из-за порогов на реке Влтаве,

была не только самым большим европейский городом, но и словно родилась заново. Пражане, дабы избежать частых наводнений, с помощью насыпного грунта подняли уровень земли на 3–7 метров. Город стоит на горе, и довольно часто при строительных работах открываются давние здания, чьи фрагменты затем тщательно оберегаются.

Такое адресное обозначение домов, как в Старом городе, вряд ли где ещё бывает. Они с прежних времён называются «У льва», «У винограда» и т. д., причём такое самовыражение предков-владельцев художественно оформлено на фронтонах. Название гостиницы «У трёх корон», видимо, тоже не случайно. А ещё на домах видишь по два номера – старый и новый. Вроде бы, так удобнее почтальонам, и корреспонденция доходит до адресата.

Пойми этих чехов, если у них даже улочка шириной в метр существует, где двоим не разойтись! Там висит пешеходный светофор: зелёный свет – иди, красный – стой.

Семь мостов соединяют Старый город с Малой стороной, и все дороги ведут к Карлову мосту. Опять же к XIV веку отсылает дата основания этого пражского символа. Умели строить люди! Мост по обеим сторонам укреплен башнями, на нём стоят барочные статуи и скульптурные композиции. Влтава сейчас спокойная, а бывает, что вода угрожающе поднимается, и тогда пражане отстаивают свой город от стихии. На мосту всегда уйма народу. Есть особо почитаемое место, золотой крест на парапете – коснись и загадай желание. Хорошо, загадаем...

Возраст Пражского града насчитывает одиннадцать веков. Ранее здесь пребывали чешские князья и короли, ныне – республиканские власти. Старый королевский дворец, уже упомянутый кафедральный собор св. Витта, базилика св. Иржи, Золотая улочка, Королевский сад и Летний дворец – все достопримечательности разве перечислишь!

... В мае 1945-го советскому солдату в Праге могли подарить букет сирени. Потом была иная, Пражская весна, случилось ещё много чего...

Настала пора перемен.

И вот на продажу выставлены советские награды в одном из магазинчиков. «Почём медаль «За освобождение Праги»? В знаменитом городе встречаются русские – есть работа. Например, Татьяна из Воронежа моет витрины возле Вацлавской площади. Но и тут же, неподалёку, копается в мусорном контейнере бородатый столичный бомж в замызганной куртке.

... Прага – она разная, не только туристическая, но и рабочая, что почти не бросается в глаза. Её трудовыми руками создан и сохраняется всем городам город. Чуть свет торопится трамвай, заполняются офисы, грузчики переносят объёмистые коробки, оранжевый экскаватор выбирает грунт у железнодорожной насыпи...

Прага – центр Европы, и ей уготовано судьбой быть перекрестием Запада и Востока. А Восток – это прежде всего Россия. Если и мериться с нею силой, то только с клюшками наперевес. Да и здесь не всё так просто после русской победы на канадском льду

ОТ СЕВЕРА ДО ЮГА

Полярная мета

Нескончаемая ночь за Полярным кругом. Край света, где обрывается двустигшие железной дороги, никак не продлеваясь далее, называется Воркутой. Отсюда – никого и ничего до самой кромки Ледовитого океана.

Полыхнёт лишь вполнеба северное сияние, беспокоя душу своей знаковой непонятностью. Только промельк совиных крыл да потерянная тень одинокой волчицы. И мёрзлая до звона тишина, что сближает с мирозданием.

Даром ли осиян небесными сполохами край земли – Заполярье, где Воркута признаваема едва ли не главной северной метой на карте России?

Есть точки и подальше, но трудно сыскать другое такое место, чей гений был бы так жизнестоек и одухотворён. И когда

небеса озаряет тревожная красота, как не думать об этом? Полярное сияние святит Воркуту.

Научные объяснения одному из самых красивых световых явлений природы, да, они есть. Ну, а передаваемые по вековой цепочке поверья исполнены значения и так поэтичны! Хотя, коли небо полыхает – жди беды. И была же беда: не зря безвинно загубленные души по сию пору бережат память живых.

Полярное сияние – знак высоких широт – меняет цвета. Едва ли не на каждый приходится своя легенда. Свечение, пульсация, игольчатое дрожание света, извивы «сиятельных» лент...

Мне запал в душу образ опоясывающей небо огненной арки, по которой боги сходят на землю. Почему бы не счесть таковым путь вдохновения, что одинаково даёт свыше и русскому классику, и известному пока лишь в воркутинских палестинах литератору.

Расцветает низкое небо над Воркутой, и оттого кажется нескончаемым. Будто нечто разумное желает вступить в контакт с людьми, привести в лад неустроенность нашего бытия. Сигналы могут и овеществляться в словах. Как хочется допустить это, ведь тогда заполярная жизнь и творчество приобретают особый смысл!

Ярославское знамение

Небо было пасмурным, но дождь перестал и опять только надвигался, когда при стечении народа, после совершённого крестного хода, на территории Кирилло-Афанасиевского мужского монастыря торжественно открыли памятник Минину и Пожарскому. Отсюда, из Ярославля, в 1612-ом году выступило народное ополчение, чтобы изгнать поляков из Москвы.

Православный монумент необычен уже тем, что доминанта сооружения – большой крест, вознёсший мозаичный лик Спаса Нерукотворного, именно его здесь обрели и с ним ходили предводители русского воинства Козьма Минин и князь

Дмитрий Пожарский, чьи бронзовые фигуры впечатляют силой духа и веры.

Однако самое удивительное, свидетельствую как очевидец, случилось в момент завершения официального действия – пошёл довольно сильный дождь. Силы небесные подали знамение как для пришедших в святую обитель, так и для всех ярославцев.

«Юными будут грядущие дни...»

Эту строку из стихотворения о родине Михаила Анищенко, подходящую для описания литературного действия в его честь на высоком волжском берегу в виду Жигулёвских гор, я выбрал ещё и потому, что далее поэт говорит в переклик с пушкинским откровением про «чувства добрые»: «И полетят над тобой Гамаюнами / Лучшие чувства мои».

Мало того, буквально за считанные месяцы до кончины Анищенко обронил фразу в интернет-переписке по поводу другого своего стихотворения о Бродском: «В этом стихотворении нет моих мыслей, не было их при прочтении стихотворений Бродского. В этом стихотворении есть только чувство...». И как жаль, что Михаилу Всеволодовичу не привелось услышать в той же переписке читательское слово о себе: «Чуть ли не единственный поэт Михаил Анищенко, кто на многие вопросы дал исчерпывающие ответы – царство ему небесное за это!»

Дух самого Анищенко, поэта, отмеченного Юрием Кузнецовым и Евгением Евтушенко, кажется, так и витал среди осеннего великолепия прибрежных деревьев и кустарников, дощатых домиков живописного лагеря «Жигули», сводя молодые дарования с руководителями семинаров для творческого разговора. Одобрение и неприятие, споры, полярность мнений и общий восторг: всяко случалось, даже... слёзы – почему бы и нет, когда из сорока участников подавляющее большинство это юные девичьи создания. И если руководителей семинаров именовали Мастерами, то, как кто-то подметил, сразу столько Маргарит.

... Находясь в заповедном месте, как не побывать на знаменитой горе Стрельной, где располагался один из сторожевых постов Волжской вольницы. Неоглядный простор и остров Середыш посредине реки захватывают дух. А по пути наверх проглядывали участки каменной степи, до невозможности красочные по весне. Не так ли и молодые таланты? Сберечь бы их, развить...

Бухта Орфея

Черноморское побережье, несравненной красоты Геленджик... Здесь поясняют, что вдоль знаменитой бухты тянется самая длинная в мире набережная. А Лермонтовский бульвар с памятником Михаилу Юрьевичу в сравнительной близости от скульптурного символа города по одному из переводов на русский – Белой невесты, пожалуй, возможно, счесть настоящим местом Геленджика.

Опальный поэт, по мнению того же Ираклия Андронникова, был здесь проездом на Кубань. Этому веришь, особенно стоя возле памятника перед морем ввиду горной гряды.

Иной раз под восторженные возгласы с берега над морской гладью затевается в зыбком мареве удивительная игра – дельфины то выскальзывают из воды, то уходят вглубь. И тогда потрясает состояние внезапной связи реальности с поэтическим мифом через окрестные красоты Черноморья.

Так и кажется, тебе даруются божественные звуки лиры Орфея, что спасли аргонавтов на морском пути за Золотым руном. Однако не уберегли ни Эвридику, ни самого певца на грешной земле. И только на небе исполнима вечная любовь!

Содержание

Аз воздам	5
Лукоморье	7
Пушкин со станции Успенской	8
По ту сторону	9
Сценка	12
Крестные раны	15
Амазонки	18
Чистый круг жизни	21
Река судьбы	24
Кочетовские воды	33
Возвратная сторона	35
Серебро Льва Аннинского	38
«От той взрывной волны, летящей круто...»	41
Зеркало Лады Одинцовой	47
Лада, или Обаяние женского имени	49
Образ поступка	52
Небо в рифму	54
Лебединая песня земли	56
«Никогда я не умру, поющий...»	59
Богатынская муза	60
Духовный кормчий	61
Белые крылья перевозимья	63
Звезда его имени	67
Последний звонок	70
Ритм сердца, записанный строкой	71
«Ушёл бы на Дон...»	73
Птицу бьют влёт	77
Устоять в слове	78
Что душе полезно	85

Юркий период	139
Жданов, Можаяев, Карякин	141
Перо на постельном белье	146
Совокупление по Кувалдину	149
«На канате выпляски...», или Антология ростовского разлива	151
Бабочки летят на «зов Нимфея»	157
«Смущенная рука», или Прощай, друг Вася!	170
Звонок Суслову... на тот свет	179
Человек публичной профессии	180
ЦИТАТНИК	183
«Душа моя, надруганная фальшью...»	183
«Удар топора... с заду списочного – в наперёд...»	185
«Солнце село где-то между нами...»	187

Места пребывания	189
Третья арка	191
Пражская сирень	199
ОТ СЕВЕРА ДО ЮГА	202
Полярная мета	202
Ярославское знамение	203
«Юными будут грядущие дни...»	204
Бухта Орфея	205

Литературно-художественное издание

Петров Виктор Сергеевич

ОКУЛЯР

Статьи, эссе, заметки о литературе

УДК 821. 181. 1-1
ББК 84 (2 Рос = Рус) 7

П 30 Виктор Петров

Издательство «Вест-Консалтинг», 2020. – 208 с.
ISBN 978-5-91865-619-8

Редактор Антон Реутов
Оформление Валентина Пешкова
Корректор Юлия Костецкая

Подписано в печать 27.05.20.
Формат 60x84/16. Тираж 300 экз
Заказ № 112

Издательство «Вест-Консалтинг»,
г. Москва, Есенинский бульвар, д. 1/26